

17660.

М. З. и Г. И.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ РЫБОЛОВСТВА.

ЗИМНІЕ
РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
НА БѢЛОМЪ ОЗЕРѢ

въ XVII столѣтіи.

В. В. Яковлевъ.

(Изъ «Вѣстника Рыбопромышленности», 1900 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

1901.

М. З. и Г. И.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ РЫБОЛОВСТВА

ЗИМНІЕ
РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
НА БѢЛОМЪ ОЗЕРѢ

въ XVII столѣтіи.

В. В. ЯКОВЛЕВЪ.

(Изъ «Вѣстника Рыбопромышленности», 1900 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

1901.

Библиотека ИРГО СССР

К

Печатано по распоряженію Департамента Земледѣлія.

7185

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ РЫБОЛОВСТВА,

Зимніе рыбныя промыслы на Бѣломъ озерѣ въ XVII столѣтіи ¹⁾.

Съ первыми заморозками оканчивались на Бѣломъ озерѣ пооброченныя «осенніе» рыбныя промыслы, зима еще не наступала, ловецкое же промысловое населеніе, преименно привычное въ своей дѣятельности, не останавливалось и немедля разбиралось въ разнообразіяхъ промысловъ, приспособленныхъ къ измѣнявшейся, вслѣдствіе атмосферическихъ причинъ, обстановкѣ; частью оно втягивалось въ одинъ какой либо промыселъ, соединяясь трудомъ и орудіями производства въ товарищества, частью промысляло въ одиночку,—и, такимъ образомъ, продолжало свой трудъ на томъ же поприщѣ далѣе и далѣе, лишь въ иной обстановкѣ, во всю зиму и до половодія.

¹⁾ Въ паралель описанію современныхъ рыбныхъ промысловъ на Бѣломъ озерѣ въ «Отчетѣ Экспедиціи изслѣдованія рыболовства въ с.-з. озерахъ Россіи»,—настоящими очерками, составленными по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ архивныхъ бумагъ, предполагается пополнить тѣ нѣсколько страницъ, которыя названная Экспедиція удѣлила изслѣдованію промысловъ этого края. Экспедиція, вооруженная научными естественно-историческими знаніями, выполняющая свою программу, въ своемъ отчетѣ, сѣтуетъ на отсутствіе историческихъ данныхъ; указать на существующіе въ архивахъ матеріалы исторіи рыболовства и ознакомить нѣсколько съ содержаніемъ, касающихся Бѣлаго озера, — составляетъ вторую цѣль этихъ очерковъ.

Источниками къ составленію настоящаго очерка послужили: 1) приходо-расходныя книги Бѣлоз. рыбнаго двора 1661—1667 гг., современная рукопись, принадлежащая составителю, скрѣпленная по листамъ рукоприкладствомъ воеводы И. Ф. Чаплина, П. Е. Моложенинова, подъячаго И. Тимохова и цѣловальниковъ, 2) бумаги Бѣлоз. рыбнаго двора, хранящіяся въ Архивѣ М-ва Юстиціи въ Москвѣ, и 3) акты, напечатанные въ изданіяхъ Ар. Экс. и др.

Иное дѣло,—дѣло «приказнаго очищенья» администраціи, вѣдавшей «Государевы» бѣлозерскіе рыбныя промыслы. Не наступающая въ свое время зима и эти разновидности въ промыслахъ затрудняли мѣстныхъ приказныхъ въ ихъ отчетности передъ мелочно, на бумагѣ, требовательной Москвой. На Бѣлозерскомъ «Великаго Государя рыбномъ дворѣ» велись книги сбора оброковъ съ ловцовъ за право производства промысла, въ озерѣ и рѣкахъ, велись по отдѣламъ, соответственно или времени года, или орудіямъ лова, или наконецъ породамъ рыбъ, преслѣдуемыхъ хотя и однимъ и тѣмъ же орудіемъ, но въ разное время года. Оплаченные оброками и занесенные въ книги, въ отдѣлѣ «осеннихъ», промыслы отошли, зимы нѣтъ, а ловцы не ждутъ и промысляютъ. Составители книгъ въ виду этого вынуждены бывали, для большей точности, варьировать рубрики промысловъ,—называя ихъ «осенне-зимними», «зимними», а со 2 февраля даже «весенними», хотя дѣйствительно «вешніе» еще далеки и составляютъ собою особый отдѣлъ въ ихъ книгахъ, а потому въ сущности,—эти «осенне-зимніе», «зимніе», и эти «весенніе», представляютъ всѣ вмѣстѣ одну группу зимней промысловой дѣятельности населенія на озерѣ; сюда относятся; 1) неводныя ловли двухъ видовъ: а) собственно «неводами», рѣдкими неводами и б) «тагасами», частыми неводами; 2) ловли «керешками переметными»; 3) «керешками крючными», 4) багренье, ловля «баграми» и 5) ловли въ рѣкахъ «вершами».

Рѣдкіе и частые невода.

Въ зависимости отъ атмосферическихъ явленій, времени ранняго или поздняго замерзанія озера, зимній «рѣдкихъ неводовъ» промыселъ въ своемъ началѣ не былъ и не могъ быть приуроченъ къ какому либо опредѣленному сроку ¹⁾. Техническимъ выраженіемъ, встрѣчающимся въ архивныхъ бумагахъ, для обозначенія его начала,—было «съ первыя поледныя ставки», «по первой зимней ставке»; болѣе точно иногда опредѣлялось, ловлю «по тонкому льду». Слѣдовавшій по времени за нимъ «частыми неводами, что словутъ тагасы» зимній промыселъ начинался съ 6 декабря «съ Николина дни осеннего»; это же число полагалось гранью между первымъ, по времени, неводнымъ промысломъ, называвшимся «поледеннымъ», и тѣмъ же неводнымъ, «рѣдкихъ неводовъ», промысломъ съ 6 декабря, продолжавшимся во всю зиму, до весны,—и называвшимся «зимнимъ». Въ одномъ дѣлопроизводствѣ о взысканіи неуплаченнаго оброка,

¹⁾ Въ архивныхъ бумагахъ, какъ на начало этихъ промысловъ, встрѣтились два указанія разныхъ годовъ XVII вѣка, на 10-е и на 25 октября.

ловець говорилъ: «неводомъ де я на Бѣлѣозерѣ рыбу ловилъ поледенную и зимнюю»:

Раздвоеніе неводнаго промысла вытекало изъ практиковавшейся населеніемъ замѣны орудій производства промысла, соотвѣтственно намѣчаемой цѣли промысла, зависѣвшей, въ свою очередь, отъ тѣхъ или другихъ подмѣченныхъ явленій изъ жизни и природы преслѣдуемой добычи. Часть населенія, ловцовъ-неводниковъ, «отловя поледную ловлю рѣдкими неводами»,—оставляла этотъ промыселъ и становилась въ «тагасный», другіе продолжали ловлю неводами во всю зиму «а тагасовъ у нихъ не будетъ», иные же по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, расчетамъ или привычкамъ, промышляя тагасомъ, — рѣдкими неводами не ловили вовсе. Частности эти не ускользали отъ вниманія властей и отзывались на промышленникахъ въ величинахъ обложенія ихъ оброками и добавочными личными повинностями, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ указѣ 1666 года ¹⁾ объ оброкахъ и распорядкахъ на Бѣлозерскихъ рыбныхъ ловляхъ, — о неводномъ промыслѣ упоминается лишь въ указаніи, чтобы тагасная ловля начиналась «съ того времени какъ неводной подледный промыселъ отойдетъ»; позднѣе, въ писцовой книгѣ 1674 г. промышленники-неводники уже точно подраздѣляются на а) которые ловятъ «съ первые подледные ставки и во всю зиму», и б) которые ловятъ съ того же срока «одинъ подледный промыселъ». Соотвѣтственно этому и въ приходныхъ книгахъ рыбнаго двора поступленія оброковъ записываются отдѣльными статьями съ ловель неводами «поледенной ловли» и «зимою».

Рядомъ съ неводнымъ шелъ другой, представляющій, по сохранившимся свѣдѣніямъ, болѣе чѣмъ первый значительное развитіе, рыбный промыселъ «тагасный», — «ловятъ въ Бѣлѣозерѣ снятки частыми неводами, что словутъ тагасы»; въ приходныхъ книгахъ рыбнаго двора 1660-хъ годовъ промыселъ этотъ обозначался такъ: «зимнего же промыслу рыбные ловцы ловили рыбу въ Бѣлѣозерѣ тагасами», и потомъ точнѣе «ловили рыбу снятокъ тагасами». Совокупность условій наступленіе прочной зимы и съ тѣмъ вмѣстѣ открывавшагося удобства преслѣдованія намѣченной добычи, въ мѣстахъ ея скупиванія къ этому времени, — спеціально приспособленнымъ орудіемъ лова, въ расчетѣ наибольшей вѣроятности успѣха, — все это «искони вѣчно» существовавшее и повторявшееся,

¹⁾ Д. А. И. т. V, № 7. Не допущена ли опечатка въ изданіи этого указа. На эту мысль наводитъ то, что въ концѣ его текста дѣлается ссылка на установленную цѣну за взимаемую въ казну рыбу «какъ писано выше сего подъ неводнымъ оброкомъ»,—между тѣмъ этого-то «выше сего» писаннаго въ указѣ и не достаетъ.

подмѣченное конечно еще первыми засельниками этого края (завѣщавшими потомкамъ и черезъ вѣка сохранившееся названіе орудія лова «тагасъ» «тугасъ»), — установило точно опредѣленное время его начала. Эту срочность встрѣчаемъ въ указѣ 1666 года, «а ловить бы моль ¹⁾ тагасами съ того времени, какъ неводной подледный промыслъ отойдетъ». Въ запискѣ П. Моложенинова ²⁾, завѣдывавшаго рыбными промыслами въ 60-хъ годахъ, въ 1668 г. бывшаго тутъ воеводой, о закупкѣ и заготовленіи снѣтка для Москвы ³⁾, онъ укавываетъ на 6 декабря, какъ срокъ начала тагасной ловли, «а зимою Государь ловъ снѣтку бываетъ въ Бѣлозерѣ по льду тагасами, когда Бѣлоозеро станетъ въ тихое время гладко, какъ придуть ловцы съ Бѣлоозера съ поледные ловли, съ Николина дни осеннего, декабря съ 6-го числа и до полые воды». Тоже приуроченіе тагаснаго промысла къ сроку видно и изъ арендныхъ договоровъ жителей устьшихонскихъ ⁴⁾ рыболовныхъ селеній съ казной этого же времени: въ нихъ оговаривалось, чтобы имъ «на тагасную ловлю», — «стать съ бѣлозерцы посадскими и уѣздными рыбными ловцами одного дни и о томъ намъ чинить съ Государева рыбнаго двора вѣдомость».

Въ 1667 г. воевода И. Чаплинъ и Моложениновъ, вопреки обычаямъ, сдѣлали отступленіе и дали разрѣшеніе тагасникамъ, у которыхъ «рѣдкихъ неводовъ не будетъ», выйти на озеро «рыбы ловить съ первые ставки», даже «хотя и прежь неводовъ», — ограничивъ районъ этой ранней тагасной ловли пространствомъ, гдѣ именно осенью по указаніямъ Отчета Экспедиціи, преимущественно и собирается преслѣдуемая промысломъ рыба-снѣтокъ, «а ловили бѣ отъ сухова берегу въ озерѣ за версту, а выше не ловили». Мотивируя распоряженіе тѣмъ, «чтобъ неводнымъ рыбнымъ ловлямъ тагасными ловлями порухи не чинили», они не столько имѣли въ виду интересы неводныхъ промышленниковъ, сколько, чтобы нововведеніе это не сдѣлало «порухи» въ сборѣ оброковъ съ неводниковъ, при конечной цѣли взять въ то же время съ тагасниковъ «при прежнемъ лишнее». Назначая надбавку къ оброку, они оправдывали ее тѣмъ, «что напередъ сего тагасами выпускали съ Бѣлоз. рыбн. двора на озеро рыбы ловить на себя въ тѣ поры, какъ поледный неводной промыслъ отойдетъ, а нынѣ они тагасники отпущены рыбы ловить прежь неводовъ». Ко времени Писц. книги

¹⁾ «Моль» — мелкая рыба. Областн. словарь.

²⁾ Записка эта приведена въ дальнѣйшемъ изложеніи очерка.

³⁾ Стр. Бѣл. Акт. 89.

⁴⁾ Истокъ р. Шексны изъ озера въ то время назывался устьемъ.

1674 г. нововведеніе Чаплина вошло въ обычное положеніе; тагасный промыселъ въ ней описывается двухъ видовъ, одни ловцы ловятъ тагасами «съ первые поледные ставки и во всю зиму», — другіе «ловятъ рыбу неводами одинъ поледный промыслъ... а послѣ неводовъ тагасами».

Успѣшность промысловъ, неводнаго и тагаснаго, стояла въ прямой зависимости отъ того, при какихъ атмосферическихъ условіяхъ происходило замерзаніе озера. «Когда Бѣлоозеро станетъ въ тихое время гладко», какъ свидѣтельствуеъ Моложениновъ, успѣхъ былъ обезпеченъ; но это случалось, повидимому, не часто; оттепели и бури послѣ перваго замерзанія озера, неблагопріятныя условія для промысловъ, отмѣченныя и въ Отчетѣ Экспедиціи (стр. 17), влекли за собою «безпромыслицу». Неровное замерзаніе озера создавало «великіе ломы и груды большіе», которые затрудняли подледную тягу рыболовныхъ снастей, такъ какъ оказывалось при этомъ ловить «не ходко» и «за ломами и тиною задѣвесто». Объ этомъ неблагопріятномъ условіи, часто повторявшемся, сохранилось въ бумагахъ рыбнаго двора много разновременныхъ свидѣтельствъ. Изъ шести лѣтъ подъ рядъ (времени Прих. расх. книгъ), три зимы 1662, 1664 и 1666 г. была «безпромыслица», ловили «непромышленно», «съ великою нужею» ¹⁾, выходили ловить неводами и «не сверша того поледнаго промыслу съ озера сошли и ловить больше того неводами не ходили», «осенью на полую воду выпали снѣга великіе и озеро ставало не въ одно время и отъ большихъ вѣтровъ ледъ на озерѣ ломало». Ловецъ показывалъ: «въ прошломъ де во 182 году о первой поледной ставке онъ, Оилька, ловилъ неводомъ и которая де у него, О., рыба тѣмъ неводомъ была въ уловѣ и та де уловная ево неводная рыба потонула, потому что де въ то время былъ отъ вѣтру на озерѣ поносъ, ледъ несло, и неводъ де ловецкой на томъ поносѣ весь придрало и оброчной де рыбы на рыбномъ дворѣ платить ему, Оилькѣ, стало нечѣмъ и онъ де, О., покиня неводной промыслъ, учалъ ловить тагасомъ» ²⁾.

Описаніе этого явленія, полное въ то же время свѣдѣній о порядкахъ явки, записки ловцовъ и досмотра рыбы, соблюдавшихся на Бѣлоозерѣ, встрѣчается въ допросныхъ рѣчахъ ловцовъ 1675 г.: «183 г. Ноября въ 29 день на Бѣлоозеро на Государевъ рыбной дворъ привезли съ неводовъ Государеву оброчную бѣлоозер. рыбу, стерляди и судоки и щуки, рыбные охочіе ловцы, которые въ бѣлоозерѣ рыбу неводами ловили въ нынѣшн. во 183 году о первой

¹⁾ Стр. 50, Бѣлов. акты.

²⁾ 168 стр. Бѣлов. акты.

полевой ставке»—«съ 13 своихъ рѣдкихъ неводовъ ¹⁾). И по до-
 смотру воеводы Ив. Ѳед. и сына ево И. И. Чаплиныхъ та рыба
 ловлена о первой полевой ставке и въ теплынь полежала и не
 цвѣтна. И они, рыбные ловцы, допрашиваны порознь, для чего
 они на обиходъ Вел. Государя свѣжей бѣлоз. полевой рыбы дру-
 гой, послѣдней ставки, не привезли и въ допросѣ они сказали по
 святей Христове непорочной евангильской заповѣди Господни еже
 ей ей: въ нынѣшн. во 183 г. Октября съ 24 числа, явясъ на Бѣлѣ-
 озерѣ на Госуд. рыбномъ дворѣ у воеводы... и записався, ловили
 де они въ бѣл—рѣ рыбу неводами 3 дня и 3 ночи, и уловили де
 они на обиходъ Вел. Госуд. оброчную рыбу, которую привезли они
 нынѣ на Госуд. рыб. дворъ. И Октября де съ 27 числа были дожди
 и теплынь великая и въ тѣ де поры та теплынь застала ихъ рыбн.
 ловцовъ на бѣлѣозерѣ, и въ великіе де вѣтры и въ теплынь озеро
 разломало и они де, рыбн. ловцы, съ неводами и съ уловною ры-
 бою сошли въ дома свои, и въ тѣ де поры, какъ шли съ озера,
 мало ихъ съ неводами и съ лошадьми не потопило. И была де
 та теплынь Ноября по 23 день, и въ тое де теплынь и въ дожди
 неводами рыбы они въ Бѣлѣозерѣ не ловили. А тое де своей
 уловной рыбы они на Госуд. рыб. дворъ, по явкѣ, не привезли до
 сего числа для того, что Бѣлоозеро стояло поло и вести де рыбы
 за великими вѣтры было нельзя. И Ноября де въ 23 день, какъ
 Бѣл—ро замерзло въ другой рядъ, и въ тѣ поры выходили де они,
 рыб. ловцы, на Бѣл—ро тѣми жъ своими 13-ю неводами рыбу ло-
 вить и ловили де они рыбы 3 дни и 3 ночи и невода свои въ тѣ
 поры они придрали, а рыбы де въ уловѣ у нихъ ничего не было,
 потому что де послѣ первой полевой ставки и въ теплыни, вели-
 кими вѣтры по озеру ледъ носило и для того на озерѣ учинились
 великіе ледяные заломы и груды; а на теплую де воду въ то время
 пала снѣжная большая туча и отъ того де снѣгу и отъ великихъ
 вѣтровъ въ озерѣ тотъ снѣгъ съ тиною смѣшалось, и неводы де
 въ озерѣ для ледяныхъ заломовъ и груды и тины не ходятъ и
 впредь де нынѣшнею зимою въ Бѣлѣозерѣ для того рыбы рѣдкими
 неводами ловить нельзя и для того у нихъ нынѣ въ привозѣ на
 Госуд. рыбной дворъ свѣжей рыбы нѣтъ» ²⁾).

Въ приведенныхъ выпискахъ намѣчены уже отчасти условія
 производства рыбныхъ промысловъ, вытекавшія изъ требованій
 правительства, предъявлявшихся въ 17-мъ вѣкѣ той части Бѣло-

¹⁾ Невода: с. Ухтомы (7), Мунги (1) и по одному изъ волостей «Волотцкіе
 Шубацкіе, Мунскіе, Роксомскіе и Липина Борку».

²⁾ 58 стр. Бѣлоз. акты.

зерскаго населенія, которое «отъ того озера сыти бывали», требованій, обоснованныхъ на характерѣ государственности въ то время озера ¹⁾), осложнявшихся еще монопольнымъ въ торговлѣ положеніемъ казны. По сколько сохранилось о нихъ свидѣтельствъ въ архивныхъ бумагахъ, они будутъ сгруппированы въ дальнѣйшемъ изложеніи. Другая сторона вопроса, выводы о степени экономического благосостоянія края, о томъ, бывало ли промысловое населеніе дѣйствительно «сыто» и въ какой мѣрѣ, могутъ быть сдѣланы или намѣчены послѣ обозрѣнія промысловъ всего круглаго года, попытку чего и предполагается представить въ той мѣрѣ, на сколько о томъ могло быть собрано свѣдѣній.

Зимніе, неводной и тагасный промыслы имѣли мѣсто исключительно на озерѣ, на всемъ его пространствѣ; изъятымъ изъ общаго пользованія «заповѣдными водами», въ зимнее время было ограниченное пространство около «Киснемскихъ каменьевъ» (въ сѣверной части озера), гдѣ производились казенныя неводныя ловли «на Вел. Госуд. обиходъ», и условное пространство въ озерѣ у истоковъ р. Шексны. Въ «заповѣдныхъ» была «вольная вода»; раздѣленія озера на участки, существующаго въ настоящее время, соотвѣтственно гранямъ частнаго берегового земельного владѣнія и вытекающаго изъ того права на ловли лишь мѣстнаго, прибрежнаго населенія, въ то время не было и не могло быть, такъ какъ отсутствовало понятіе о правѣ на воды этого водоема береговыхъ владѣльцевъ ²⁾). Владѣльцемъ, хозяиномъ озера было правительство «Государь Царь и Великій Князь всея Россіи». Ограниченіе свободы лова заключалось въ подчиненіи общимъ, установленнымъ правительствомъ, условіямъ производства промысловъ, и частнымъ распоряженіямъ мѣстныхъ его органовъ, завѣдывавшихъ Бѣлозер. рыбнымъ дворомъ, наблюдавшихъ интересы казны.

Изъ донесенія (явки) сытника Алексѣя Тургенева 1641 года

¹⁾ Выраженіе «государственность» (или «Государево», что по понятіямъ того времени было одно и тоже) общепринято и имъ пользуемся, затрудняясь подысканіемъ другого болѣе точнаго, которое передавало бы смыслъ, значеніе правъ государственной власти на земли «порозжія», воду «вольную», лѣсъ «дикий» и т. п.

²⁾ Въ Юридич. Актахъ, изд. 1838 г., подъ № 141, издана отводная на земли Кирилова монастыря 1482 г. Въ содержаніе ея вошла грамота Князя Михаила Овдрѣевича (Вереysкаго и Бѣлоз. князя), въ которой встрѣчается: «ино что противу ихъ Кіуйца рѣчки и противъ ихъ земель тони въ озерѣ Осиновскіе» и иные, которыя противъ ихъ земель тони въ озерѣ, и язъ ихъ тѣми тонями пожаловалъ, противъ того, что было въ Киснемѣ противъ ихъ деревни тони занде же тѣ ихъ тони взялъ есми себѣ». Въ XVII вѣкѣ существованія этихъ обособленныхъ тонъ монастыря не видно.

(болѣе ранняго времени точныхъ свѣдѣній не встрѣчается), въ Съѣзжую избу воеводѣ Л. Плещѣву узнаемъ, между прочимъ, о распорядкахъ того времени по наблюденію за промыслами. Тургеневъ посылалъ подъячаго рыбнаго двора, съ цѣловальникомъ и пушкаремъ, вокругъ озера «по всѣмъ по рыбнымъ пристанямъ», — «записывать ловцовъ неводниковъ и тагасниковъ», — и въ то же время, однимъ заѣздомъ и ловцовъ, занимавшихся другими мелкими промыслами. Посланные дѣлали перепись ловцамъ «которые у нихъ записывались и являлись», и по возвращеніи въ городъ подавали сытнику «имянную роспись кто, какою ловлею ловилъ и хто имянемъ и съ которой пристани». За сборомъ «явочныхъ оброчныхъ денегъ» сытникъ ѣздилъ самъ со свитою по пристанямъ ¹⁾).

Изъ списка указа ^{157/}₁₆₄₉ г. Прикащику сытнику Оед. Кононову ²⁾ видно, что дѣятельность свою по завѣдыванію рыбнымъ дворомъ началъ онъ съ доноса въ Москву о невѣрностяхъ въ цифрахъ промышлявшихъ ловцовъ ^{154/}₁₆₄₆ г. и собраннаго оброка, — замѣченныхъ имъ при сличеніи прихода-расходныхъ книгъ того года съ записками въ столбцахъ: «книги съ столлами не сошлись», «и то знатно», писалъ онъ, «что тѣ оброчные деньги и рыбу крали» подъячій и цѣловальники рыбнаго двора. Подъячій объяснялъ: «а сколько лотокъ и неводовъ противъ цѣловальничьихъ записокъ, какъ они около озера записывали ловцовъ по пристанищамъ, писалъ онъ—примѣряясь противъ росписного списка И. Кисловскаго», — бывшего прикащикомъ еще до Т. Шеховскаго, предшественника Кононова, съ которымъ этотъ послѣдній, по обычнымъ правиламъ, росписывался въ принятіи дѣлъ рыбнаго двора. Слѣдующаго ^{158/}₁₆₅₀ г. имѣется обрывокъ указа изъ Москвы и повальный обыскъ о дѣйствіяхъ того же Кононова, о его безчинствахъ, самоуправствѣ и лихоимствѣ ³⁾).

¹⁾ Въ подобной поѣздкѣ съ Тургеневымъ случилась бѣда: дорогой «свѣдалъ» онъ, что крестьянинъ Коротнева, Конко Дехтевъ ловилъ «украдомъ, не являсь и не записався». Виноватаго разыскали, забрали и повезли съ собою въ городъ, такъ какъ онъ не могъ дать по себѣ поруки въ платежѣ оброчнаго за тагасъ рубля и «заповѣдныхъ денегъ 2 р. 4 алт. 1½ д.» за то, что ловилъ украдомъ». Дорогой остановились въ попутной деревнѣ, сюда же явился помѣщикъ Коротневъ съ людьми «отбивать того своего крестьянина». Пришедъ въ избу, гдѣ стоялъ сытникъ, Коротневъ «учалъ меня лаять всякою неподобною лаею», называлъ воромъ, съ ножомъ на него «метался и зарѣзать хотѣлъ» людямъ своимъ приказывалъ «ножомъ рѣзать и саблею сѣчь», при этомъ у дверей избы стоялъ его человѣкъ съ саблею «и изъ ножонъ саблю на меня... вынималъ и саблею срубить хотѣлъ». Выручили сытника бывшіе въ его свитѣ подъячій и цѣловальники, въ челобитной Тургеневъ ссылался на мѣстныхъ крестьянъ, какъ на свидѣтелей. Стр. 600. Бѣл. акты.

²⁾ Стр. 402, А. Б.

³⁾ Стр. 579, А. Б.

Упорядоченіє дѣла завѣдыванія бѣлозерскими рыбными промыслами начинается со второй половины 17-го вѣка ¹⁾. Слѣдующее десятилѣтіе, 1660 годовъ, идетъ дѣятельная работа по урегулированію отношеній народонаселенія въ его промысловой дѣятельности къ казнѣ: появляются усердные и умѣлые правительственные агенты, энергично преслѣдующіе устройство «твердости и прочности» Царскаго дѣла «какъ бы Великому Государю было прибыльнѣе и впредь постоянно и прочно». Въ дальнѣйшемъ изложеніи очерковъ будемъ часто встрѣчаться съ чертами дѣятельности администраціи края въ этомъ направленіи, но въ общемъ изложеніе устройства Царскаго дѣла, особенно времени воеводства Чаплина и Моложенинова (1660-хъ г.г.), по сложности и многосторонности своей и по массѣ сохранившихся письменныхъ матеріаловъ, хотя бы и отрывочныхъ, должно бы составить предметъ особаго очерка.

Въ первыхъ числахъ октября, а быть можетъ съ Покрова, по привычкѣ стараго времени приурочивать всякіе сроки къ церковнымъ праздникамъ ²⁾, начальство рыбнаго двора озабочено обнаруженіемъ выставляемыхъ условій производства земныхъ промысловъ на озерѣ. Въ бумагахъ рыбнаго двора встрѣчаются двѣ кликовья памяти и одна наказная, ^{175/1667} и ^{207/1699} годовъ, относящіяся къ зимнимъ промысламъ ³⁾. Писались онѣ, какъ и всѣ подобныя бумаги того времени, объ извѣстномъ предметѣ, по одному разъ принятому шаблону, и разница въ разновременныхъ памятяхъ лишь та, что позднѣйшія противу первообраза пополнялись въ то или другое время введенными правительственными распоряженіями.

По велѣнію памяти ^{175/1667} г. (3 октября) биричь Дружинка Степановъ кликалъ «на Бѣлозерѣ въ рядѣхъ и не въ одинъ день (по многіе дни) для того, которые бѣлозерцы посадскіе люди и Бѣлозерскаго уѣзду ⁴⁾ помѣщиковы и вотчинниковы и монастырскихъ вотчинъ крестьяне похотятъ въ нынѣшнемъ во 175 г. въ Бѣлозерѣ рыбу ловить рѣдкими неводами и частыми тагасы (съ первополенной ставки неводами, а послѣ неводовъ тагасами), и онибъ, кому какою ловлею рыбу ловить (прежъ рыбныя ловли) являлися на Бѣлозерѣ на рыбномъ дворѣ у воеводы... и записы-

¹⁾ Указъ стряпчему Семіокову, Д. А. И. IV, № 38. Наказъ хлѣбнаго двора подклучнику Козлову 161 г. (стр. 182, Б. А.).

²⁾ Таковы были дни: «Стрѣтенья Господня», «Ильинъ день Св. Пророка», Юрьевы, Николины дни, осенніе и вешніе, Сборное Воскресенье и др.

³⁾ Стр. 282, 589 А. Д.

⁴⁾ Бѣлозерскій уѣздъ простирался на С. до линіи между Ковжеозеромъ и Чаравдой, на Ю. до впаденія р. Суды въ Шексну (по правому берегу р. Суды и по Колпѣ).

вались (имяна свои записывали въ записныя явочныя книги), для того, чтобъ они рыбные ловцы были вѣдомы и въ рыбныхъ и въ денежныхъ оброкахъ никто въ избылыхъ не были».

Наказною памятью того же года двумъ стрѣльцамъ велѣно было «ѣхать около Бѣлаозера и рыбнымъ ловцомъ помѣщиковымъ и вотчинниковымъ и монастырскихъ вотчинъ крестьянамъ сказать», чтобы, которые «похотятъ» ловить рыбу, являлись въ городѣ на рыбномъ дворѣ, въ уѣздѣ «на пристаняхъ рыбнаго двора у цѣловальниковъ и записывались»... «досталъ написана противъ кликовой памяти», отмѣчено въ подлинной черновой бумагѣ.

Кликовая память объявляла о величинахъ оброковъ денежнаго и рыбою, которые ловцы должны были платить съ невода или тагаса и о добавочной повинности, которою были обложены эти промыслы; позднѣе коротко объявлялось, что въ оброки «будетъ взято противъ прежнего». Уловную, «за оброкомъ», рыбу, т. е. всю промысловую добычу, «объявлять бы» для досмотру на рыбномъ дворѣ, а по пристанямъ цѣловальникамъ «для того, любо возмется тое уловныя рыбы на Великаго Государя обиходъ въ цѣну, а цѣна за тое рыбу дана будетъ противъ прасольской (рыночной) цѣны», иногда же объявлялась впередъ и цѣна. Ранѣе сказаннаго досмотра продавать рыбу на сторону воспрещалось.

Далѣе соотвѣтственно изложеннымъ требованіямъ, объявлялись они же и въ отрицательной формѣ: а) «а безъявочно бы и безъ записки рыбные ловцы рыба ловить на озеро не выходили»; б) «и уловныя рыбы безъ досмотру никому не продавали», «а на ловецкіе свои дворы съ уловною рыбою не объявлясь не вѣзжали». Въ кликовой памяти ²⁰⁷/₁₆₉₉ г. обязательный пріѣздъ промышленниковъ къ пристанямъ и рыбному двору, для объявки уловной рыбы, мотивированъ: «для того, что на нихъ рыбныхъ ловцахъ оброчной рыбѣ... чинитца по вся годы многая донимка».

Было сказано, что Киснемскія воды были изъяты изъ общаго пользованія, а потому объявлялось о воспрещеніи лова въ ограниченномъ вѣхами пространствѣ водъ: «ниже вѣхъ, къ сухому берегу, къ Государевымъ Киснемскимъ заповѣднымъ тонямъ, рыбные бѣ ловцы на себя рыбы не ловили».

Указомъ ¹⁷³/₁₆₆₅ г. требовалось, чтобы ловцы уловную «въ тагасахъ и переметахъ» стерлядь «большую и малую» привозили на рыбной дворъ «и имъ за тѣ стерляди давати по указной цѣнѣ». Въ ¹⁸²/₁₆₇₄ г., повидимому, былъ указъ изъ Москвы, не сохранившійся, допускавшій ловъ снѣтка тагасами вѣроятно «съ первой ставки» — «отъ сухова берегу въ 1½ верстѣ» ¹⁾. Въ кликовой 207 г.

¹⁾ Стр. 528 Б. А.

встрѣчаемъ добавленіе, чтобы ловцы выловленныхъ «стерлядей менши указной мѣры полуаршина», — «отпускали» въ озеро живыми, отнюдь не продавали «и сами не корыстовались»; требованіе это основывалось на указѣ 187 г. ¹⁾, въ которомъ были приведены и мотивы распоряженія—«чтобы плоду не перевестъ» этой породы рыбъ, и взысканія за нарушеніе распоряженія въ видѣ крупныхъ штрафовъ и битья батогами.

Въ заключеніе, во всѣхъ памятяхъ, объявлялась обычная того времени угроза, «быть въ пенѣ и жестокомъ наказаньи безъ пощады» всѣмъ нарушителямъ того или другого изъ обязательныхъ для промышленниковъ распоряженій, причемъ, въ случаяхъ продажи рыбы «безъ досмотру», полагалась равная отвѣтственность и продавца и купца ²⁾.

¹⁾ Д. А. И. VII, 30, 4; А. А. Э. IV, 231, въ обобщеніи, въ видѣ справки, приводится, что указъ о томъ же предметѣ былъ еще въ 177 г.

²⁾ Въ приходо-расходныхъ книгахъ, въ заголовкѣ сбора оброковъ съ неводного промысла 174 г. записано: «охочіе ловцы выходили ловить... и ловили по 3 дни, а иные по *высылкѣ*, ловили больши и 3-хъ день и многіе не сверша», съ промысла сошли, была беспромыслица. Здѣсь непонятно выраженіе «по *высылкѣ*», обращенное къ ловцамъ «охочимъ», промышлявшимъ «изъ воли». Обозначаетъ ли оно лишь обычное оповѣщеніе о началѣ промысла, такъ какъ таковое, повидимому, бывало, или же не было ли это, въ какой либо формѣ выражавшимся, принужденіемъ ловецкаго населенія ловить—для неупущенія «взятыхъ» рыбы этого промысла, слѣдовавшей съ ловцовъ въ видѣ оброка, «на Великаго Государя обиходъ», и «за оброкомъ въ цѣну», — товара, особенно интересовавшаго Москву, какъ о томъ будетъ изложено въ очеркѣ прасольскаго промысла. Москва, въ бумагахъ, исходившихъ изъ приказовъ, предлагая своимъ городовымъ агентамъ какое либо мѣропріятіе, не стѣснялась въ употребленіи неподходящихъ рѣченій для выраженія неотложнаго исполненія своего велѣнія, и зачастую встрѣчаются въ родѣ: «велѣтъ ловцомъ ловить» и т. п. И хотя рыбаки-бѣлозерцы, въ коллективныхъ своихъ челобитьяхъ, доказывали Москвѣ, что «невольныхъ ловцовъ» между ними нѣтъ, что ловятъ «изъ воли», но въ практикѣ, особенно у себя дома, въ городѣ, воевода, радѣя о казенномъ интересѣ, быть можетъ въ расчетахъ «послужить», — конечно имѣлъ всѣ средства заставлять, велѣтъ ловить. Въ одной наказной, относящейся къ государевой погонной ловлѣ, воевода Чаплинъ откровенно выдаетъ себя въ этомъ направленіи, выговаривая ловцамъ-тагасникамъ: «а которые тагасники неводами (т. е. рѣдкими) не ходили и о поледной ловлѣ пробыли дома, а мочно было имъ инымъ неводами иттить и неводной оброкъ платить... да не пошли, не хотя платить неводного оброку,—и за то имъ», — объявляется нѣкоторое утѣшеніе въ отправленіи повинности погонной ловли.

Въ сказкѣ о беспромыслицѣ ловцы показывали, что они даже два раза ловятъ по 3 дни и по 3 ночи «на поледенномъ», чтобы добыть свѣжую рыбу на уплату оброка; въ приведенной выпискѣ прих. расх. книгъ опять цифра «три дни», рядомъ съ выраженіемъ «по *высылкѣ*», употребленнымъ въ годовую беспромыслицу; и это выраженіе и цифра 3 дни могли бы подать поводъ къ ошибочной догадкѣ—не было ли и здѣсь добавочной къ зимнимъ оброкамъ по-

Въ ¹⁸⁸/₁₆₈₀ г. встрѣчаемъ, быть можетъ вновь установленную форму явки ловцовъ, въ видѣ словесныхъ челобитенъ; 14 ноября этого года «били челомъ» на рыбномъ дворѣ воеводѣ «словесно» 15 человекъ (посадскіе и уѣздные), «чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ въ Бѣлоозерѣ рыбу ловить снѣтки тагасами по прежнему»;—воевода «слушавъ», — «велѣлъ» ловить согласно указовъ 182 и 187 гг. Тутъ же помѣта «и тотъ указъ Великаго Государя (такимъ-то) сказанъ»; но явка посредствомъ челобитенъ не исключала въ то же время и прежней формы явки съ запискою въ книгѣ, такъ какъ на этомъ же листкѣ записано, что тотъ же указъ сказанъ рыбнымъ ловцамъ, «которые написаны въ записной книгѣ, которые являся пошли на Бѣлоозеро рыбы ловить» ¹).

Какъ всѣ рыбные промыслы вообще на озерѣ, такъ и зимніе неводной и тагасный, производились «охочими ловцами» изъ платежа оброковъ въ Государеву казну, и тоже какъ и на другихъ промыслахъ, оброкомъ облагалось орудіе лова,—неводъ, тагасъ,—а не лица. Начальство рыбнаго двора, преслѣдуя лишь задачу неупущенія интересовъ «Великаго Государя», не касалось внутренняго строя промысловъ, частныхъ распоряжковъ, соблюдавшихся на ловляхъ; тутъ было царство обычая, порядковъ и привычекъ, преемственно унаслѣдованныхъ; нѣкоторые отрывочные, неполные намеки этой, наиболѣе интересной, стороны дѣла, поскольку удалось найти и умѣть замѣтить, будутъ представлены ниже.

винности, — ловить на царскій обиходъ трое сутокъ, подобно тому, какъ это встрѣчается въ оброчныхъ договорахъ казны съ ловцами на уѣздныхъ озерахъ Бѣлоозерскихъ волостей Ковжезерской и Ухтомьярской, гдѣ казна, независимо оброковъ, выговаривала себѣ добычу трехдневной ловли «какъ тѣ озера замерзнуть съ первые ставки». Въ такомъ же родѣ было на Переяславскомъ озерѣ, въ пользу намѣстниковъ. А. А. Э. I, 143. Такого установленія на Бѣлоозерѣ не было, что узнаемъ изъ сохранившихся въ бумагахъ рыбнаго двора опроса населенія объ оброчномъ обложеніи промысловъ (¹⁶⁸/₁₆₆₀ г.) и смѣтъ годовыхъ доходовъ съ ловель, времени воеводства Моложенинова, представлявшихся въ Москву. Но изъ того, что этого не видимъ установленнымъ въ видѣ повинности, еще не слѣдуетъ, чтобы въ дѣйствительности не было и настоячиво не требовалось бы властями въ видахъ неупущенія казеннаго интереса; оно могло имѣть историческое происхожденіе изъ прежде дѣйствовавшаго права, теперь хотя и забытаго, но соблюдавшагося въ силу обычая, по старинѣ.

¹) Въ арендныхъ договорахъ усть-шехонскихъ рыбаковъ съ казной выговаривалось, чтобы имъ ставиться въ зимнія ловли «одного дни» съ иными «охочими» ловцами, о чемъ съ рыбнаго двора имъ чинилась «вѣдомость», Д. А. И. VI 74.—Одинъ ловецъ «распрашиванъ» давно ли онъ «съ товарыщи» ловить неводомъ,—показалъ: «въ нынѣшнемъ во ¹⁸²/₁₆₇₄ г. пошелъ ловить» съ прочими людьми съ рыбными ловцами вмѣстѣ». (Стр. 536 Б. А.)

¹) Стр. 528. Б. А.

Время не сохранило болѣе раннихъ, чѣмъ 17 вѣкъ, свѣдѣній объ экономическихъ условіяхъ народной жизни этого края въ томъ направленіи его дѣятельности, которое составляетъ предметъ настоящихъ очерковъ. Первые свѣдѣнія объ оброчномъ обложеніи рыбныхъ промысловъ имѣются не ранѣе конца 14 и 15 вѣковъ. Князь Андрей Дмитріевичъ грамотою 1397 г. освободилъ неводы «своего старца Кирила» отъ оброка «рыбнаго и пошлинъ» ¹⁾. Грамота кн. Михаила Ондрѣевича (1435 — 1447) ²⁾ предоставляет свободу торговли Кирилову монастырю «зимѣ на возехъ купити продати», — «а торгуютъ въ озерѣ у неводовъ добровольно сущомъ и рыбою». Изъ грамоты того же князя (1478—84) видно, что въ это время сборы натуральные уже переложены на цѣнности, что съ неводовъ брали «за рыбное», — «съ невода по 20 бѣлъ»; что цифра измѣнялась, случалось, что брали и «болѣ того». Грамотою этою были уравнены въ пошлинѣ невода Кирилова монастыря («Игумновы невода и его людей невода») съ городскими и другихъ монастырей неводами «какъ и у горожанъ емлютъ» ³⁾. Далѣе слѣдуютъ грамоты царей Ивана Васильевича, Ѳедора Ив., Шуйскаго, жалованныя монастырямъ на «безоброчность» ловель, для монастырскаго обихода, въ опредѣленномъ числѣ орудій лова, «а будетъ похотятъ иными неводы и лодками на Бѣлѣозерѣ рыбу ловити, и на нихъ съ прибылыхъ неводовъ и съ лотокъ оброкъ имати по указу» ⁴⁾. Въ началѣ 17 вѣка оброкъ съ неводовъ былъ полтина, какъ видно изъ одного обрывка записки рыбныхъ ловель 1613 года ⁵⁾. Въ этой записи невода-тагаса не встрѣчается, невода различаются: «большіе невода» и «частики»; въ монастырскихъ тарханахъ о тагасахъ тоже не упоминается; обособленіе промысла этимъ орудіемъ и обложеніе его отдѣльнымъ отъ неводного промысла оброкомъ произошло вѣроятно лишь около половины столѣтія. Въ наказахъ Козлова, Головкова и Молчанова, завѣдывавшихъ рыбными ловлями въ 161—168 г. (1653—60), о тагасномъ промыслѣ не упоминается, говорится вообще о неводѣ; въ обрывкѣ какой то записки Моложенинова объ оброкахъ, онъ писалъ: «а говорятъ они ловцы и спорятъ много, оброкъ.... съ частыхъ неводовъ, *что словутъ тагасы*, которые, отловя поледный промыслъ рѣдкими неводами, *рыбу мелкую* въ Бѣлѣозерѣ ловятъ тѣми частыми тагасами, — оброку емлютъ съ нихъ, съ

¹⁾ Ист. Библ. II, № 5.

²⁾ Ист. Библ. II, № 24.

³⁾ А. А. Э. I, № 107.

⁴⁾ Грамота царя Ивана Васильевича Покровскаго дѣв. монастырю, Арх. Мин. Юст. неиздана.

⁵⁾ Стр. 418, А. Б.

тагаса по рублю въ Государ. казну на Бѣлозерскій рыбной дворъ ¹⁾; «наложенъ де тотъ оброкъ на нихъ ловцовъ не въ давныхъ лѣтѣхъ, до моего Петрова пріѣзду, какъ я пріѣхалъ на Бѣлоозеро къ Государевымъ рыбнымъ ловлямъ во ^{169/1661} году». Подчеркнутыя выраженія показываютъ, какъ съ одной стороны населенія завѣдомо старалось замаскировать передъ новымъ начальствомъ значеніе тагаснаго промысла, какъ самостоятельнаго, приурочивая его къ родовому понятію невода, спорятъ о томъ «много», — и какъ съ другой, само начальство, Моложениновъ, въ первое время по пріѣздѣ, по незнакомству съ дѣломъ, которое однако продолжалось недолго, не признавалъ еще значенія снѣтковаго промысла, выражаясь о немъ въ запискѣ «рыбу мелкую... ловятъ».

Въ половинѣ 17-го вѣка застаемъ слѣдующія величины оброковъ и ихъ видоизмѣненія. Въ наказѣ ^{161/1653} г. ²⁾ было указано «имать оброкъ» съ невода «по полтинѣ да по 17 шукъ и судововъ головныхъ» (эта норма была и въ 1647 г.); ³⁾ въ ^{163/1655} г. наложено на неводъ по 3 стерляди «живыхъ», о чемъ упоминается въ наказахъ Молчанова (163 г.) и Головкова (168); до пріѣзда Головкова было прибавлено взятіе съ невода еще по 10 рыбъ «въ цѣну», т. е. съ уплатою денегъ изъ казны. Указа объ этомъ не сохранилось и узнаемъ о томъ изъ переписки стряпчаго съ Москвой; въ наказѣ, ему данномъ, по ошибкѣ написали, что «съ невода оброчной рыбы имать по 27 рыбъ шукъ и судововъ»; пріѣхавъ «на приказъ», т. е. по назначенію, на Бѣлоозеро, Головковъ встрѣтилъ, при попыткѣ взиманія оброка въ сказанной величинѣ, отпоръ со стороны промышленниковъ, о чемъ и послалъ отписку въ Москву, вмѣстѣ съ челобитной ловцовъ; онъ писалъ Москвѣ — «а до нынѣшняго 168 г. имали съ нихъ ловцовъ по 17 рыбъ оброчныхъ и по 10 рыбъ въ цѣну», которыя, по оцѣнкѣ, оплачивались изъ сборныхъ явочныхъ денегъ. Списка челобитной не нашлось, но Головковъ упоминаетъ, что ловцы «Велик. Государю бьютъ челомъ, чтобъ съ нихъ оброчная рыба и цѣновная имать по прежнему, чтобъ для накладной оброчной 10 рыбъ имъ, ловцомъ, отгони отъ ловли впредь не было». Послѣдствіемъ представленія Головкова и челобитья было то, что въ томъ же 168 г. Стряпчій «по Госуд. указу и по грамотѣ изъ Приказу Большаго дворца» сносился памятью съ земскими старостами

¹⁾ Стр. 297, А. Б.

²⁾ Стр. 181, 402, 182, 585 Бѣл. Акт.

³⁾ Происхожденія надбавки рыбнымъ товаромъ по источникамъ невидно, объяснить же можно тѣмъ, что около этого времени Бѣлоозеро обратило на себя особенное вниманіе Москвы, послѣдствіемъ чего явилось сильное развитіе здѣсь казенныхъ промысловъ.

посада, чтобы они вмѣстѣ со всѣми посадскими, ловцами и прасолами (мѣстными скупщиками), принесли на рыбной дворъ сказку, «почему имъ въ Госуд. казну... впредь явочныхъ оброчныхъ денегъ и оброчной и цѣновной рыбы съ какихъ промысловъ платить» ¹⁾).

Объ оброчномъ обложеніи неводовъ посадскіе сказали: «а съ поледной ловли, съ неводовъ, учнемъ платить въ Госуд. казну съ невода по полтинѣ, да по 3 стерляди живыхъ, да по 17 рыбъ, да въ цѣну по 10 рыбъ судовыхъ и щукъ головныхъ и подголовныхъ. А только въ платежѣ у ково та рыба не будетъ, и за оброчную неводную рыбу за судои и за щуки и за стерляди въ Госуд. казну платить по 10 денегъ за рыбу, а за цѣновную за неводную... по 5 денегъ за рыбу». Это положеніе было утверждено указомъ изъ Москвы, не сохранившимся, что однако видно изъ обрывка какой-то записки въ Москву, въ которой про оброкъ въ этой величинѣ писали, что оно тягостенъ «а только противъ нынѣшняго Госуд. указа рыба имать съ неводовъ, и рыбныхъ ловцовъ съ неводами на ловлю впредь будетъ мало» ²⁾. О тагасномъ промыслѣ посадскіе въ своей сказкѣ сказали: «зимою же учнемъ платить съ тагаса по прежнему по рублю». Первые годы прих. расх. книгъ 1661—1665 оброки тѣ же, но кромѣ того всѣхъ уловленныхъ неводами стерлядей отбирали въ казну съ уплатою за каждую по алтыну. Изъ книги 665 года узнаемъ, что въ этомъ году въ способъ взятія рыбы какъ оброчной, такъ и цѣновной, послѣдовало нововведеніе; стали брать рыбу не счетомъ, а въ вѣсъ: «со всякаго невода по три пуда», причемъ цѣновная была оплачена по двѣ гривны за 30 гривенокъ; въ книгѣ помѣчено, что это нововведеніе сдѣлано «противъ указу Вел. Государя» изъ Приказа Большаго Дворца. Но указъ, утверждавшій и эту цѣну и способъ взятія рыбы въ вѣсъ, пришелъ изъ Москвы въ началѣ слѣдующаго года (20 сентября ¹⁷⁴/₁₆₆₆ г.); въ немъ повелѣвалось: «да рыбные жъ ловцы нашу Вел. Госуд. головную и подголовную рыбу какову привезутъ и такову рыбу у нихъ на нашъ Вел. Госуд. обиходъ велѣтибъ принимать, а цѣновную рыбу у нихъ, ловцовъ, на насъ, Вел. Госуд., имать въ вѣсъ, по 30 гривенокъ десятокъ, а чего въ десяткѣ въ вѣсъ рыбы не достанетъ, и тобъ на нихъ ловцахъ доимать рыбою же, а будетъ которая рыба будетъ крѣпка и въ вѣсу тяжела, и у тѣхъ

¹⁾ Распоряженіе это имѣло въ виду: «чтобъ Вел. Государю было прибыльнѣе, а оброчной и цѣновной рыбѣ недобору и спору и Вел. Госуд. челобитни впредь не было». Доставивъ сказку, посадскіе въ концѣ ея оговорили: «и спору впредь и къ Вел. Государю челобитья о томъ отъ насъ не будетъ». Стр. 470 Бѣл. А.

²⁾ Стр. 107 Бѣл. А.

бы ловцовъ имать противъ вѣсу менши 10 рыбъ; а цѣну за ту рыбу изъ нашей казны давать съ рыбнаго двора за 30 гривенокъ по 2 гривны».

Тою же зимою (173 г.) Чаплинъ, собравъ прежній денежный оброкъ съ тагасовъ, — удвоилъ его, взявъ еще, на равную оброку цѣнность, уловной рыбы снѣтка: «на всякой же тагасъ наложено и взято вновь на Вел. Госуд. обиходъ по четверти молю въ бѣлозерскую таможенную мѣру». Надбавка мотивирована кратко, «потому что тѣ (тагасные промыслы) въ маломъ оброкѣ». Упомянутый Московскій указъ 174 г. узаконилъ и это нововведеніе «оброку имати бы съ тагаса по рублю да по чети молю мерзлаго въ бѣлозерскую таможенную мѣру».

Въ кликовой памяти ¹⁷⁵/₁₆₆₇ г. объявлялось: «платить съ невода полтину деньгами, оброчной рыбы по 3 стерляди, судовъ и щукъ головныхъ и подголовныхъ, въ вѣсъ по 2 пуда по 10 гривенокъ, да въ цѣну по 10 рыбъ»... «а было бы вѣсомъ цѣновной рыбы 30 гривенокъ» ¹). Въ приход.-расх. книгахъ этого года записано, что взято съ каждаго невода по три пуда рыбъ; итогъ собранной рыбы, большій числомъ противъ обычной нормы, снабженъ разъясненіемъ: «а достала рыба лишняя для того, что имана у ловцовъ оброчная и цѣновная рыба въ вѣсъ, со всякаго невода по 3 пуда, потому что у иныхъ рыбн. ловцовъ рыба была мелка и у тѣхъ ловцовъ за то брана въ вѣсъ лишняя рыба».

Въ той же памяти (175 г.) видимъ измѣненнымъ и тагасный оброкъ: а) ловившіе тагасомъ, послѣ неводной ловли, должны были платить по рублю и по четверти снѣтку, (молю) и б) ловившіе тагасомъ «съ первые ставки и во всю зиму», а въ этомъ году даже и «прежъ неводовъ» въ ограниченномъ пространствѣ, обязаны были платить прежняго оброку рубль и по четверти снѣтку, «да сверхъ того вновь со всякаго тагаса по два рубли»; мотивы этого обложенія были приведены выше ²). Однако, кажется, воевода смиловался и оброкъ въ такомъ тягостномъ видѣ взять не былъ, — по приход. книгамъ поступленія оброковъ въ этой величинѣ не видно; но тѣмъ не менѣе, проводя принципъ уравниенія въ obroкахъ ловцовъ, ловившихъ только тагасами, съ тѣми, которые ловили также и «поледенное» неводами, Чаплинъ измѣнилъ оброчныя величины. Въ приход. книгахъ 175 года цифры взятаго obroка были слѣдующія: изъ общаго числа 100 тагасовъ, ловившихъ въ этомъ

¹) Стр. 282 Б. А.

²) «Напередъ сего тагасами выпускали... ловить въ тѣ поры, какъ поледный неводной промыслъ отойдетъ, а нынѣ они тагасники отпущены... прежъ неводовъ».

году, съ 36 тагасовъ «денежнаго оброку взято... по полтинѣ, потому что тѣ рыбные ловцы на поледенное неводами ходили рыбу ловить и оброкъ неводной рыбной и денежной платили», съ остальныхъ же «съ 64 тагасовъ взято по полутора рубля съ тагаса»; оброкъ снѣтками взять равно съ тѣхъ и другихъ.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ оброчнаго обложенія видимъ эти промыслы въ ¹⁸²/₁₆₇₄ г. ¹⁾: первые, т. е. ловившіе послѣ неводовъ тагасами, платили «съ тагаса по рублю», вторые, ловившіе тагасами «съ первые поледные ставки и во всю зиму» платили «съ тагаса по рублю, по 16 алт. по 4 деньги (т. е. 1¹/₂ руб.) да по чети снѣтковъ мерзлыхъ въ бѣлозер. таможенную мѣру»; первые снѣтка не платили, будучи обременены большимъ рыбнымъ оброкомъ за свой неводной промыселъ. По писцовой книгѣ 182 г. денежный оброкъ съ неводовъ остается прежній, т. е. полтина (16 алт. 4 д.), рыбный оказывается крупно измѣненнымъ «со всякаго жъ невода платятъ на обиходъ Велик. Госуд. оброчной рыбы вѣсомъ по 2 пуда съ четью, судовъ и щукъ, да по 9 гривенокъ стерлядей», т. е. прежнія 3 стерляди взимаются вѣсомъ.

Приведенные указы и переписка съ Москвой представляютъ внѣшнюю исторію промысловыхъ налоговъ. Приход. — расх. книги рыбн. двора открываютъ другую, что въ дѣйствительности казна получала изъ этихъ предначертанныхъ доходовъ съ промысловъ, по скольку эти послѣдніе стояли въ зависимости отъ непреложимой «безпромыслицы». Свѣдѣнія, заключающіяся въ книгахъ, находятъ подтвержденія и въ сохранившихся бумагахъ (во многихъ случаяхъ черновыхъ) рыбнаго двора. Изъ нихъ видно, что, придерживаясь нормъ оброковъ, въ дѣйствительности на поледенномъ промыслѣ брали съ ловцовъ столько, сколько оказывалось возможнымъ, — недовзятое даже въ «доимку» не записывалось. Въ книгѣ 1662 г. записано, что 12 неводовъ выходили ловить «а по досмотру у нихъ ловцовъ рыбы не было, а у которыхъ ловцовъ рыба и была и то небольшое мѣсто, а что у тѣхъ ловцовъ взято на Вел. Госуд. обиходъ рыбы... и то писано ниже сего, а явочныхъ оброчныхъ денегъ и досталые оброчные рыбы взять было съ тѣхъ неводовъ несчево». Въ 164 г. «въ цѣну» не было вовсе взято рыбы. Бывало это и ранѣе; въ 149 году Петрушка Кузминъ «въ допросѣ сказалъ: Государевы рыбы и денежнаго оброку... не платилъ, потому что неводы ходили 3 дни, а лову не было... и въ томъ году я отъявлялся Олексѣю Тургеневу и о томъ ему билъ челомъ, что лову не было, Госуд. рыбы дать нечево

¹⁾ А. Юрид. 1838, 258.

и поклонъ ему явошной далъ (?) и онъ меня пощадишь, напрасно править рыбы и денегъ не велѣлъ, для того, што лову не было того году» ¹⁾. Подобная «пощада» и контроль въ ней легко объясняются приведенными выше условіями производства промысла, въ переписяхъ неводовъ и досмотрѣ улововъ агентами (цѣловальниками) центрального управленія, «стоявшими» по пристанямъ въ опредѣленныхъ пунктахъ озерныхъ береговъ. При Чаплинѣ, на тагасномъ промыслѣ, недоимки по рыбному оброку оплачивались деньгами, по рыночной «продажной» цѣнѣ товара ²⁾. Позднѣе вообще отношенія къ недоимкамъ измѣнились, сначала попросту записывали въ книги, затѣмъ стали брать «доимочныя» памяти; но строгости въ ихъ взысканіи не замѣтно; изъ показанія одного ловца видно, что онъ за тагасный свой промыселъ 177 г. часть денегъ, неуплаченныхъ въ свое время, уплатилъ лишь весной 183 года ³⁾; выше былъ приведенъ мотивъ распоряженія въ кликовой памяти 207 г., что «на нихъ рыбныхъ ловцахъ оброчной рыбѣ... чинитца по вся годы многая донимка» ⁴⁾.

Писцовыя книги 1674 г. указываютъ еще на взиманіе съ промысловъ въ казну, сверхъ оброковъ, «по 3 алт. по 2 денги», съ тагаса и невода, съ оговоркой, что «тѣ денги напередъ сего бывали рыбнаго двора начальнымъ людямъ», — а «нынѣ» велѣно собирать въ Госуд. казну. Едва ли точно выраженіе «нынѣ», употребленное тутъ писцами, такъ какъ существованіе этого побора было официально оглашено гораздо ранѣе, еще въ 1666 году, воеводою Чаплинымъ и Моложениновымъ, при составленіи ими «окладныхъ книгъ» бѣлозер. рыбныхъ промысловъ. Оглашая, они старались придать факту по возможности благовидную окраску, — они писали «*напередъ сего* Бѣлозер. рыбнаго двора начальнымъ людямъ бѣлозерцы посадскіе и уѣздные рыбные охочіе ловцы давали изъ воли въ почестъ, а не въ посулъ», съ невода по гривнѣ, съ тагаса «потомужъ» и т. д. Приведенная выписка, встрѣченная въ архивныхъ бумагахъ, обрывается на полусловѣ; подлинныхъ «окладныхъ книгъ» въ бумагахъ рыбнаго двора не нашлось, поэтому остается неизвѣстнымъ, что хотѣли они этимъ сказать и съ того ли времени поборы тѣ обращены въ доходъ казны, или продолжали они существовать до переписи 1674 года.

¹⁾ Стр. 335 Б. А.

²⁾ Въ 1666 г. взято по 25 алт. за четверть свѣжаго снѣтка; въ слѣдующемъ году за недоимочныя 46 четвертей по рублю по 3 алт. по 2 денги за четверть. — О цѣнностяхъ «снѣтка» будетъ изложено далѣе.

³⁾ Стр. 18. Б. А.

⁴⁾ Стр. 589. Б. А.

Независимо оброковъ, денежнаго и рыбнаго, обязательной продажи въ казну опредѣленнаго количества лучшихъ сортовъ уловной рыбы по установленной отъ казны цѣнѣ, иногда же по торговой, — рыночной, зимніе промыслы оба обложены были еще личною повинностью, — участіемъ въ весенней «погонной Шехонской ловлѣ стерлядей», на Государевъ обиходъ ¹⁾. Въ писцовой 1674 г. эта повинность очерчивается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «съ рыбныхъ ловцовъ емлютъ на Государеву погонную Шехонскую рыбную ловлю съ невода по лодкѣ», во 1-хъ, съ тѣхъ, которые ловятъ неводомъ «съ первые поледные ставки и во всю зиму», во 2-хъ, съ тѣхъ, которые ловили неводомъ «съ первые ставки въ Бѣлѣзерѣ одинъ подледный промыселъ», а потомъ, «послѣ неводовъ», — «частыми неводами, что словутъ тагасы», и въ 3-хъ, съ ловившихъ тагасами «съ первые ставки и во всю зиму».

Всѣмъ этимъ, — оброками, поборами «въ почестъ» и отправленіемъ сказанной повинности, — не исчерпывалось еще во всемъ объемѣ урочное положеніе за право производства озернаго промысла. Вознагражденіе труда низшихъ агентовъ рыбнаго двора, выборныхъ цѣловальниковъ, мелкіе расходы двора (дрова, лучина и т. п.), а также частью и транспортировка рыбнаго товара въ Москву и Дмитровъ, — лежало на томъ же ловецкомъ промысловомъ населеніи. До послѣдней четверти XVII-го вѣка весь уѣздъ, всѣ «сошные люди», въ томъ числѣ и тѣ, которые можетъ быть никогда и не видали Бѣлаго озера (напр., южныя волости, по р. Судѣ), съ исключеніями по жалованнымъ грамотамъ, — несли содержаніе рыбнаго двора цѣловальниковъ, подъ названіемъ «цѣловальничьей подмоги» ²⁾; лишь послѣ 1682 г. подмога эта легла исключительно на промысловую часть населенія. Невода и тагасы платили одинаково, но величины измѣнялись по годамъ и бывали въ размѣрѣ отъ 10 до 30 алтынъ съ cadaго невода и cadaго тагаса. Въ пользу разсыльныхъ при рыбномъ дворѣ, «которые ходятъ въ разсылкѣ», собирались съ рыбныхъ ловцовъ «хоженные деньги»; по выраженію одной бумаги, они «завелися собирать . . . изстари»; существованіе этого сбора видно и въ 1712 г.; неводъ платилъ «хоженныхъ» 8 денегъ, тагасъ тоже ³⁾.

Перечисливъ все, что выносили на себѣ «неводъ» и «тагасъ» какъ единицы обложенія, сведемъ общій итогъ платежей, обусловливавшихъ право производства того или другаго промысла, при стро-

¹⁾ См. брошюру: «Госуд. погонная Шехонская ловля стерлядей».

²⁾ О цѣловальничьей подмогѣ будетъ сказано далѣе и кромѣ того въ очеркѣ, имѣющемъ составить «введеніе» къ обзорѣнію Бѣлоз. рыбныхъ промысловъ.

³⁾ Стр. 26, 419 Б. А.

гомъ кромѣ того исполненіи и всѣхъ другихъ требованій казны о которыхъ приведено выше.

<i>Неводъ платилъ:</i>				<i>Тагасъ платилъ:</i>			
Деньгами:	16	алт. 4	ден. 1	руб. 16	алт. 4	ден.	
2 пуда 10 грив. рыбой	20	» ¹⁾	»	Четверть снѣтка	25	алт. ²⁾	
9 грив. стерляди	3	»	»	»	»	»	»
Въ почестъ властямъ .	3	» 2	»	»	3	алт. 2	ден.
Цѣловал. подмога . .	13	» 2	»				
	(отъ 10—30 ал.)			13	»	2	»
Хоженныя деньги . .	1	» 2		1	»	2	»
Погонная ловля	40	» ³⁾ —		40	»	—	»
Итого 2 руб. 31 алт.				3 руб. 33 алт.			

Доходности неводнаго (рѣдкими неводами) промысла, за неимѣніемъ данныхъ, опредѣлить невозможно, — но нельзя почти сомнѣваться, что, въ особенности первый видъ этого промысла, — «поледной», при всей затруднительности, невѣрности его удачи, въ зависимости отъ естественныхъ условій (замерзанія озера), — представлялъ значительныя выгоды въ виду большого спроса на товаръ этого промысла на рынкахъ, (начало Филиппова поста), въ связи съ установившимся съ зимою наиболѣе удобными способами сохраненія товара и его доставки. Торговые интересы бывали весьма возбуждены въ это время. Главный представитель торговли, — казна, напрягалъ усилія, всѣ способы, доступные его власти, чтобъ захватить поскорѣе наибольшее количество товара и направить его «безовсякаго замотчанья» въ Москву ⁴⁾; за казною не отставали

¹⁾ За рыбу, отбиравшуюся «въ цѣну» (30 грив.), указомъ, 1666 г. велѣно было платить 2 гривны, — 40 денегъ; оброчная рыба (2 п. 10 гр.) по этой же цѣнѣ составляетъ 20 алтынъ.

²⁾ Цѣнность снѣтка свѣжаго, мерзлаго средняя.

³⁾ Чаплинымъ была установлена замѣна отправленія этой повинности тѣмъ, «кому за дальнимъ путемъ ѣхать невозможно» на рѣку Шексну, — въ 3 видахъ: 1) уплатою 40 алтынъ, 2) суточнымъ уловомъ рыбы неводомъ и 3) дневнымъ уловомъ снѣтка тагасомъ.

⁴⁾ Отпускали съ Бѣлоозера къ Москвѣ (зимою) рыбный товаръ почти всегда на наемныхъ «сизовощиковыхъ» подводахъ, а не на ямскихъ, «для того, чтобъ ямщики на ямехъ за подводами тое рыбы не задержали», такъ какъ, — «и въ прежнихъ годахъ отъ ямщиковъ Вел. Госуд. обиходной Бѣлоз. рыбъ застой и задержка была жъ». Сохранившимися указами свидѣлствуются наставленія Москвы городовымъ прикащикамъ и воеводамъ о доставленіи улововъ первополедной неводной ловли «безъ замотчанья», «кой часъ путь станетъ» и т. п. На Бѣлоозерѣ воспрещалось кому бы то ни было отправлять свой товаръ «свѣжей рыбы» этого промысла къ Москвѣ и «въ другіе города», впредь до отпуска «Государевой первополедной рыбы», въ тѣхъ именно видахъ, «чтобъ на Москвѣ прежь тое поледные рыбы ни у кого не объявлялось». Стр. 286, 589, 403 Б. А.

монастыри ¹⁾, и затѣмъ уже мѣстные торговцы. Послѣдніе, наперерывъ одни передъ другими, старались захватить поболѣе товара, укрыть «заповѣдный» покусусяѣ отъ бдительности властей и поскорѣе направить къ рынкамъ, не пренебрегая и доносами другъ на друга властямъ, чтобы подъ шумъ, произведенный извѣтомъ, самому опередить оклеветаннаго отпускомъ своего товара.

Не могутъ быть даны также свѣдѣнія о величинахъ отпуска съ Бѣлоозера рыбнаго товара этого промысла, хотя товаръ и оплачивался «отвозною» пошлиною и слѣдовательно былъ вѣдомъ таможеню; не могутъ быть даны, потому что въ Москов. Арх. М. Юст. бѣлозерскихъ таможенныхъ книгъ не находится.

Изъ приводимаго, въ очеркѣ «прасольскаго» промысла, производства по обвиненію прасола Попова въ отѣздѣ съ Бѣлоозера съ свѣжимъ товаромъ, безъ разрѣшенія начальства рыбнаго двора, узнаемъ, что онъ въ самомъ началѣ поледеннаго промысла успѣлъ скупить 13 возовъ рыбы, что составляетъ приблизительно 200 пудовъ свѣжей рыбы (считая 15 пудовъ на возу). Изъ того же дѣла видно, что доносившіе на него пятеро прасоловъ въ то же время отправили свой товаръ въ Москву, въ какомъ количествѣ, къ сожалѣнію, не знаемъ. Но прасольствомъ, т. е. скупомъ товара для перепродажи, занималось не пятеро и не шестеро, это было излюбленнымъ по выгодности занятіемъ бѣлозерцевъ-посадскихъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду долю улова промысла, шедшую въ казну и въ оброкъ и въ цѣну, въ опредѣленныхъ нормахъ, и еще въ цѣну, сверхъ нормы, въ случаяхъ, если бы казна того пожелала, какъ приведено выше. Попытка опредѣленія доходности тагаснаго промысла будетъ сдѣлана далѣе, послѣ изложенія свѣдѣній о снѣткѣ, какъ товарѣ этого промысла.

Приводимыя цифры промышлявшихъ неводовъ и тагасовъ, несмотря на весьма часто преслѣдовавшую первый промыселъ «безпромыслицу» и на колебавшіяся, высокія нормы оброчного обложенія втораго, доказываютъ значительное развитіе этихъ промысловъ, а слѣдовательно выгодность и ихъ доходность. При массѣ сохранившихся росписей цѣловальниковъ по сбору оброковъ, онѣ не даютъ однакоже возможности къ выводамъ итоговъ зимнихъ неводныхъ и

¹⁾ «Купятъ старцы... ядебной и поминочной рыбы (для подарковъ) 5000 головы 16 тыс. численного, 12400 лещевого и стерлядей купятъ 200, а коли бываетъ ловъ, ино купятъ и большіе». По возвращеніи съ покупокъ и ловель (поледной) «которые старцы положить рыбу на возы къ Москвѣ». Кромѣ закупокъ на Бѣлоозерѣ, какъ видно, монастырь дѣлалъ закупки еще въ Каргополѣ «семогъ», на Вожеозерѣ «щукъ», въ Вытегрѣ «лососей» и «сиговины». — Келар. Кн. Кирил. монастыря XVI в.

тагасных промысловъ, такъ какъ по большей части оказываются частными по отдѣльнымъ пристанямъ и притомъ разнаго времени. Единственно полныя данныя даютъ прих. расх.-книги рыбнаго двора и по нимъ то и по немногимъ случайнымъ другимъ, состояніе и развитіе зимнихъ неводныхъ промысловъ на Бѣлоозерѣ выражается въ слѣдующей таблицѣ; значительныя колебанія цифръ «рѣдкихъ неводовъ» съ вѣроятностью могутъ быть объясняемы приведенными въ началѣ очерка свидѣтельствами объ условіяхъ, созидавшихъ «безпромыслицу» этого промысла, причемъ уменьшеніе числа неводовъ совпадаетъ въ тѣ же годы съ увеличеніемъ числа тагасовъ:

Годы:	1613	1662	1663	1664	1665	1666	1667	1670	1672	1674	1675	1676	1678
Невода	49	48	60	40	78	32	45	74	74	76	76	39 ¹⁾	99
Тагасы	—	72	74	71	64	95	100			55	58	78	82

Цифры этой таблицы неводовъ и тагасовъ «охочихъ ловцовъ», т. е. платившихъ оброки, должны быть еще увеличены цифрами таковыхъ же монастырскихъ, ловившихъ «безоброчно» по жалованнымъ грамотамъ, и ловцовъ усть-шехонскихъ селъ и деревень, состоявшихъ съ казною въ особыхъ договорныхъ отношеніяхъ въ силу которыхъ, оплачивая оброкомъ свои ловли въ устьѣ (истокѣ) р. Шексны, они получали право безоброчнаго (по отношенію къ казнѣ) лова въ озерѣ (будучи вотчинными монастырей, они платили оброки вотчинникамъ) ²⁾. О числѣ неводовъ, рѣдкихъ и частыхъ, этихъ селеній свѣдѣній нѣтъ, монастырскихъ же неводовъ бывало по писцовой книгѣ 1674 года 12, позднѣе (въ 80-хъ годахъ) ловили 15 неводами ³⁾.

Наибольшее число промышлявшихъ бывало отъ посада отъ 8, въ годъ зимней безпромыслицы, до 18 неводовъ и отъ 19 до 27 тагасовъ, въ товарищества съ посадскими входили жеребьями крестьяне подгороднихъ волостей Озадской и Ворбозомской. Послѣ посада первое мѣсто, по числу неводовъ, принадлежало крестьянамъ разныхъ помѣстей Киснемской волости, затѣмъ Лозской и с. Ухтомы, изъ котораго бывало отъ 3 — 6 неводовъ; по одному и по два невода бывало изъ околоозерныхъ селъ и деревень Маексы, Куности,

¹⁾ Д. А. И. VII, 30.

²⁾ Селъ Крохина, Великоселья, Каргулиной Слободки и деревень Попковы и Веретей.

³⁾ Кириловъ монастырь ловилъ въ 136 г. — 5 неводами, впоследствии 7-ю; Троицкій Усть-Шехонскій однимъ, позднѣе двумя; Оерапонтовъ двумя со временъ царя Ивана Васильевича; Новозерскій—2; Покровскій Суздальскій и Борисоглѣбскій, что въ Ростовѣ, по одному.—Разъясненіе цифръ, показанныхъ въ писц. книгѣ 1674 г., не вполне согласныхъ съ приводимыми, будетъ представлено далѣе.

Чалексы, Кьяндской волости (не всегда), д. Орлова, Кивуя, Оетинь-иной Слободки, Вашкея, Липина Борку и Мунги. По одному являлось изъ дальнихъ волостей Кинжезерской, Лупсары, Шубача, Волотской и изъ «Чаранскіе Округи» Мунской волости; этихъ же волостей крестьяне (много) участвовали жеребьями въ неводахъ с. Вашкея (Кирил. монаст.).

Свѣдѣній о зимнемъ неводномъ промыслѣ на Бѣлоозерѣ настоящаго времени въ Отчетѣ Эксп. изсл. рыбол. не сообщается вовсе, но тотъ же отчетъ весьма подробно останавливается на тагасномъ промыслѣ. Въ настоящее время «тугасовъ» на Бѣломъ озерѣ составляется и ловить рыбу отъ 48 до 58 (стр. 20 Отч. Эксп.). Судя по этимъ цифрамъ и по числу принимающихъ участіе въ этихъ ловляхъ, селеній, можно было бы замѣтить упадокъ этого промысла въ сравненіи съ состояніемъ его въ XVII вѣкѣ, но этого сказать нельзя, въ виду указываемаго Отчетомъ Экспедиціи существованія нынѣ особаго промысла «мутниками», направленнаго тоже на мелкую (вообще) рыбу; цифръ этого промысла въ отчетѣ не приводится. Наглядную разницу представляетъ сопоставленіе цифровыхъ данныхъ нынѣшняго времени, сообщаемыхъ Отч. Эксп., и XVII вѣка, подчерпаемыхъ изъ Прих. расх. книгъ рыбнаго двора:

Нынѣ ловятъ			Въ 1661—1667 г. ловили:			
Отъ с. Ухтомы	4		тугаса	отъ 6 до 10	тагасовъ	
» » Мунги	2		»	» 3 » 6	»	
» » Бору	2		» Липина Бора	1 » 2	»	
» » Вашки	3		» Вашкея	1 » 5	»	
» » Слободки	2		» Оетин. сл.	1 » 3	»	
» » Кіуя	3		» Кивуя	1 » 3	»	
» » Киснемы	7		» Киснем. вол ¹⁾	4 » 8	»	
» » Кянды	1		» Кьянды	2 » 5	»	
» » Орлова	1		»	1 » 2	»	
» » Ковжи	2		»	1 » 3	»	
» » Мегры	4		»	0 » 3	»	
» » Кустова	2		»	1 » 2	»	
» » Чалексы	1	до 2	» Чалексы	1 —	»	
» » Куности	1	» 2	»	1 » 6	»	
» » Маяксы	1	» 2	» Маексы	1 » 2	»	
» » Гор. дачи	10	» 15	» Посадскіе	19 » 27	»	
» » Верег. в.	1		» Каргол. вол.	4 » 6	»	
» » Крохина	2		» » ²⁾	— » —	»	
			Лозской	» 6 » 10	»	
			Озадской	» 1 » 9	»	
Итого отъ 48 до 58 тагас.			Итого отъ 55 до 112 тагасовъ			

¹⁾ Дер. Матюнины, Завьяловы, Ефимьевы, Тарасьевы, Мишуковы и Демидовы.

²⁾ Свѣдѣній нѣтъ по причинѣ, указанной выше, также какъ нѣтъ свѣдѣній и

Въ прих.-книгахъ (за 6 лѣтъ подрядъ) имена представителей тагасовъ повторяются почти одни и тѣ же, изъ года въ годъ, съ рѣдкими измѣненіями. Какъ видно изъ приведенной таблицы всѣ прибрежныя селенія отъ Маексы, слѣва отъ г. Бѣлозерска, и вокругъ озера до Крохина имѣютъ представителей на этомъ промыслѣ. Какъ и на неводномъ волости Карголомская, Озадская и Лозская ловятъ и тагасами, особенно много высылаетъ послѣдняя. Изъ села Мунги ловить помѣщичій тагасъ Коротнева, ловили «люди да крестьяна Коротнева на него Максима»; два тагаса Киснемской волости помѣщиковъ Ходнева и Уварова. Не каждый годъ появлялись тагасы изъ дальнихъ волостей Робозерской, Волотской, съ Новоозера изъ Шиднема, съ Мондомы и изъ Вашпана.

Монастыри сами мало занимались ловлями въ озерѣ; жалованное же свое право ловить безоборочно «про монастырскій обиходъ», — «чѣмъ было бы братьѣ и трудникомъ питатися», — извѣстнымъ чи-
словомъ неводовъ, они отдавали изъ оброка своимъ крестьянамъ, — строго говоря безправно, такъ какъ «въ жаловальныхъ грамотахъ... того не писано, чтобъ тѣ имъ рыбныя ловли отдавать изъ оброку стороннимъ людямъ, а написано де что имъ ловити своими рыбными ловцы» ¹⁾. Въ опредѣленіи величинъ оброка монастыри примѣнялись къ установившимся отъ Государева рыбнаго двора ²⁾. Богатый въ

о сел. Великоселья, Каргулиной Слободки, дер. Попковы и Веретей (по договорамъ съ казной).

¹⁾ Въ 181/1673 г. Новгород. Дворц. Приказа стольникъ Аничковъ доносилъ въ Москву, въ Прик. Больш. Дворца, что по указамъ на Новгород. митрополита богомольца Вел. Госуд. обиходъ, указано на озерѣ Ильменѣ рыба ловить 4 вежами, «иными снастями» митрополичьимъ ловцамъ ловить не указано. — По свѣдѣніямъ Аничкова въ вежахъ обыкновенно бываетъ лѣтомъ отъ 8 до 10 ловцовъ, зимой отъ 14—16. Принимая высшія цифры, — выходитъ, что лѣтомъ ловцовъ должно было быть 40, зимой 64 человѣка, между тѣмъ въ дѣйствительности оказывалось ловцовъ на озерѣ «человѣкъ по 200 и болши», ловятъ зимой и лѣтомъ всякими снастями «сверхъ указовъ» и оброковъ не платятъ, и всѣ называютъ себя митрополичьими. Изъ приказа Больш. Дворца послѣдовала грамота Новгор. митрополиту Іоакиму, въ мартѣ 1673 г., — велѣно ловить по указамъ Д. А. И. VI. № 71.

²⁾ Оерапонтова мон. вотчины крестьянинъ Ив. Баунъ показалъ: въ 177 г. онъ ловилъ неводомъ на монастырь, а братъ его Васька тогда же ловилъ тагасомъ «и оброкъ де съ того тагаса платилъ въ монастырь и отпись де въ платежъ у него Васьки есть». — Ниеонтка Семеновъ показывалъ: «что де у него съ той неводной ловли ряжено въ Оерап. монастырь властемъ дать оброчные денги и рыба противъ того, какъ емлютъ оброкъ на Госуд. Бѣлоз. рыбной дворъ». Стр. 147 Б. А.

Сохранилась «выписка» изъ книгъ Троицкаго монастыря казначея старца Аврамія 176, 177 гг. въ ней встрѣчаются отмѣтки: «что принято съ с. Крохина тагасныхъ и съ удебныхъ лодокъ денежнаго оброку» у такихъ-то ловцовъ

это время Кириловъ монастырь въ ловляхъ на озерѣ, про обиходъ, по жалован. грамотамъ, не нуждался, имѣя по другимъ грамотамъ выгодныя рыболовныя устроенья въ р. Шекснѣ, поэтому всѣми его 7-ю неводами (и тагасами) ловили изъ оброка въ монастырь ловцы вотчины этого монастыря с. Вашкея, «199 г. генваря въ 1 день» мірской староста этого села сказалъ: «въ нынѣшн. во 199 г. по первой зимней ставке поледенной ловъ ловили изъ села Вашкѣя монастырскими оброчными 7 неводами»; ¹⁾ въ 194 г. крестьяне этого же села, «отловя» поледенную ловлю 7-ю неводами, ловили «зимнее на монастырь 4-я тагасы, а 3 тагасами за скудостью своею» не ловили. Монастырю черезъ то учинился «недоборъ» въ оброчныхъ деньгахъ, почему монастырскій стряпчій (Гостинщиковъ), наблюдавшій интересы монастыря, билъ челомъ воеводѣ: «по указу де Вел. Государя про монаст. обиходъ велѣно монаст. ихъ рыбнымъ ловцамъ ловить по вся годы въ Бѣлѣозерѣ зимними 7-ю тагасами и оброчные де денги съ тѣхъ 7 тагасовъ указано имать въ Кирил. монастырь» ²⁾, просилъ разрѣшенія 3 тагасами, что «за скудостью» не ловили, ловить монаст. же крестьянамъ с. Куности и Карголомы. Просьба конечно была удовлетворена ³⁾.

Троицкій монастырь (Усть - Шехонской), за бѣдностью, болѣе занимался ловлями въ озерѣ и въ книгахъ его, сохранившихся среди бумагъ рыбнаго двора, находимъ записки разнаго рода расходовъ для ловель, покупки снастей и другихъ рыболовныхъ приспособленій, найма рабочихъ и т. п. ⁴⁾. Въ монастырскихъ нево-

«взято на 177 г. съ тагаса рубль оброку» и «съ монастырскаго съ бѣлѣоз. тагасу на нын. на 177 г. оброчныхъ денегъ рубль и оброчной моль сполна. Казначей Аврамей закрѣпилъ своею рукою».

¹⁾ Стр. 342, 475 Б. А.

²⁾ Подобнаго содержанія—ни въ одной изъ многочисленныхъ жалованныхъ грамотъ этого монастыря не встрѣчается.

³⁾ Было время, когда и Кириловъ монастырь принималъ участіе въ озерныхъ ловляхъ «про обиходъ»; изъ Келарьской расходной книги монастыря XVI вѣка видно, что отправлявшихся на ловлю снабжали харчемъ: «и даютъ имъ 2 четверти солоду ячнова, осмина толокна, полъ осмины крупъ, полъ осмины солоду ржанова мелко, пудъ соли, ковшъ гороху, ковшъ сѣмени конопленого, ставецъ масла, сыръ, 5 лещиковъ, ковшъ мелкіе рыбы, 4 хлѣба обычныхъ, полъ колача, полполти ветчины, ного солонины. А старецъ поѣдетъ послѣ, даютъ ему 4 хлѣба брацкихъ, 4 хлѣба шестеровыхъ, калачъ; а иной запасъ даютъ ему весь тотъ же». Времен. О. Ист. и древн.

⁴⁾ «Мѣсяца декабря... 28 числа на поледенное и на зимное крестьяне ходили Кемскіе вол.—да—да—... далъ имъ найму 30 алтынъ; да они же ходили на озерка, да въ 4-хъ съ ними же ходилъ,—далъ имъ четверымъ 13 алт. 2 денги». «Сергейко на поледенное ходилъ далъ 13 алт. 2 д.»; «ужищю купилъ да повору 50 саж.

дахъ, въ ловляхъ на обиходъ монастыря, участвуютъ старцы, работники монастырскіе и вотчинные крестьяне, частью крестьяне «сторонніе» изъ найму, иногда «по обѣщанью» — «трудники».

О монастырскихъ ловляхъ, кромѣ приводимыхъ показаній ловцовъ, сохранились и документы, съ одной стороны объявки монаст. властей и сказки ихъ стряпчихъ или служекъ, «кои на Бѣлѣозерѣ за монаст. дѣлы ходятъ», подававшіяся «для вѣдомости» на рыбн. дворъ о томъ, кто именно будетъ ловить монастырскими неводами, и съ другой памяти монаст. властей, которыми снабжались ловцы, отправлявшіеся на ловли, для удостовѣренія конечно цѣловальниковъ и начальства рыбн. двора на полученное ими право безоборочнаго, въ отношеніи казны, лова въ озерѣ рыбы.

Объявки дѣлались на рыб. дворѣ сказкою: служба Оерапонтова мон. сказалъ: «въ нынѣшн. во 197 г. поледеннымъ промысломъ, по указу Вел. Государя и по жаловальнымъ граматамъ, отпущены на Бѣлоозеро рыбы ловить про монаст. обиходъ вотчины Оерап. мон. крестьяне села Крохина — да деревни Черноморскіе — да по обѣщанью крестьянинъ Головленкова съ товарищи двѣмя неводами, а послѣ неводовъ двѣмя жъ частыми неводами, что словутъ тагасы, то моя и скаска» ¹⁾. На оборотѣ помѣта воеводы «197 г. ноября въ 13 день записать въ книгу». Иногда подавалась «роспись» — «кто имяны рыбные ловцы ловили рыбу»... на монастырь ²⁾. Новозерскаго монастыря игуменъ Іона въ 180-хъ г. писалъ воеводѣ Чаплину (съ сыномъ): «Игуменъ Іона, священники и братія Бога молимъ и челомъ бьемъ. Послали мы вамъ Государемъ бити челомъ старца Ефрема да слушку Степку Иванова. Благословите Государи намъ ловити на Бѣлѣозерѣ двѣмя неводами и двѣмя тагасы; въ тагасахъ у насъ будутъ наши монаст. работники и крестьяне монаст. жъ наши; а въ неводы благословите Государи намъ сговорить стороннихъ Къясной вол. крестьянъ. Умилостивитесь Государи Ив. Оед. и Ив. Ив., будьте милостивы къ дому Святому, якоже и преже, а мы убогіе должны за васъ Бога молить ³⁾. Объявка въ такой необычной формѣ объясняется особымъ обстоятельствомъ, проступкомъ старца Ефрема въ ущербъ Государева

да ушатикъ» — 3 алт. 2 д.; «повору . . . да наплавовъ купилъ на 3 алт. съ денгой» «матицу неводную подвязывали да садили далъ найму 4 алт. 2 денги». Кромѣ денегъ наемнымъ ловцамъ давалось отъ монастыря и «платье», о чемъ будетъ упомянуто дальше.

¹⁾ Стр. 536, 362, 439 Б. А.

²⁾ Подобныя же Новозерскаго монаст., Кириллова (182) и другая Оерапонтова (1700) стр. 167, 536 Б. А.

³⁾ Стр. 553 Б. А.

интереса на осеннемъ промыслѣ этого года ¹⁾. На руки ловцамъ монастыри давали памяти: «181 г. ноября въ 4 день память Оерапонтова мон. игумена Афонасія съ братьею отдали мы монастырскія свои ловли на Бѣлѣозерѣ двумя неводами ловить своей же монаст. вотчины Лоскіе вол. д. Перина Иаву Бауну да дер. Истомины Колкѣ Мартюшину, да дер. Березова Ив. Анисимову, а ловить имъ поледенная ловля, въ томъ имъ и память дана»; въ другой подобной 189 г. прямо сказано «ловить изъ оброку».

При разнообразіи правительственныхъ требованій, по большей части хозяйственнаго значенія, вытекавшихъ изъ конкурентнаго по отношенію къ населенію (коммерческаго) положенія казны на промысловомъ поприщѣ, — естественнымъ слѣдствіемъ было обиліе проступковъ, хотя и не заключавшихъ въ себѣ ничего преступнаго, но, какъ нарушавшихъ казенные интересы несоблюденіемъ тѣхъ или другихъ распоряженій, — влекшихъ за собой процедуру судебно-полицейскихъ преслѣдованій со стороны рыбнаго двора. Всякая «новозачинность» вызывала пассивное, иногда и активное противодѣйствіе, — и, какъ слѣдствіе, цѣлая серія преслѣдованій. Къ платежу оброковъ и поборовъ населеніе было привычно исторически и выносило ихъ безропотно, тѣмъ болѣе, что, своя братья, цѣловальники, сбиравшіе и хранившіе ихъ у себя на рукахъ «до отчета» (такъ какъ имъ приходилось и расходовать деньги на встрѣчавшіяся по службѣ надобности), — допускали отсрочки и разсрочки во взносахъ и брали записи на недоимщикахъ. Неуплатежъ по «доимочнымъ памятямъ» влекъ за собою взысканіе. Крайне рѣдки случаи ослушанія; въ приходной книгѣ 1667 г. записано: «с. Чалексы Григорьевъ крестьянинъ Рязанова Ив. Будиловъ неводъ, денегъ полтина и рыбы оброчной не платилъ, учинился ослушенъ», — и затѣмъ, при сведеніи итоговъ оброчнаго сбора отмѣчено: «а пятой неводъ къ Госуд. рыбн. двору не пріѣзжалъ съ оброчною рыбою». Но вѣроятно, это былъ случай пустаго недоразумѣнія, такъ какъ представителя этого невода, того же Будилова, встрѣчаемъ тою же зимою на тагасномъ промыслѣ. Наиболѣе часты проступки сокрытія «утайки» заповѣдныхъ породъ рыбы, продажи улова безъ объявки къ досмотру властей, неявки къ погонной ловлѣ «на Вел. Государя обиходъ», нарушенія въ ловляхъ

¹⁾ Свѣдѣнія о проступкѣ старца Ефрема въ очеркѣ осенняго промысла.

²⁾ Подобныя же Новозерскаго мон. 181 г.; Борисоглѣбскаго (въ Ростовѣ) 182 и 187 гг. — Бѣлов. акты №№ 536 и 574.

межъ Киснемскихъ заповѣдныхъ водъ и др. Общая характеристика и причины неизбежнаго возникновенія проступковъ изъ бытовыхъ условій будутъ представлены въ другомъ очеркѣ, здѣсь же приводится типичный случай, относящійся собственно къ зимнему неводному промыслу.

3 марта ¹⁸⁴/₁₆₇₆ года цѣловальникъ посадскій посланъ съ рыбнаго двора въ домъ посадскаго Ар. Анеимова «по рыбныхъ ловцовъ» с. Крохина, которые съ Анфимовымъ и крестьяниномъ д. Нова «стоварыщи» ловили въ одномъ неводу. У Анфимова цѣловальникъ засталъ трехъ прасоловъ, торговавшихъ уловную того дня рыбу. Подмѣтивъ, что въ числѣ продаваемой рыбы были стерляди и головные судаки, цѣловальникъ объявился воеводѣ и «извѣщалъ» словесно, что ловили эти ловцы въ озерѣ «рѣдкимъ неводомъ» (на 4 й недѣлѣ великаго поста), и съ уловною рыбою объявлялись на рыбномъ дворѣ «сего де числа», а по его, цѣловальникову, досмотру у нихъ не было ни стерлядей, ни судаковъ, была только мелкая рыба,—теперь же оказалось, что они продаютъ прасоламъ крупную, сколько числомъ онъ опредѣлить не могъ. Призванные ловцы сказали, что дѣйствительно рыба у нихъ была предъявлена къ досмотру мелкая «да у нихъ же въ тѣ поры было на возу въ исподи подъ мелкою рыбою» 16 стерлядей, отъ 6 до 11 вершковъ, и нѣсколько иной рыбы «и про тое де рыбу они имянно на рыбн. дворѣ цѣловальникамъ не объявляли», въ чемъ и «виноваты передъ Вел. Государемъ, а въ винѣ ихъ, что Вел. Государь укажетъ». Ловцы подтвердили также, что послѣ досмотру, рыбу свезли въ домъ Анфимова, тутъ же продали прасоламъ за 26 алтынъ и уже отвезли ее «въ рыбной рядъ въ лавку» ¹⁾. Прасолы подтвердили показанія ловцовъ; по досмотру подъячаго рыбнаго двора съ цѣловальникомъ въ лавкѣ оказалось количество рыбы, объявленное обвиняемыми,—въ домѣ Анфимова посмотри́ть не нашли нужнымъ. Рыба отдана прасоламъ, обвиняемые ловцы сданы на поруки; въ поступкѣ прасоловъ не было усмотрѣно проступка, не смотря на существовавшій въ то время принципъ отвѣтственности въ подобныхъ случаяхъ и продавца и купца.

Изложеннымъ исчерпывается содержаніе собранныхъ данныхъ о внѣшней сторонѣ обстановки условій производства и степени развитія двухъ главныхъ зимнихъ промысловъ въ Бѣлѣозерѣ въ XVII столѣтіи.

Кой какія данныя даютъ возможность дополнить это изложеніе еще и свѣдѣніями о самомъ ихъ производствѣ, о внутреннемъ

¹⁾ Стр. 548 Б. А.

строѣ этихъ промысловъ, обусловленныхъ съ одной стороны техникой лова, строеніемъ, назначеніемъ и способомъ употребленія орудій лова, — и съ другой, обычными, стародавними правилами, которыми населеніе руководствовалось во взаимныхъ между собою отношеніяхъ, установившимися «изкони вѣчно», общепринятыми, какъ соотвѣтствующими воззрѣнію народа на право и справедливость, находившими поддержку и со стороны правительства, въ лицѣ его агентовъ, въ частныхъ случаяхъ обращенія къ нему съ жалобами на правонарушенія, по силѣ тѣхъ правилъ.

Въ описаніи зимняго неводного промысла на Бѣлѣозерѣ, въ Отчетѣ Экспед. изслѣд. рыбол., имѣется въ виду собственно лишь тугасъ, — снасть, приспособленная къ улову снѣтка (стр. 15, 16 Отч.). Промысла рѣдкимъ неводомъ «поledenнаго» и «зимнего» XVII вѣка, имѣвшаго въ виду добычу крупной рыбы¹⁾, судя по Отчету Эксп., какъ будто въ настоящее время на озерѣ зимою не производится. Если это такъ, конечно въ этомъ можно видѣть только слѣдствіе вѣкового опыта, припомнивъ приведенныя выше свидѣтельства о «безпромыслицѣ», преслѣдовавшей неводной промыселъ. Послѣ изданія Отчет. Эксп. напечатаны свѣдѣнія о тагасѣ, доставленныя Бѣлозерскою земскою управой, въ сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ (вып. I), весьма различествующія отъ сообщаемыхъ Отчетомъ. Хотя оба орудія «неводъ» и «тагасъ» суть лишь разновидности одного общезвѣстнаго, родового названія невода, хотя промыслы этими снастями могутъ идти одновременно, бокъ о бокъ, какъ то было въ XVII вѣкѣ, — но разновидность ихъ по строенію и цѣлямъ, ими преслѣдуемымъ, очевидна, поэтому трудно предположить, чтобы эта разновидность неводовъ могла бы быть упущена Экспедиціею изъ виду. Во всякомъ случаѣ остается нѣкоторое недоразумѣніе²⁾.

¹⁾ Неводомъ ловились: стерлядь, шуки, судоки, налимы, лещъ, подлещикъ, окунь, попадала конечно и мелкая рыба: «моль», юрки, ершъ, «чешъ и плюса», и др., лавливался и осетръ.

²⁾ Недоразумѣніе это любопытно еще и потому, что и въ старину Москва, центральное управленіе, повидимому, долго оставалось въ невѣдѣніи разницы двухъ промысловъ, — неводного и тагаснаго. Между тѣмъ это невѣдѣніе дало возможность, съ теченіемъ времени, ненарушимо укорениться распространенному монастырями въ свою пользу праву ловить рыбу тѣмъ и другимъ орудіями безоброчно, тогда какъ въ старыхъ жалованныхъ грамотахъ XVI вѣка, такъ и въ новыхъ XVII в., имъ жаловалось право безоброчнаго лова определеннымъ числомъ «неводовъ». Слова «тагасъ» Москва не знала, кажется, до указа 1666 г., когда воевода Чаплинъ и Моложениновъ своими докладами успѣли уже втолковать Приказу Большого Дворца, — существенное различіе

«Рѣдкій неводъ» XVII вѣка ближе подходитъ къ описанію тугаса Отчета Эксп., хотя составъ неводной артели, по имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ иной. Небольшая сравнительно величина тугаса, до 100 с. въ крылѣ, по Отчету, наводитъ сомнѣніе, чтобы употребленіе его требовало силъ 40 человѣкъ съ лошадьми; тогда какъ тагасъ, по свѣдѣніямъ Управы, неводъ въ 250 саж., чуть не втрое большій, несомнѣнно можетъ требовать этого количества рабочей силы, указываемаго и Управой. Величинъ, мѣры снастей, и невода и тагаса (озерныхъ), стараго времени не знаемъ, не встрѣтилось о томъ свѣдѣній въ бумагахъ архива. — Судя по тому, что узнаемъ изъ нижеприводимыхъ свидѣтельствъ о составѣ рыболовныхъ товариществъ, надо думать, что неводъ-тагасъ въ XVII вѣкѣ еще не достигалъ величины современнаго, почему и производство имъ лова не требовало того многочисленнаго состава товарищества, которое требуется нынѣ. Намекъ на развитіе этого рыболовнаго орудія, съ теченіемъ времени, можно видѣть изъ одного указанія, росписи тагасовъ 1709 г. ¹⁾, въ которой они подраздѣлены на «большіе тагасы» и «меньшіе тагасы»; поэтому въ современномъ неводѣ-тугасѣ слѣдуетъ видѣть усовершенствованіе орудія этого промысла.

«Государево» рыбное хозяйство на Бѣлѣозерѣ не ограничивалось только сборами рыбнаго товара, въ видѣ оброка и закупокъ, казна кромѣ того эксплуатировала имѣвшимися въ ея распоряженіи средствами, «государевой казной съ бѣлѣозер. рыбнаго двора» и трудомъ тяглаго населенія дворцовыхъ волостей, — наиболѣе уловистыя мѣста въ озерѣ и рѣкахъ, объявляя ихъ «заповѣдными», запретными для ловель частныхъ лицъ. Благодаря производившемуся зимой въ «Киснемскихъ водахъ» казенному неводному лову «Государевымъ неводомъ» ²⁾, въ архивныхъ бумагахъ почерпаются, довольно подробныя свѣдѣнія о неводномъ промыслѣ. О тагасной ловлѣ свѣдѣній меньше, но по одинаковости и обстановки и усло-

двухъ промысловъ. Но къ этому времени практика монастырской политики уже окрѣпла и даже эти энергичные новаторы, не особенно долюбивавшіе привилегированнаго положенія монастырей въ рыбныхъ промыслахъ и добившіеся даже указа изъ Москвы о провѣркѣ правъ монастырей въ этомъ дѣлѣ, не попытались на установившееся уже до нихъ безправное право монастырей. Тѣмъ болѣе оно было безправно, что Государи, жалую монастыри безоброчнымъ правомъ лова, имѣли въ виду, что ловли эти производятся на ихъ «обиходъ», въ дѣйствительности же, этого не было, монастыри торговали своими правами, свидѣтельства о чемъ приведены были выше.

¹⁾ Стр. 80. Б. А.

²⁾ Очеркъ этого лова войдетъ въ описаніе ловель «на Вел. Госуд. обиходъ», т. е. казенныхъ, не промысловыхъ.

вій производства ея съ неводной, — многое сообщаемое ниже о неводной можетъ быть распространено и на тагасную ловлю.

Неводъ «рѣдкой» состоялъ изъ составныхъ частей, «матицы» (мотни) и боковыхъ «мережъ»; первая составлялась изъ двухъ особыхъ мережъ, болѣе частыхъ чѣмъ остальные боковыя. Боковыхъ, или собственно «мережъ» въ неводѣ бывало отъ 4 до 6 по сторонамъ, «у нихъ въ неводу по 4 мережи на сторонѣ, а въ иныхъ стороннихъ неводахъ по 5 мережъ на сторонѣ» ¹⁾, — «а въ томъ бы неводу было 12 мережъ да матица» ²⁾. Стоимость невода была высока, крестьяне дворцовые оцѣнивали въ 10 руб., а помѣщикъ въ одной челобитной за своихъ крестьянъ въ 17 руб.

Кромѣ невода, для неводной ловли, требовались еще жерди, ужища («ужищъ двѣ стороны»), тетивы, наплавъ, «кружки да пули» ³⁾ соры(?), пешни, — въ совокупности составлявшіе «неводной заводъ»; ⁴⁾ требовались и паруса, устанавливаемые и нынѣ, для прикрытія во время работы отъ вѣтра. Въ росписяхъ рыболовныхъ запасовъ и приспособленій находимъ: «6 мережъ неводныхъ да матица да рукавъ неводной же», — «двѣ снасти тяглыя неводныя да 4 затулы да 6 ужищъ липовыхъ», бывали они и «канпельные» ⁵⁾.

Перевозка «неводного завода», сообщеніе съ берегомъ, и, можетъ быть, тяга невода, требовали въ промыслѣ лошадей; на царскихъ ловляхъ къ неводу выставлялось отъ 5 до 6 лошадей, которыя получали кормъ казенный, для чего къ Киснемскому рыбному двору въ ¹⁶⁶/₁₆₅₈ г. ⁶⁾ былъ отписанъ «конюшенный» лугъ, «Государевы бѣлозер. неводной ловли лошадемъ на кормъ», который выкашивался ежегодно косцами-испольщиками ближайшихъ деревень этой волости ⁷⁾.

¹⁾ «Грамотка» цѣловальника Киснемск. пристани сыну Моложенинова, на Бѣлозер. рыб. дворъ. Стр. 207 Б. А.

²⁾ Стр. 165. Б. А.

³⁾ Путы?

⁴⁾ Стр. 415. Бѣл. Акты.

⁵⁾ Стр. 175 Б. А. Въ отпискѣ Кн. Шайсупова, пристава при «Монахѣ Никонѣ» въ Оерапонтовѣ М-рѣ., — въ Кириловѣ Монаст. 1672 г. требуется прислать «для монаха Никона пудъ мережнаго пряденья на неводъ и 140 сажень ужищъ для того же. Чт. О. Ист. и древ. 1858, 161.

⁶⁾ По грамотѣ изъ Приказа Больш. Дворца отъ 9 апрѣля. Стр. 174, 165 Б. А.

⁷⁾ Помѣщикъ Михайловъ билъ челомъ на крестьянъ Дернова (оба Киснемской вол.), — Ив. Андреева «стоварыщи» по тому поводу, что они «взяли къ себѣ въ товарыщи неводомъ рыбы ловить» его крестьянина съ лошадыю «и какъ они будутъ неводомъ на ловлѣ рыбной», «при вечерѣ», — этотъ Андреевъ съ товарыщи «на той ловлѣ» — «опустили» лошадь его крестьянина и она «ношнымъ временемъ утонула», ищетъ за крестьянина 7 руб. — Еще есть челобитье

Въ слѣдующихъ строкахъ изъ «платяныхъ книгъ» Троицкаго Усть-Шехон. Монастыря ^{151/1643} года, видимъ рыбака 17 вѣка, снаряженного въ путь-дорогу на зимній промыселъ. «Ноября 8 числа Старцу Матеею, на поледенное пошедь, далъ сапоги новые, онучи новые, рукавицы новые съ плетеницами, да парусъ новый». «Панкѣ далъ сапоги-пришвы, рукавицы новые съ плетеницами, кафтанъ сермяжной новой, ноговицы новые, да топоръ новой»; ноговицы бывали суконныя и сермяжныя; наемнымъ 4 ловцамъ «на поледенное ходили, далъ имъ четверы онучи новые». Кафтанъ сермяжный надѣвался сверхъ теплой одежды; во время одного побоища, случившагося «на озерѣ у ловли посадскаго человѣка на Степановыхъ тоняхъ», — одинъ боецъ другому пешнею «прокололъ, на спинѣ у кафтана сермяжново и у шубы въ одномъ мѣстѣ». ¹⁾

Въ приход. расх. книгахъ Рыбн. двора, матеріаломъ для составленія которыхъ служили явки ловцовъ на рыбномъ дворѣ, росписи цѣловальниковъ, отчеты ихъ о промышлявшихъ на озерѣ неводахъ и собранныхъ оброкахъ, — также какъ и въ этихъ росписяхъ, отмѣчалось обыкновенно кратко, такой то волости, деревни или села, «Анкудинко Матвѣевъ неводъ» или тагасъ; иногда два имени, при томъ разныхъ деревень и даже разныхъ боярщинъ, «Борисъ Панинъ да деревни Горшкова Григорій Ивановъ», или группировались невода и тагасы посада или одного села, и противъ каждого невода и тагаса отмѣчалось по одному имени. Лаконичность записыванія разъясняетъ встрѣченный въ архивныхъ бумагахъ листокъ черновой записки тагасовъ: «Еянваря въ 18 день объявились рыбные ловцы на Госуд. бѣлоз. рыб. дворѣ, которые ловятъ въ бѣлѣ-озерѣ: села Ухтомы Константинъ Дѣевъ съ тагаса; с. Мѣгры Полуэхтъ Дементьевъ съ тагаса; с. Ковжы Павелъ Петровъ, Матвей Оилатовъ съ *Исакова тагаса Першина*; Петръ Галахтіоновъ съ *своего тагаса*» и т. д. ²⁾ При перепискѣ, начисто, въ книги, которыя шли «для вѣдомости» въ Москву, подъячій схватывалъ имя и отмѣчалъ. «Констентинъ Дѣевъ тагасъ» столько то оброку взято Москвѣ конечно болѣе, кромѣ счета промышлявшихъ тагасовъ и неводовъ, какъ единицъ оброчнаго обложенія, ничего и не требовалось въ виду того, какъ выше было сказано, что оброчились не

одного крестьянина, ловившаго въ неводу съ посадскими, на посадскаго — за ушибъ его лошади лошадыю посадскаго. Онъ предупреждалъ того, чтобы тотъ свою ставилъ «отъ неводныхъ лошадей опричь», по досмотру оказалось «ушибено подковомъ и изъ той равы гной идетъ». Оцѣнена лошадь кобыла въ 3 р. 16 алт. 4 денги. Стр. 464, 546 Бѣл. Акт.

¹⁾ Стр. 225, 343, 446, 331, Бѣл. окт.

²⁾ Стр. 375 Бѣл. Акт.

лица, а орудія промысловъ. Но и эти данныя, эти отмітки одного лица отъ деревни съ невода или тагаса, по существу промысла, цѣнности орудія, сложности труда и необходимости сотрудничества въ немъ, уже намекаютъ на товарищеское или иное соединеніе многихъ лицъ для его производства. Подтвержденіе этому встрѣчаемъ въ изданныхъ и въ множествѣ неизданныхъ бумагахъ того времени. Въ напечатанныхъ (Д. А. И. VI, 74), оброчныхъ или арендныхъ договорахъ жителей селъ и деревень Усть-шехонскихъ съ казною, содержавшихъ на оброкѣ «устье» (т. е. истокъ) р. Шексны, встрѣчается оговорка въ охрану свободы арендаторовъ въ ихъ промысловой дѣятельности, чтобы казна не взыскивала особаго оброка или платы «и съ товарищевъ, кто со стороны въ неводъ или тагасъ приняты будутъ». Въ неизданныхъ находимъ болѣе опредѣленные свѣдѣнія объ этихъ «товарыщахъ» и нѣкоторыя, хотя и немногочисленныя, о внутреннемъ строѣ этихъ сообществъ, товариществъ или артелей, на современномъ языкѣ. ¹⁾

Въ каждомъ товариществѣ, промышлявшемъ неводомъ, или въ каждомъ неводѣ, такъ какъ названіе орудія лова переносилось и вырождало собою и самое товарищество, бывалъ «ватаманъ» или «хозяинъ», иногда и два; оба эти слова употреблялись въ одномъ значеніи. Моложениновъ писалъ на Киснемск. Пристань, по поводу Госуд. неводной ловли, цѣловальнику и тонщику «и неводнымъ хозяевамъ» тремъ, (ловили тутъ 2 неводами отъ 2 дворцовыхъ волостей) и въ концѣ оговаривалъ «а будетъ Ѳедота Ослопова съ хозяйской промыслъ не станетъ»,—одинъ изъ трехъ, «и вамъ бы, въ хозяева vybrati Ивана Сидорова» (тоже изъ тѣхъ трехъ) ²⁾. Остальной составъ товарищества заключалъ въ себѣ 2 жердниковъ и отъ 8 до 14 человекъ ловцовъ-рабочихъ, — всего отъ 12 до 20 человекъ, что, при извѣстности уже числа неводовъ и тагасовъ, дастъ цифру населенія, занимавшагося этими промыслами отъ 2 до 2 съ половиной тысячъ человекъ. ³⁾ Казенная неводная ловля въ Киснемскихъ водахъ показываетъ намъ участіе отдѣльныхъ

¹⁾ Слово «артель» для точности въ очеркѣ избѣгается, такъ какъ въ Сѣвер. нарѣчій или нарѣчій XVII вѣка, если не ошибаемся, слово это обозначало лишь толпу, многолюдство, слово собирательное,—не имѣющее за собою внутренняго смысла, соединяемаго въ настоящее время съ этимъ словомъ. Въ массѣ бумагъ пересмотренныхъ,—слово это встрѣтилось однажды,—въ челобитной одного помѣщика о приходѣ къ его усадьбѣ воровскихъ людей «и тутъ въ артель съ воровскими людьми» видѣлъ онъ своего бѣглаго крестьянина. См. также Област. слов.

²⁾ Стр. 285, Бѣл. Акт.

³⁾ Отч. Эксп. считаетъ 2000 чел., на неводныхъ промыслахъ стр. 20.

членовъ товарищества, ловцовъ въ постройкѣ невода составными его частями; но въ этомъ случаѣ было отправленіе повинности, возложенной на дворцовыя волости, ловли «на вел. Государя обиходъ», ихъ орудіемъ, поэтому и исполненіе ея раскладывалось соотвѣтствующими долями по деревнямъ этихъ волостей, по ихъ своему волостному «размету», — мы же узнаемъ результаты этихъ разметовъ изъ росписей, подававшихся начальству «для вѣдомости», обнаруживающихъ сказанное участіе.

Въ росписяхъ писали: «¹⁹⁸/₁₆₉₀ г. Генваря въ день росписъ Мунскіе волости рыбнымъ ловцамъ, выслалъ староста—на зимное: въ хозяева—съ лошадыю», — такой то деревни такого то «съ мережей», такого то «съ мережей на матицу», такого то съ лошадыю «со всіе деревни Сухоѣжинскіе» и т. п. Конечно это одно само по себѣ не доказываетъ подобнаго же устройства невода въ частныхъ товариществахъ, но въ связи съ другими указаніями, которыя будутъ приведены, а также со свѣдѣніями о современныхъ распорядкахъ въ рыболовныхъ артеляхъ, можно съ вѣроятностью заключить, что и въ вольныхъ промысловыхъ товариществахъ XVII вѣка орудіе промысла «неводъ» (рѣдкій или частый) и «всякой неводной заводъ», собиралось вкладами составныхъ его частей членами товарищества, при чемъ конечно эти вклады могли бытъ разнообразны по частнымъ достаткамъ вкладчиковъ.¹⁾

На казенную неводную ловлю ватаманъ являлся съ лошадыю, жердники съ лошадыми и жердями, — для направленія невода подолдомъ, двое ловцовъ выставляли по мережѣ (частой) для «матицы», (въ одномъ частномъ неводѣ — одно лицо выставило цѣлую матицу), остальные участники доставляли по мережѣ, для боковыхъ стѣнъ невода; иногда составъ товарищества дополнялся человѣкомъ или двумя «безъ мережъ». Относительно распредѣленія выставки остальныхъ принадлежностей неводнаго промысла «всякого неводного заводу» свѣдѣній нѣтъ, не знаемъ кто выставялъ и ужище, нынѣ доставляемое ловцамъ въ кредитъ, до перваго дѣлежа денегъ

¹⁾ Принадлежность цѣлаго, уже устроеннаго, невода-тагаса товариществу крестьянъ, видимъ изъ наказной памяти о приводѣ въ губную избу обвинявшихся въ кражѣ «дер. Никоновской у крестьянъ у Игнашки Гаврилова съ товарищи съ вѣшалъ невода частаго со всякою ловецкою снастью, цѣною въ 10 рубъ». стр. 138 Б. А.

Въ описи имущества одного крестьянина встрѣчаемъ: «Мережа неводная новая съ ужищемъ новымъ же, коноплянымъ, 3 мережи вершанные большія, 4 верши новыя, петля ловецкая новая, 2 сохи новыя съ отрѣзами, теньто охотное, 3 косы, 3 серпа, 3 топора, скобель, долото» и т. п.—Изъ рыболовныхъ запасовъ видимъ именно одну составную часть невода, выставявшуюся въ товарищество. Стр. 149 Б. А.

за проданную уловную рыбу, услужливыми прасолами (стр. 18 Отч.), на казенных ловлях «всякіе неводныя снасти» доставлялись ловившею волостью ¹⁾. Распредѣленіе труда въ товариществѣ выражаютъ собою отчасти самыя названія дѣйствующихъ лицъ, а также и слѣдующее указаніе: когда, однажды, на казенный неводной ловъ волость выслала только 12 человѣкъ, цѣловальникъ пристани писалъ въ городъ: «и тѣхъ людей будетъ мало, въ ловлѣ будетъ мотчанья много и ловля будетъ не спора, за тѣмъ, что кои людн пѣшаютъ, да тѣмъ же будетъ людямъ иная работа», въ оправданіе своего взгляда ссылаясь «а въ иныхъ стороннихъ неводахъ—людей по 14 человѣкъ въ неводу» ²⁾. Далѣе встрѣтимъ еще указанія объ этомъ же въ приводимыхъ выдержкахъ изъ дѣлопроизводства о побоищѣ на тагасной ловлѣ. Какъ бывало «на иныхъ стороннихъ», но на казенной неводной ловлѣ дѣйствующимъ, необходимымъ еще лицомъ въ ловлѣ являлся «тонной знатецъ», человѣкъ вѣроятно хорошо знавшій наиболѣе уловистыя мѣста въ озерѣ, «тони и воендуги», (?) получавшій жалованье «за окладъ тонь»; вѣроятно обладаніе кѣмъ либо такими опытными познаніями руководило товарищества въ избраніи такого «знатца» себѣ въ ватаманы, чѣмъ руководятся дѣйствительно теперь Ильменскіе рыболовныя артели. (Отч. Эксп. стр. 184).

Въ то время, пока ловля производилась неподалеку отъ берега, ловцы возвращались ночевать домой или на берегъ. Цѣловальникъ, наблюдавшій казенную ловлю, въ приведенномъ уже письмѣ жалуется «и они (ловцы) ини ночь ловятъ, а въ другой ночи домой ходятъ». ³⁾ Уходя, какъ неводъ, такъ и весь заводъ неводной, иногда и выловленную рыбу, оставляли на озерѣ, но своимъ ловецкомъ «стану»; одинъ ловецъ показывалъ: «а что рыбы уловлено и и та уловная рыба на Бѣлѣозерѣ, никуда съ озера не свезена» ⁴⁾. Все это оставлялось подъ охраной вѣковымъ обычаемъ выработанной строгой честности отношеній, не только другъ къ другу въ средѣ товарищества или артели, но и къ постороннимъ, отмѣчавшей во всѣхъ описаніяхъ коллективной, промысловой, дѣятельности населенія на Сѣверѣ и въ настоящее время. — Случаевъ нарушенія неприкосновенности ловецкаго «завода» оставлявшагося на озерѣ, по свидѣтельству сохранившихся бумагъ рыбнаго двора и губной избы, встрѣчается крайне мало; кромѣ приведеннаго случая покражи

¹⁾ Стр. 303 Б. А.

²⁾ Стр. 207 Б. А.

³⁾ Стр. 207 Б. А.

⁴⁾ 536 А. Б.

«съ вѣшалъ» тагаса, встрѣчаемъ еще, одинъ случай подтверждающій положеніе, что снасти оставались на озерѣ. Челобитчикъ являлъ въ Сѣвѣжскую избу: «въ нынѣш. Госуд. ²⁰¹/₁₆₉₃ г. Декабря во 2 день ловилъ я, сирота вашъ, на Бѣлѣозерѣ рыбу съ бѣлозерцемъ же посадскимъ человѣкомъ съ К. Овчинниковымъ и съ иными рыбными ловцами вмѣстѣ неводомъ. И оставлено было у меня, сироты вашего, съ товарищи на озерѣ, на ловецкомъ нашемъ стану, рыбные ловецкіе снасти мережи и парусы и пешни и лямки. И Декабря Государи противъ 3-го числа въ ночи украли у меня, сир. ваш. съ товарищи, съ того ловецкаго нашего стану невѣдомые воровскіе люди 12 пѣшенъ, да 3 паруса да 2 лямки ловецкіе». ¹⁾

Когда же ловцы, въ своемъ промыслѣ, заходили далеко отъ берега, «вверхъ» къ серединѣ озера, то устраивали на озерѣ помѣщенія для жилья и пріюта, что дѣлается и въ настоящее время, причемъ избы эти называются ондрейнами (Отч. Эксп. стр. 18); въ памяти, относящейся до казенной ловли, наказывалось: «а стоять имъ рыбнымъ ловцамъ на озерѣ въ покупной ондринкѣ» ²⁾.

Ловля неводомъ производилась днемъ и ночью, какъ читаемъ въ показаніи ловцовъ, приведенномъ въ началѣ очерка, «ловили де они... рыбу неводомъ 3 дня и 3 ночи»; въ памяти цѣловальнику на Киснемской ловлѣ наказывалось: «и вамъ бы ловить безпрестанно, не токомъ въ день и по ночамъ, противъ того какъ вы на себя и иные ловцы ловятъ; покой и пищу имѣютъ во время. А будетъ вашимъ нерадѣньемъ ловля будетъ худа и вамъ бы на насъ жалобы не держать; на себя вы какъ ловите, и вы порой сутки не спите; а тутъ вода ходовая, тожъ есть гдѣ ловить»; въ концѣ памяти вновь напоминаютъ «а спали бы и отдыхали въ мѣру» ³⁾. Грамотою 1666 г. вмѣсто отправленія повинности явки на Государеву погонную ловлю на р. Шекснѣ, тѣмъ изъ неводниковъ, кому «за дальнимъ путемъ ѣхать невозможно», — было допущено: «заставливать ловить на насъ Вел. Государя неводами... ночь да день».

Тагасный ловъ производился только днемъ; въ томъ же 1666 г. воевода «для опыту» заставлялъ и тагасниковъ, взамѣнъ погонной ловли, ловить снѣтокъ для казны, при чемъ ловили «одинъ день тагасами».

Часть уловной рыбы шла въ пищу ловцамъ; предоставленіе въ пользу ловцовъ мелкой уловной рыбы было въ то время въ обычаѣ, оно видно на всякаго рода казенныхъ промыслахъ, «мелкую рыбу

¹⁾ Стр. 382 Б. А.

²⁾ Одрины — отъ слова одръ, — ложе. Стр. 165 Б. А.

³⁾ Стр. 285 Б. А.

сами ѣжте и работникомъ давайте», «чешь и плюсы» наказывалось цѣловальникамъ отдавать ловцамъ «чтобы ловили съ радѣньемъ». Ловцы распространяли эту уступку далѣе; цѣловальникъ въ своей грамоткѣ пишетъ въ городъ: «а что мелкіе рыбы отъ вари остаются и они (ловцы) дѣлятъ по себѣ жъ и будутъ отсылать въ дома своя, а говорятъ тѣ рѣчи, что де и прежде сего у насъ не бирали, дѣлили де мы; когда добываемъ воза по 2 и по 3 мелочи и тогда де мы все по себѣ дѣлили», цѣловальникъ добавляетъ, что въ этой «мелочи», — «въ ершахъ и плюсахъ, судочковъ мелкихъ есть много, вершка въ 3 и въ четверть аршина» ¹⁾. Эти рѣчи ловцовъ, вѣроятно, были правдивы и указываютъ, что это было въ обычаѣ, установившемся по примѣру, какъ и «въ иныхъ стороннихъ неводахъ» велось, поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что и въ промысловыхъ неводахъ практиковалось потребление части уловленной рыбы въ пищу, «для вари», и можетъ быть при богатствѣ улова и дѣлежъ мелочи. Помѣщикъ Уваровъ, въ одномъ показаніи, говорилъ, что ловившіе на «себя», ему, Уварову, принадлежавшимъ тагасомъ, его люди и крестьяне, Киснемской и Пальшезерской волостей, постороннихъ съ ними не было, — выловленную рыбу свѣтки и ерши «раздѣлили по себѣ» и никому не продавали ²⁾. Основаній этихъ дѣлежей «по себѣ» мелкой рыбы, въ соотношеніи ли съ долями участія въ неводу или иначе, не знаемъ.

Для дополненія ознакомленія съ тагаснымъ промысломъ, о которомъ, какъ замѣчено, свѣдѣній сохранилось меньше, воспользуемся напечатаннымъ въ актахъ Археогр. Комиссіи производствомъ 1681 г. ³⁾ «по извѣту» о тагасной ловлѣ, «охочими», т. е. вольными ловцами, въ чертѣ «заповѣдныхъ Киснемскихъ тонъ». Свидѣтельствуя о товарищескомъ производствѣ этого промысла (въ немъ постоянно встрѣчаются указанія, что такой-то ловилъ «съ товарищи», «товарищи его, которые въ томъ тагасу ловили», и т. п.), оно, дополненное другими отрывочными свѣдѣніями, встрѣчаемыми въ архивныхъ бумагахъ, обрисовываютъ частью какъ производство промысла, такъ частью же сообщаютъ нѣкоторыя черты и обычныхъ промысловыхъ расписокъ.

Въ указанномъ производствѣ ловцы показывали, что «зимою, послѣ бѣлозерской поледной рѣдкихъ неводовъ» ловли, ловили рыбу «снѣтокъ» въ окрестностяхъ «заповѣдныхъ водъ», — «по завѣхамъ, которые вѣхи поставлены надъ Киснем. волостью для государевы

¹⁾ Стр. 207 Б. А.

²⁾ Стр. 415 Б. А.

³⁾ Д. А. И. VII, 30.

неводные рыбные ловли», — «надъ Киснем. волостью ниже вѣхъ къ сухому берегу». Ловили одинъ помѣщичій тагасъ, 7 тагасовъ крестьянъ Киснемской вол. и два тагаса бѣлозерцевъ посадскихъ, ловили на пространствѣ между с. Кивуемъ и Оетиньиной Слободкой. Ловили въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ: посадскіе «надъ дер. Ефимовою», съ ними «рядомъ» одинъ изъ Киснемскихъ, въ полуверстѣ отъ него ловилъ помѣщикъ Ходневъ, за нимъ еще тагасъ, отъ Государевыхъ тоннъ въ 3-хъ верстахъ. Ловили «вдоль озера верстахъ въ трехъ надъ Киснемскимъ мысомъ». — Въ другомъ однородномъ производствѣ ¹⁾ помѣщикъ Уваровъ показывалъ: «а ловля де была у нихъ рыб. ловцовъ отъ Киснем. рыбнаго двора, противъ Киснем. волости, до дер. Сидоровы, а не до дер. Тарасьевы, а отъ берегу отъ Киснем. волости, въ полуторѣ верстѣ и меньше, а той де ловли было по счету съ одного 10 тоннъ» (?). Ловцы, по первому дѣлу, далѣе сообщаютъ: «съ недѣлю» времени ловили они въ порядкѣ, какъ сказано, — когда два брата Титовы (Киснем. вол.) «пришли къ двумъ посадскимъ и Аникіеву тагасамъ двѣмя своими тагасами». Пришедшіе Титовы говорятъ: «строили де въ одинъ день тагасныя тони и построили де только на тагасъ по двѣ тони»; пробывали ловить, но ничего не уловили «что де тутъ за ломами и за тиною задѣвсто», почему они «вышли изъ той рыбной ловли тагасной... на другой день, на прежніе свои тагасныя тони». Винозатыхъ по этому дѣлу не оказалось, но оно вызвало распоряженіе, чтобы «рыбные ловцы въ нынѣш. во 189 и въ предніе годы зимою тагасами и иными никакими рыбн. ловлями рыбы на себя въ Бѣлозерѣ надъ Киснем. волостью ниже вѣхъ къ сухому берегу отнюдь не ловили»; нарушителямъ заповѣди — быть въ жестокомъ наказаньи и пенѣ.

Въ дѣлѣ ^{176/1668} г., въ бумагахъ архива ²⁾, двухъ тагасныхъ товариществъ, по обвиненію однимъ другого «въ позорныхъ, неподобныхъ бранѣхъ и въ бою и въ увѣчи и въ безпромыслицѣ и что съ тоннъ тагасныхъ сбили и пешнями кололи», отчего они стали «изувѣчны», видимъ два товарищества: одно — тагаса посадскаго Маркела Щанникова, другое тагаса Ивана Мартынова, крестьянина дер. Новы, Карголомской вол. Въ первомъ свидѣтельствуесть 8 человекъ посадскихъ, во второмъ 11 крестьянъ д. Новы и дер. Есиповы. Обвинитель и его свидѣтели, въ допросѣ, показывали: 28 генваря вышли они ловить «рыбы снѣтку» частымъ тагасомъ и «изутра учили они ловить рыбы... *въ тоннъ, на Ивановъ погонъ Потанина,*

¹⁾ Стр. 415 Б. А.

²⁾ Стр. 451 Б. А.

потому, что *тѣмъ погономъ поступился того дня* имъ, Маркелу съ братьею и съ товарищи, на ихъ тагасъ, а онъ, Иванъ, того дни своимъ тагасомъ на тотъ *свой погонъ* рыбы ловить не пошелъ». — Едва начали они пускать тагасъ въ тоню, какъ явились Ив. Мартыновъ «товарыщи» и «учалъ свой тагасъ пускать насильствомъ» того Иванова погона въ другую тоню *«хотя... тѣмъ своимъ тагасомъ... ево, Маркелову, тагасную ловлю запереть»*. — *«По совѣту* братьи и товарищевъ своихъ» Маркелъ Щанниковъ пошелъ къ товариществу Мартынова и объяснялъ, чтобъ они тутъ не ловили, что тони эти Потанина, что *«по поступкѣ»* его, ловить въ этихъ тоняхъ будетъ онъ, Щанниковъ. Свидѣтели другаго тагаса добавляютъ, будто Маркелъ, прибѣжавъ, «жердя тагаснаго не учалъ въ тое тоню пускать давать и то жердые учалъ ломать». Посадскіе доказываютъ, что крестьяне стали бить Маркела, къ нему на помощь пріѣхали на лошади братья «отъ бою свободить»; крестьяне «пѣшными кололи и били на смерть» Щанниковыхъ; тогда подѣхали остальные товарищи Маркелова тагаса, прибѣжали и 4 товарища крестьянскаго тагаса и уняли побоище; этихъ послѣднихъ четырехъ «въ тѣ поры тутъ на дракѣ не было, *тѣшали* отъ того мѣста *пролуби саженьяхъ въ сороки и въ тридцати*». Крестьяне показывали, что когда Маркелъ «учалъ ломать жердые», его «отпехнулъ» братъ Мартынова; Маркелъ «отъ того толканья черезъ жердые свалился и закричалъ, чтобъ товарищи» бѣжали къ нему, чтобъ его тутъ не выдали»; пріѣхали братья Маркела и произошелъ бой, съ обѣихъ сторонъ, при чемъ одинъ ударилъ другаго пѣшнею въ голову такъ, что, «отъ того удару дерево на которомъ та пѣшня была изломилось», — дрались «пѣшными и тагасными сорами» и кольемъ. Изъ обрывка очныхъ ставокъ Ивана Мартынова съ товарищами по тагасу, видно, что онъ вину повода драки относилъ на своихъ товарищей, также указывалъ то одного, то другаго, что они «велѣли» «въ спорной тонѣ рыбу ловить»; товарищи запирались во всемъ, наконецъ изъ 3-й челобитной Щанникова видно, что братья Мартынова употребили и такой способъ самозащиты «сказали они, что де безъ вѣдома помѣщика своего Ѳедора Головленкова отвѣчать не смѣютъ» ¹⁾).

¹⁾ Въ концѣ февраля судбище кончилось, послѣдовалъ приговоръ воеводы; 1 марта выдана память на исполненіе.—Воевода, на основаніи 136 ст. Главы Х уложенія, приговорилъ «доправить» за увѣчье и безчестье въ пользу Щанниковыхъ съ Мартыновыхъ «противъ ихъ окладу вдвое» и «а въ пенѣ ихъ, что Вел. Государь укажетъ»; послать память къ земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ для справки о томъ «тотъ М. Щанниковъ съ братьею въ бѣлозерцахъ посадскихъ лутчіе ли или средніе или меньшей статьи»,—Мартыно-

Въ обрывкѣ подобнаго же производства, ²⁰²/₁₆₉₄ года, обвиняемый посадскій Шиловъ, объяснял: «ловили» онъ съ товарищами «на рыбныхъ на своихъ тоняхъ», съ Николина дни—до Рождества и послѣ того; пришли крестьяне Карголомской вол. «и въ нами обложенныя пшанныя тони»,—насильствомъ своимъ стали ловить; Шиловъ съ товарищами «по тѣмъ своимъ тонямъ ловить ихъ не пустили»; крестьяне, переломавъ «ловецкое наше колье», свой тагасъ «въ нашихъ тоняхъ покинули». Тагаса того посадскіе «не дирали», не дрались, напротивъ того крестьяне ихъ били «и про то про все вѣдомо бѣлоз. рыбнымъ ловцомъ, что мы въ тѣхъ мѣстахъ прежде ево Исаковыхъ днтей ловили»; представляетъ роспись, на кого шлется и «хто имяны рыбные ловцы въ рядъ съ наши ходятъ». Произведеннымъ досмотромъ, по челобитью Исака Васильева и П. Федорова, «дранаго ихъ тагаса и тонь»,—тагасъ оказался впущеннымъ въ воду «подо лдемъ», досмотрѣть его не оказалось возможнымъ, потому что «ко лдю примерзъ»,—«и въ той же тони гдѣ впущенъ тагасъ, заколочено въ дву пролубяхъ колье»,—при чемъ истцы объяснили «что де то колье заколачивалъ Шиловъ съ товарищи, чтобъ де того тагаса вытянуть не попустить». Относительно тони досматривавшіе нашли: «а тоня, гдѣ пущенъ тагасъ, *знать старая*», и отъ нея до тони, въ которой ловить Шиловъ, по указанію истца, «далече», «и ловли межъ тѣми тонями не знать, только знать межъ тѣми тонями есть ломы» ¹⁾:

Встрѣтилось еще челобитье одного крестьянина, изъ промышленной дер. Орлова (въ С. З. углу озера), на односельчанъ о возстановленіи нарушеннаго его права на пользованіе, въ сообществѣ съ нимъ, устроенными тонями ²⁾. Онъ жаловался, «что у меня, сироты твоего, съ ними съ Иваномъ да съ Максимомъ и съ товарищи ихъ, *прониманы* были на Бѣлѣозерѣ, *подль берегу поблиску*, тагасныя тони и они... отъ тѣхъ моихъ тонь меня... отгонили», просилъ: «вели Государь о тѣхъ тоняхъ послать съ своего Бѣлоз. рыб-

вымъ своего «бою и увѣчья» на Щанниковыхъ «искать судомъ», «потому что», тѣ во всемъ запирались. — Земскіе старосты сказали: «по святей непорочной евангильской заповѣди Господни еже ей ей», что Щанниковы «въ посадскихъ людехъ, по подати, средніе статьи люди».

Тогда воевода велѣлъ разсылщику доправить на Мартыновыхъ «исцова иску» — 48 руб. и деньги отдать съ роспискою истцамъ.

16 марта стороны подали мировую челобитную изъ которой видно, что Мартыновы «стояли въ томъ иску въ 47 рубляхъ на правѣжъ». На оборотѣ мировой помѣта: «176 г. Марта въ 16 день, взять къ дѣлу и записать миръ и челобитье». Стр. 583 Б. А.

¹⁾ Стр. 294 Б. А.

²⁾ Стр. 555 Б. А.

ного двора память и вели Госуларь тѣ тони имъ, Ивану да Максиму и съ товарищи своими, *подѣлитъ со мною*, сиротою твоимъ, *пополамъ* ¹⁾).

Подобнаго же характера встрѣчается челобитье представителя неводного товарищества посадскаго Семена Удина «на товарища своего» крестьянина д. Маркидины, Каргол. вол. «что де съ нимъ Семеномъ онъ Матюшка *по договору* въ неводную нынѣшнюю рыбн. ловлю рыбы ловилъ и съ лошадыю и съ братомъ». 5-го и 6-го ноября они «не пошли» ловить, «и ему де Семену въ томъ учинилися убытки не малые, ему и товарищемъ ево» ²⁾).

Приведенныя выдержки даютъ, хотя и скудныя, но единственныя встрѣченныя въ бумагахъ архива данныя о производствѣ тагаснаго лова XVII вѣка, и тѣмъ не менѣе даютъ возможность для сравненій съ современнымъ способомъ его производства. Устраиваютъ «тони», ихъ «окладываютъ»; товарищество въ день успѣваетъ устроить двѣ тони и сдѣлать одинъ пробный ловъ, причемъ, если выбранное мѣсто оказывалось неудобнымъ, — его оставляли, въ случаѣ удачи ловили на однихъ мѣстахъ продолжительное время; «пѣшными» прорубали, «пѣшали пролуби»; въ дѣлѣ Щанникова 4 человекъ въ товариществѣ «пѣшали» на разстояніи 40 и 30 сажень отъ мѣста выбрасыванія невода, что даетъ намекъ и на величину невода-тагаса и на разстоянія между «пролубями», чрезъ которыя «жердники» направляли «жердями» подо льдомъ тягу невода, употребляя еще при этомъ «соры». Изъ нѣсколькихъ свидѣтельствъ видно, какъ будто промыселъ тагасный преимущественно производился въ недалекомъ отъ берега разстояніи, по крайней мѣрѣ въ сѣверной части озера; на прибрежный ловъ снѣтка зимнимъ тагасомъ, осенью, именно въ этой части озера, за исключеніемъ участка Киснемскихъ каменистыхъ грядъ, указываетъ и отчетъ Экспед. ³⁾).

Свѣдѣнія объ участіи самостоятельными товариществами въ промыслѣ крестьянъ дальнихъ, неприбрежныхъ волостей въ связи съ даваемыми отрывкомъ изъ приведеннаго дѣла о ловлѣ въ Киснем. водахъ, показываютъ, что ловцы для устройства тонь свободно избирали и перемѣняли мѣста на всемъ пространствѣ озера, такъ какъ видимъ напр. бѣлозерцевъ посадскихъ съ своими тагасами на противоположной городу сторонѣ, близъ Киснемы. Раздѣленія озера на участки, существующаго нынѣ и водворяющаго порядокъ въ правѣ пользованія озеромъ въ то время не было, какъ

¹⁾ Стр. 546 Б. А.

²⁾ Стр. 546 Б. А.

³⁾ Стр. 27, 28, въ участкахъ Вашкинскомъ, Слободскомъ и Кіуйскомъ, и весьма мало въ части Киснемскаго участка.

сказано выше ¹⁾. Руководилось ли населеніе въ занятіи мѣстъ для устройства тонъ какимъ либо, обычаемъ установленнымъ, порядкомъ, или тутъ имѣло мѣсто право перваго захвата, заимки, опытомъ отмѣченныхъ наиболѣе ловистыхъ мѣстъ, подобно существующему и въ настоящее время на Ильменѣ, никакого намека въ архивн. бумагахъ на это не встрѣтилось. Правительство въ это дѣло не вмѣшивалось, предоставляя населенію разбираться самому себѣ, оставляя за собою лишь полицейско-судебное вмѣшательство и то лишь въ случаяхъ обращенія къ нему самого населенія.

Въ этихъ только случаяхъ, подобныхъ приведеннымъ, должно искать свидѣтельствъ или намековъ, чѣмъ населеніе руководилось во взаимныхъ отношеніяхъ на промыслахъ, почитало за обязательныя для себя правила,—намековъ на положенія обычнаго права,—находившихъ поддержку и охрану со стороны самого правительства.

Изъ дѣла Шилова, изъ старанія его доказать власти, «что мы въ тѣхъ мѣстахъ преждъ ево Исаковыхъ дѣтей ловили», въ доказательство чего онъ ссылался на ловцовъ «кто... въ рядѣ съ нами ходятъ» можно усматривать во 1-хъ, подтвержденіе догадки о почитавшемся правѣ перваго захвата мѣста для производства промысла, и во 2-хъ, и о какъ будто устанавливавшейся въ тоже время и имѣвшей продолжаться вмѣстѣ съ ходомъ промысла послѣдовательной очереди тагасовъ «въ рядѣ съ нами ходятъ».

Затѣмъ все свидѣлствуетъ о бытовомъ, исторически установившемся на этомъ полѣ дѣятельности населенія края, безусловномъ

¹⁾ Въ совершенно иныхъ условіяхъ было въ то же время право пользованія водами Лачеозера. Въ ¹⁷³/₁₆₆₅ г. дѣлался розыскъ о рыбныхъ ловляхъ въ Бѣлоз. уѣздѣ; розыскъ распространился и дальше, захвативъ Чаранду, Лачеозеро и др.

Про Лачеозеро показывали: «владѣть городъ Каргополь съ окольными волостями околородными» крестьяне Ухотской волости (Бѣлоз. уѣз.) сказали: «ловимъ въ Лачѣоверѣ малымъ жеребьемъ потому, что пришло». Чаранской округи Хотѣновской вол. крестьяне показывали, что они не ловятъ, что крестьяне Ухотской волости «ловить ихъ не впускаютъ»; послѣдніе же утверждали, что первые «рѣкою Свидью въ озеро въѣзжаютъ и ловятъ нашимъ угодьемъ». Розыскомъ обнаружено, что озеромъ «владѣютъ» посадскіе г. Каргополя и околородные крестьяне, платя по Писцов. книгамъ 129, 130 гг., городъ и каждая волость опредѣленныхъ величины оброку и разныхъ величинъ пошлыны. Слѣдовательно пользованіе этимъ озеромъ стояло въ иныхъ условіяхъ по отношенію къ казнѣ, чѣмъ Бѣлое, и было болѣе сходнымъ съ современнымъ.

Это извѣстіе приведено лишь для отмѣтки показаннаго крестьянами Ухотс. вол. способа распредѣленія правъ на пользованіе озеромъ между береговыми волостями: «ловятъ малымъ жеребьемъ, потому, что пришло», на долю этой волости. Въ приказной отпискѣ о результатахъ розыска, слово «жеребей», замѣнено «владѣютъ малою долею», стр. 96, 308 Б. А.

признаніи главенства труда и правъ, вытекающихъ изъ разнообразныхъ видовъ его приложенія. Прежде всего усматривается признаніе частнаго права товариществъ пользованія занятымъ подъ данный промыселъ пространствомъ на озерѣ «погономъ» и подѣланными тутъ устроеніями и приспособленіями для промысла. Каждый членъ сообщества—тагаса тони, гдѣ это сообщество подвизается въ своемъ упорномъ трудѣ, называетъ «своими», «нашими», «Степановы тони» и т. п. Въ дѣлѣ Щанникова встрѣчаемъ дальнѣйшее развитіе этого права, въ «погонѣ Ив. Потанина», товарищество Потанина сегодня не ловить, и пользованіе своимъ «погономъ» уступаетъ товариществу Щанникова; безъ этой «поступки» никто, по видимому, не можетъ воспользоваться сообществомъ Потанина устроенными тонями. Попытки нарушенія частнаго права назывались «насильствомъ» и вызывали, при равномѣрности силъ, отстаиванія силою, влекшія за собою зачастую разбирательства на рыбномъ дворѣ. Личное безсиліе, въ случаяхъ явнаго утѣсненія со стороны товарищества, въ отстаиваніи частицы своего въ общемъ правѣ, по сколько участвовалъ тутъ его трудъ, ищетъ и находитъ защиту у правительственной власти, какъ это видно въ случаѣ съ крестьяниномъ деревни Орлова.

Кромѣ этого послѣдняго и еще другого, гдѣ наоборотъ товарищество ищетъ убытковъ съ члена, вступившаго въ неводъ «по договору», — во всей массѣ прочитанныхъ бумагъ рыбнаго двора, не довелось встрѣтить ни одного случая обращенія къ содѣйствию власти по поводу дележа промысловой добычи или заработковъ товарищей въ промыслѣ, ни по поводу какихъ-либо иныхъ недоразумѣній въ средѣ товарищества. Всѣ подобные случаи вѣроятно разрѣшались и устранялись самымъ строемъ, организаціей товариществъ, въ силу общности дѣла и уравниваемости интересовъ въ немъ каждого члена товарищества. Поэтому и внутреннихъ распорядковъ въ товариществахъ неводномъ и тагасномъ, распредѣленія паевъ, «жеребьевъ» въ нихъ и соотвѣтственно этому участія въ дѣлежѣ добычи или заработковъ, — не было бы суждено знать, если бы не существовалъ въ то время (въ послѣдней четверти XVII вѣка) способъ вознагражденія агентовъ рыбнаго двора, выборныхъ цѣловальниковъ, на счетъ ловецкаго населенія, какъ уже было упомянуто. Въ «приговорахъ», которыми снабжались «къ Государеву рыб. дѣлу» цѣловальники, послѣ ¹⁹⁰/₁₆₈₂ г., избиратели назначали цифры обложенія, въ различныхъ величинахъ, разнаго вида промысловъ, которыя и предоставлялось цѣловальнику самому собирать «съ насъ рыбныхъ ловцовъ и съ рыбныхъ закупщиковъ съ бѣлозерскихъ на-

шихъ промысловъ», частью на опредѣленное назначеніе, частью «и ему цѣловальнику въ подмогу», «на прокормленье» ¹⁾).

Какъ было указано, въ товарищества соединялись, конечно по своимъ личнымъ соображеніямъ, люди не только разныхъ деревень, волостей и даже становъ, но и лица различныя по своему общественному положенію; такъ бывали соединенія въ товариществахъ, во-1-хъ, крестьянъ помѣщичьихъ съ монастырскими, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣми, которые по жалованнымъ грамотамъ монастырей были свободны и отъ оброка въ пользу казны, и отъ платежа цѣловальничьей подмоги, во-2-хъ, ловцовъ, участвовавшихъ въ выборахъ цѣловальниковъ разныхъ группъ, такъ какъ выборы бывали по группамъ волостей. Выраженіе «нашъ» цѣловальникъ означало цѣловальника извѣстной группы, который и собиралъ подможныя деньги «съ насъ ловцовъ», т. е. ловцовъ этой группы избирателей, и въ 3-хъ, тѣхъ или другихъ крестьянъ («уѣздныхъ ловцовъ») съ посадскими Бѣлозерска, стоявшими особою группой и избиравшими изъ своей среды «своихъ» цѣловальниковъ. Въ виду разнообразія въ группировкѣ лицъ промысловыхъ товариществъ, съ которыми приходилось считаться цѣловальникамъ, населеніе выработало слѣдующія два положенія, которыя постоянно и встрѣчаются въ упомянутыхъ «приговорахъ» ²⁾:

1, «а которые рыбные ловцы изъ тѣхъ насъ, вышеписанныхъ помѣстей и вотчинъ, крестьяне учнутъ ловить съ бѣлозерцы посадскими людьми и Монастыр. вотчинъ съ крестьяны, и съ тѣхъ рыбныхъ ловцовъ нашему выборному цѣловальнику имать... по алтыну съ жеребья» ³⁾.

2, «а буде въ тѣхъ нашихъ вышеписанныхъ неводахъ и въ тагасахъ станутъ рыбные ловцы Кирилова или Троецкаго монастырей крестьяне ловить *на складкѣ* третьми четвертьми и жеребьями, и съ тѣхъ неводовъ итагасовъ имать ему цѣловальнику подможныя деньги сполна, а жеребейныхъ денегъ у него цѣловальника не вычитать».

¹⁾ Стр. 332 Б. А.

²⁾ Послѣ 190 г.; въ приговорахъ болѣе ранняго времени этихъ положеній не встрѣчается.

³⁾ Почему именно было обложеніе алтыномъ съ жеребья, опредѣлить нельзя, но конечно цыфра эта не была произвольной, имѣла свои основанія и была вѣрно рассчитана, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что члены группы, составляя приговоръ и опредѣляя цыфры обложеній, впередъ знали какъ число неводовъ, такъ и число своихъ сочленовъ, которые уйдутъ въ составъ иныхъ товариществъ и соотвѣтственно этому (а можетъ быть сумма подмоги рассчитывалась по участию сочленовъ группы во всѣхъ промыслахъ, всего года), вычисляли и опредѣляли цыфры платежа какъ цѣлаго невода, такъ и жеребьевъ или паевъ.

Оба положенія направлены къ огражденію интересовъ какъ ловцовъ, принадлежавшихъ къ одной группѣ, такъ и «своего» цѣловальника, т. е. избраннаго данной группой. Въ первомъ случаѣ обложеніе члена группы соотвѣтственно долѣ участія его въ чужомъ неводу вполне справедливо: по отношенію интересовъ ловцовъ группы избирателей, чтобы членъ ея, уходящій въ составъ товарищества ловцовъ иной группы, не избавлялся своимъ уходомъ отъ участія въ мірскомъ расходѣ платежа подмоги «своему» цѣловальнику и своимъ уходомъ не отягощалъ доли участія въ платежѣ остальныхъ сочленовъ группы. Цѣловальникъ при отсутствіи «жеребьеваго» обложенія терпѣлъ бы ущербъ, а промышленникъ уходилъ бы вовсе отъ участія въ платежѣ подмоги; проходилъ бы «въ избылыхъ»; такъ какъ ни «свой», ни цѣловальникъ чужой группы, въ неводъ ловцовъ которой онъ вошелъ, не говоря уже объ участіи въ монастырскихъ неводахъ, — не имѣли бы возможности съ него что либо получить; свой, — потому что передъ нимъ были отвѣтственны лишь цѣлыя товарищества — невода или тагасы, аловецъ отговаривался бы платежемъ въ чужомъ неводу чужому цѣловальнику; чужой не могъ бы получить, такъ какъ «руки» этого ловца, т. е. его подписи, рукоприкладства не было подъ приговоромъ ему даннымъ. По отношенію самаго промышленника точно также вполне справедливо участіе его въ мірскихъ расходахъ группы изъ которой онъ ушелъ, соотвѣтственно лишь долѣ участія его въ данномъ промыслѣ.

Во второмъ положеніи приговора уже исключительно имѣются въ виду участники въ неводахъ, свободные по своему положенію, отъ платежа подмоги монастыр. крестьяне; поэтому по стольку же справедливо и это положеніе, какъ въ огражденіе интересовъ цѣловальника, такъ и сочленовъ группы; принимая по той или другой причинѣ въ свой неводъ «вскладку» монастыр. ловцовъ, отвѣтственными передъ цѣловальникомъ оставались они, члены группы, цѣловальникъ былъ свободенъ не знать внутренняго состава невода, и получалъ свой полный окладъ, разверстать же между товарищами расходъ платежа подмоги было уже дѣломъ самого товарищества.

По поводу платежа подмоги съ жеребьевъ, между бумагахъ рыбн. двора, встрѣтились: во-1-хъ, списокъ ловцовъ «стороннихъ», участвовавшихъ въ неводахъ и тагасахъ посадскихъ, и во-2-хъ, сказка о такомъ же участіи въ неводахъ крестьянъ вотчины Кириловскаго монастыря, — съ указаніями сколькими жеребьями эти сторонніе «ловили» въ тѣхъ неводахъ и тагасахъ» ¹⁾.

¹⁾ Стр. 314, 342. Б. А.

Недостаточно основательно на основаніи двухъ и только этихъ документовъ выводить положительныя заключенія о существовавшемъ распредѣленіи паевъ или жеребьевъ въ промысловомъ товариществѣ того времени, обобщать ихъ и предполагать выводимыя заключенія вполне достовѣрными. Не основательно потому, во 1-хъ что свѣдѣнія, ими намъ сообщаемыя, значительно рознятся отъ существующаго въ настоящее время распредѣленія паевъ въ бѣлозерск. артеляхъ, сообщаемого Отчет. Эксп. изслѣд. рыбол., и во 2-хъ мы уже знаемъ, изъ приведенныхъ документовъ, что участіе въ неводахъ (и тагасахъ) бывало не только жеребьевое, но болѣе значительными долями «на складкѣ третью и четвертью», и даже болѣе. Встрѣчается напр. показаніе крестьянина дер. Нова «ловилъ де отецъ его Ѳедка Іевлевъ въ бѣлозерѣ неводомъ тоужь деревни съ крестьяниномъ съ Ив. Дмитріевымъ вмѣстѣ по полуневода» ¹⁾, свидѣтельствующее, повидимому, о томъ, что невода бывали не исключительно равноправно товарищескіе, но также, быть можетъ, и предпринимательскіе или хозяйскіе, въ современномъ значеніи этого слова ²⁾. Наконецъ на ловляхъ встрѣчаются невода помѣщиковъ и монастырскіе, въ тѣсномъ значеніи этихъ словъ, т. е. ловившіе на помѣщика, «про монастырскій обиходъ». Всѣ эти частности не исключаютъ тѣмъ не менѣе кажущагося, при знакомствѣ съ архив. данными, преобладанія на бѣлозерскихъ промыслахъ равноправныхъ товариществъ. Поэтому упомянутые два документа заслуживаютъ вниманія, какъ положительныя свидѣтельства бытовой стороны промысловой жизни XVII вѣка, въ частности какъ свидѣтельства объ отношеніяхъ членовъ-пайщиковъ въ товариществахъ. 1. Изъ перваго документа видно:

а, что въ 5 тагасахъ посадскихъ людей-жеребьевъ стороннихъ ловцовъ, крестьянъ разныхъ деревень, было: — 8, 7, 10, 14 и 15 жеребьевъ; къ сожалѣнію изъ росписи не видно сколько при этомъ жеребьевъ принадлежало посадскимъ.

б, въ двухъ «неводу и тагасу», тоже посадскихъ,—было въ одной группѣ («неводу и тагасу») ³⁾ 9 посадскихъ жеребьевъ и 14 стороннихъ, (у 11 человѣкъ), всего 23 жеребья; въ другой, (неводу и тагасу) было 16 посадскихъ и 10 стороннихъ,—(у шести человѣкъ) всего 26 жеребьевъ.

¹⁾ Стр. 528 Б. Акт.

²⁾ Быть можетъ, конечно, что этотъ неводъ 2 человѣкъ д. Нова былъ неводъ двухъ сильныхъ рабочею силою семействъ.

³⁾ Группа «неводъ-тагасъ» обозначаетъ, что данное товарищество ловило «поледнюю» ловлю неводомъ, и затѣмъ „покиня“ неводъ, стало ловить «тагасомъ». Объ этомъ было сказано въ началѣ очерка.

Подводя итоги отмѣткамъ по этой росписи, получается: одинъ человѣкъ имѣлъ одинъ жеребей: одинъ съ лошадыю — 2 жеребья; двое имѣли вмѣстѣ 4 жеребья; два брата съ лошадыю—3 жеребья; одинъ съ дѣтьми и лошадыю— 4 жеребья; одинъ «съ братьею» — 4 жеребья, другой тоже «съ братьею» — 3 жеребья.

2. По сказкѣ старосты с. Вашкея, вотчины Кирилов. Мон., сторонніе ловцы въ 7 неводахъ этого села имѣли участіе каждый «по жеребью», и при томъ было: въ двухъ неводахъ по 9 стороннихъ человѣкъ, «ловили 9-ію жеребью»; въ одномъ тремя, въ одномъ 4-мя, въ двухъ по 5 и въ одномъ 7-ю жеребьями; всѣ эти «сторонніе» ловцы были крестьяне дальнихъ отъ озера волостей; (доставляли ли они при этомъ составныя части невода, не видно). ¹⁾.

Кромѣ этихъ двухъ документовъ имѣется еще показанія крестьянина д. Козловы (Лозской волости), ловилъ онъ неводомъ, «а ему де Ниѳонтку въ той неводной рыбной ловлѣ два жеребья: ему Ниѳонтку жеребей, а другой жеребей на ево Ниѳонткову матицу». Остальные 12 человѣкъ, участвовавшіе въ этомъ «неводу», по показанію его же, Ниѳонтки, имѣли каждый по жеребью ²⁾.

Посадскій Кирилко, получивъ деньги въ задатокъ запроданнаго будущаго улова снѣтка, «и тѣ онъ Кирилко 3 руб. взявъ, роздѣлилъ товарищемъ своимъ на 20 жеребьевъ» (409, Б. А.).

Сводя приведенныя свидѣтельства—получаются слѣдующія лишь три выясненныя положенія долеваго участія сочленовъ въ товариществѣ.

1) Каждыйловецъ, самъ по себѣ «ему Ниѳонтку жеребей», — подразумѣвать должно за его трудъ, имѣлъ жеребей.

2) Ловецъ съ лошадыю, — имѣлъ два жеребья, на себя и на лошадь.

3) Ловецъ съ цѣлою «матицею», (состоявшею изъ двухъ мережъ), имѣлъ 2 жеребья, на себя и на матицу, т. е. за трудъ и за 2 составныя части орудія промысла,—«а другой жеребей на ево Ниѳонткову матицу».

Способъ опредѣленія долей паеваго участія въ дѣлежѣ промысловой добычи въ современныхъ неводахъ-тугасахъ,—совершенноѣ, дробнѣе и видоизмѣняется по мѣстностямъ. Въ общемъ пай полагаются въ отдѣльности за трудъ, за составныя части невода (въ доляхъ жеребья) и за лошадь; отдѣльные пай идутъ за ватаманство, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ общаго счета жеребьевъ отдѣляются пай на Церковь, частныя пай за озерную избу, за амбаръ

¹⁾ Волостей Шубачъ, Вашпанъ, Роксома и двое изъ Липина Бора,

²⁾ 536 Б. А.

для хранения снастей. Число жеребьевъ поэтому далеко не совпадаетъ съ числомъ дольщиковъ-ловцовъ, и бываетъ числомъ до 100 при 35—40 ловцахъ. ¹⁾ Разнообразіе въ состоятельности отдѣльныхъ лицъ, при ограниченномъ правѣ лова въ озерѣ только жителей прибрежныхъ деревень,—создали недостатокъ въ ловцахъ и, какъ послѣдствіе этого, значительную долю участія въ современныхъ тугасахъ однопайщиковъ-работниковъ изъ постороннихъ лицъ, составляющую, по наблюденіямъ Отч. Эксп., половину личного состава этихъ артелей. Это подраздѣленіе жеребьевъ въ отдѣльности за трудъ и за часть невода, какъ вѣроятное слѣдствіе участія въ артеляхъ недостаточныхъ лицъ, въ качествѣ работниковъ, по неимѣнію средствъ участвовать въ сооруженіи невода, замѣчается въ настоящее время, во всѣхъ рыболовныхъ промыслахъ сѣвера (Ладожское, Лачеозеро и др.), исключая, по свѣдѣніямъ Отч. Эксп., Ильменя, гдѣ каждый членъ рыболовной артели участвуетъ въ равной долѣ, — какъ во всѣхъ издержкахъ промысла, такъ и въ дѣлѣ добычи.

Нельзя умолчать и еще объ одномъ встрѣченномъ документѣ, это челобитная цѣловальника (¹⁹⁴/₁₆₈₆ г.) о неплатежѣ ему, согласно данному приговору, подможныхъ «съ жеребья по алтыну» денегъ крестьянами разныхъ деревень, ловившими «въ неводахъ и тагасахъ» съ посадскими и съ крестьянами монаст. вотчинъ. При челобитной представлена «роспись что взять подможныхъ денегъ противу приговора», именно:

дер. Подолу на такомъ то и сынѣ его	10	алт.
той же дер. » » » » » »	8	»
» » » » » » » »	3	»
» » » » » » » »	4	»
д. Титова. » » » » » »	8	»
» » » » » » » »	4	»
» » » » » » » »	2	»
д. Яховцева на такомъ то	8	алт.
д. Гулины » » » » » »	12	»
д. Меледины » » » » » »	2	»
д. Козловы » » » » » »	6	»
д. Мальцовы » » » » » »	2	»
той же дер. » » » » » »	6	»
» » » » » » » »	6	»

¹⁾ По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Бѣлоз. Управою: ватаманъ въ артель-тугасѣ имѣетъ до $6\frac{1}{2}$ жеребьевъ; ловецъ со снастью и лошадыю отъ $2\frac{1}{2}$ —3 жер. жердникъ 2 (по отчету Эксп. 3 жер., 2 за работу, какъ особенно трудную и 1 жер. за часть невода; ужищикъ 1 жер.; членъ артели съ работникомъ, составляющій часть снасти и за работника, 3 пая, работникъ 1 жеребей.

²⁾ Стр. 554 Б. А.

Этотъ перечень голыхъ цифръ алтынныхъ взысканій, не сообщая ничего новаго, какъ будто даже нѣсколько затемняетъ опредѣленіе жеребьеваго участія членовъ-ловцовъ въ товариществахъ XVII вѣка. Для объясненія этой росписи, согласно выведеннымъ выше положеніямъ, надо или предположить, что тутъ подъ единичными личностями, имѣвшими въ промыслѣ, какъ показываетъ роспись, отъ 6 до 12 жеребьевъ, слѣдуетъ подразумѣвать не одно только названное лицо,—но «стоварыщи», «съ братьею», его однодеревенцами, или совокупность жеребьевъ и при томъ названныхъ не лицъ, а группъ «стоварыщи», и «въ неводу» и «въ тагасу», или наконецъ участіе этихъ лицъ въ товариществахъ при иныхъ условіяхъ, «на складке третьми и четвертьми», дававшихъ данному лицу эти лишніе «жеребьи».

Выше были сдѣланы двѣ оговорки, первая, что за недостаточностью сохранившихся данныхъ, нельзя отрицать возможности существованія и иного подраздѣленія жеребьевъ въ рыболовныхъ зимнихъ товариществахъ XVII вѣка, кромѣ приведеннаго, основаннаго на документахъ, а также другая о томъ, что предлагаемые очерки нельзя считать за что либо исчерпывающее изложеніе предмета, а лишь за передачу свѣдѣній въ просмотрѣнныхъ, сохранившихся бумагахъ Бѣлозерскаго рыбнаго двора.

Снѣтокъ, — какъ добыча тагаснаго промысла.

Очеркъ тагаснаго промысла XVII вѣка остается дополнить нѣкоторыми свѣдѣніями, эпизодомъ изъ исторіи знаменитаго и въ наше время «бѣлозерскаго снѣтка», свѣдѣніями сообщаемыми знатокомъ дѣла П. Е. Моложениновымъ, и затѣмъ представить нѣкоторыя, отчасти гадательныя, вычисленія доходности тагаснаго снѣтковаго промысла, поскольку ловцы отъ него «сыти бывали».

Отчетъ Эксп. изсл. рыбол., изъ породъ рыбъ, населяющихъ озеро и имѣющихъ нынѣ значительное промышленное значеніе, — первое мѣсто отдаетъ снѣтку, «который», замѣчаетъ Отчетъ, «славится какъ своими природными качествами, именно бѣлизной и хорошимъ вкусомъ, такъ и тщательностью приготовленія сушеннаго»

То же первенствующее значеніе этой ничтожной рыбешкѣ принадлежало въ промышленности края и въ старое время. Съ одной стороны это доказывается сильнымъ, напряженнымъ развитіемъ тагаснаго промысла, направленнаго къ улову именно снѣтка, съ другой — документальными свѣдѣніями, что снѣтокъ и то, что называется теперь малекъ, сущъ,—«моль, сущъ» по старинѣ, т. е. мальки всякаго рода рыбы, попадавшіеся въ тагасы вмѣстѣ со снѣтками,—

составляли предметъ вывозной торговли Бѣлозерска въ Москву и другіе города, появляясь на ярмаркахъ въ Череповцѣ, Веси Егонской и др. Наѣздъ зимою купцовъ «иногородныхъ» вызывалъ здѣсь огромное поднятіе цѣнъ, «и идетъ тотъ снѣтокъ зимнего лову мерзлѣ въ отвозы къ Москвѣ и въ иные во многіе города», писалъ Моложениновъ въ своей запискѣ въ Москву, «и тотъ снѣтокъ мерзлой бываетъ дорогъ, потому что на него купцовъ бываетъ много, окромѣ бѣлозерцовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, изъ иныхъ городовъ и изъ уѣздовъ» ¹⁾.

Москва, правительство, кажется не знало бѣлоз. снѣтковъ до 60-хъ годовъ XVII вѣка, т. е. не знало и не признавало за ними того значенія, какое они имѣли въ торговлѣ. Было приведено свидѣтельство, что промысловое населеніе встрѣтило Моложенинова, назначеннаго (1661 г.) завѣдывать бѣлозерскими ловлями «Великаго Государя», споромъ о значеніи тагаснаго промысла, какъ предмета обложенія особымъ отъ «неводного» оброкомъ; и самъ Моложениновъ выражался еще въ то время объ этомъ промыслѣ «ловить мелкую рыбу».

До 1665 г. между рыбою, шедшею съ Бѣлоозера въ Москву «на Вел. Госуд. обиходъ» снѣтка не встрѣчаемъ. Однажды, въ ¹⁶⁷/₁₆₅₉ г., встрѣчается какая то попытка ознакомленія съ вопросомъ о снѣткѣ Стряпчаго Грекова, завѣдывавшаго въ то время рыбными ловлями. 13 января того года Грековъ послалъ память земскимъ старостамъ посада и рыбнымъ закупщикамъ посадскимъ людямъ «оцѣнить имъ тотчасъ на Государевъ обиходъ молю, почему купятъ осмину или четверть, да тое цѣновную принести за руками на Госуд. рыбн. дворъ» ²⁾. Каковъ былъ отвѣтъ посада, по какому поводу дѣлалась справка, и что изъ этого послѣдовало, неизвѣстно и, повидимому, до времени практическихъ послѣдствій не имѣла. Въ декабрѣ 1665 г. воевода Чаплинъ въ первый разъ посылаетъ въ Москву нѣсколько четвертей «молю свѣжего», т. е. мерзлаго; позднѣе названіе «моль» болѣе не встрѣчается, снѣтокъ уже называется всегда своимъ именемъ. Въ декабрѣ и январѣ Чаплинъ высылаетъ въ Москву 64 четверти снѣтку. ³⁾.

Весною того же года Чаплинъ дѣлаетъ опытъ сушенія, приготовленія «сухово снѣтку» для Москвы; купивъ «свѣжего» 16 четвертей «въ бѣлозерскую таможенную мѣру», 17 марта онъ отнесся памятью къ Земскимъ Старостамъ: «велѣтъ бы вамъ *встмз* бѣлозерскимъ посадскимъ людямъ на Вел. Государя обиходъ во *всякомъ*

¹⁾ Стр. 89.

²⁾ Стр. 428, Б. А.

³⁾ Пр.-расх. книги.

дворѣ въ печахъ по четверику молю изсушить стройно, а моль бы сырой, приходя, имали на Государевѣ рыбн. дворѣ, и изсуша, приносили на рыбный же дворъ». ¹⁾ Дѣлая это распоряженіе, облагая, какъ сказано, всѣхъ посадскихъ, Чаплинъ даетъ свѣдѣніе, что дѣло сушенья снѣтка было хорошо знакомо имъ, всѣмъ и каждому; любопытно при этомъ, что подобное обложеніе шло простымъ домашнимъ распоряженіемъ воеводы. Въ расход. книгѣ Рыбн. двора записана уплата посадскимъ за это сушенье денегъ, 3 руб., но въ слѣдующемъ году отмѣчено, что денегъ тѣхъ посадскіе не взяли, исполнивъ то «безденежно»; въ Апрѣлѣ сушеный снѣтокъ отправленъ былъ въ Москву «въ дранишнихъ коробахъ», крытыхъ рогожами «тому снѣтку на кровли»; подобная же сушка «безденежно», была повторена и въ слѣдующемъ году. Уваживъ велѣніе власти посадскіе не упустили при случаѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ (въ ¹⁸¹/₁₆₇₃ г.), поставить на видъ начальству свое великодушіе, объясняя накопившіяся за ними недоимки въ платежахъ разныхъ поборовъ тѣмъ, что «многую они работу работали» («снятки по печамъ сушили») безденежно. ²⁾

Около этого же времени появляются на Бѣлѣозерѣ Осташковцы Ивашко Слотинъ и Афонька Мига(и)евъ и Муромцы Лучка Полуэхтовъ и Игнашка Т(ч)агуновъ для ученья бѣлозерцевъ «пластовому строенью и молевому сушенью». Почему они тутъ появились, по почину ли правительства изъ Москвы, по настояніямъ ли Чаплина, не знаемъ, такъ какъ первоначальной о томъ переписки не встрѣтилось. Моложениновъ въ этомъ случаѣ, какъ потомъ и во многихъ другихъ, разошелся въ мнѣніи съ Чаплинымъ; онъ отрицалъ значеніе подобнаго распоряженія, понимая, что ученаго учить не приходится. По поводу отправленнаго въ Іюлѣ снѣтка сушенья бѣлозерцевъ и сушенья Осташковцевъ, а также и пластей рыбныхъ «для образца», Моложениновъ писалъ въ Москву: «и чаемъ, Государь, что бѣлозерцовъ посадскихъ людей снятковое сушенье противъ Осташковского сушенья будетъ лутчи, потому что песку въ томъ снятку будетъ мало», такъ какъ Осташковцы, сообщаетъ онъ, сушатъ моль «въ избныхъ же печахъ», какъ и бѣлозерцы, но «на песку». Ученье, кромѣ расходовъ на провозъ учителей сюда и обратно, стоило казнѣ изъ Бѣлозер. казны Рыбн. двора 16 руб., по 4 руб. на человѣка, что вызвало соотвѣтствующую статью въ расх. книгѣ «государева жалованья... (такимъ то) за ученіе бѣлозерцевъ рыбныхъ ловцовъ пластовому строенью и молевому су-

¹⁾ Стр. 627 Бѣл. А.

²⁾ Стр. 272.

пешню 16 руб.»;¹⁾ въ бумагахъ рыбн. двора сохранилась и росписка этихъ лицъ въ полученіи денегъ; отъ 28 Іюля 173 г. 31 Іюля учителя отпущены въ Москву съ бѣлозерцемъ Ондрюшкою Кобелевымъ, названнымъ въ отпискѣ «выборнымъ пластового строенія и снѣтковаго сущенія стройщикомъ»,—званіемъ никогда на Бѣлѣ-озерѣ на существовавшемъ и позднѣе не встрѣчающимся,—придуманная на этотъ случай фраза для почтенія этого Кобелева, конечно выбраннаго посадомъ.²⁾ Съ нимъ было послано въ Москву «для образца 67 пластей лещевыхъ, 10 пластей язовыхъ, 5 пластей судочныхъ, полосины снѣтку сухова». Этой отмѣткѣ Приход. расход. книгъ соотвѣтствуетъ въ бумагахъ рыбн. двора обрывокъ отписки, въ Москву: «а я холопъ твой, послалъ впредь для образца муромцевъ же и бѣлозерцовъ строенія 7 пластей судочныхъ», т. е. были доставлены въ Москву образцы премудрости въ этомъ дѣлѣ и тѣхъ и другихъ; Моложениновъ не могъ удержаться, чтобы еще разъ не умалить значенія непрошенныхъ учителей и въ запискѣ прибавилъ, что муромцы «сказали передо мною, холопомъ твоимъ, что де у насъ въ Муромѣ строятца пласти лещевые да язовые, а иные де никакой рыбы на пласти у нихъ не строятца»³⁾.

Какъ видно было изъ очерка оброковъ за тагасный промыселъ, Москвѣ снѣтокъ, въ особенности свѣжій, мерзлый, пришелся по вкусу, такъ какъ прямымъ слѣдствіемъ этихъ «опытныхъ» отправокъ Чаплина, было установленіе указомъ изъ Москвы, въ Сентябрѣ 174/1666 г. снѣтковаго оброка съ тагасныхъ промысловъ. Въ дальнѣйшей дѣятельности Чаплина видна особенная забота о его бездоимочномъ сборѣ, онъ же дѣлалъ хозяйственныя закупки въ запасъ, отмѣчая въ книгахъ «и всего на Вел. Государя обиходъ сухова печнова снѣтку по сей книгѣ въ припасѣ» столько то, заставлялъ «для опыту» ловить снѣтокъ, зачитывая работу въ счетъ не доплаченныхъ оброчныхъ денегъ и допустилъ даже въ число способовъ замѣны исполненія повинности погонной ловли въ р. Шекснѣ,—однодневною ловлею снѣтка «на Вел. Государя обиходъ».

Позднѣе встрѣчаемъ здѣсь закупки по указамъ изъ Москвы снѣтка, «на обиходъ Вел. Государя, ратнымъ людямъ на жалованье и на кормъ». ⁴⁾ Въ 195/1687 г. было куплено 130 чети «сухихъ снѣтковъ»,—«для посылки въ Бѣлгородъ» ратнымъ людямъ; въ 197/1689

¹⁾ Стр. 104 Б. А.

²⁾ Въ 197/1689 г. встрѣчаемъ этого Анд. Кобелева живущимъ въ Москвѣ, прїѣзжавшіе сюда бѣлозерцы обращались къ его посредничеству для продажи привозной рыбы. Стр. 40. Б. А.

³⁾ Стр. 104.

⁴⁾ Стр. 249.

г. въ Декабрѣ указано было купить, на тоже назначеніе, 200 четьи сухихъ снѣтковъ, въ ²⁰⁴/₁₆₉₆ г. въ Декабрѣ (13) «указали мы, Великіе Государи, для нынѣшней нашей Государской Азовской службы купить на Бѣлѣозерѣ и въ уѣздѣ» «на рыбныхъ ловляхъ и станехъ»,—«гдѣ пристойно», — «сухихъ снятковъ 100 четьи самыхъ добрыхъ и душистыхъ»,—и прислать въ Москву. ¹). Указъ ставилъ на видъ воеводѣ (И. А. Кушелеву), чтобы въ покупкѣ оныхъ, «поискалъ прибыли и показалъ радѣнье» Государямъ, чтобы снѣтки съ провозомъ и другими расходами «стали... дешевле прошлыхъ лѣтъ» въ противномъ же случаѣ и если окажется, что купцы «купаютъ дешевле», переданные воеводою противъ рыночной цѣны деньги будутъ «доправлены на тебѣ вдвое» и кромѣ того съ него же взыщется «пеня большая». Ассигновано было на покупку 250 руб. остаточные деньги велѣно прислать въ Москву. Въ указѣ встрѣчается характерное, согласное съ вѣтконкурентнымъ положеніемъ въ то время въ торговлѣ казны, распоряженіе: «а какъ тѣ снѣтки учнешь покупать и покажѣсть указное число снятковъ искуплено будетъ,—и бѣлозерцомъ посадскимъ и пріѣзжимъ всякимъ торговымъ людемъ перекупщикомъ и прасоламъ въ то время снятковъ на сторону продавать и себѣ покупать не велѣть, чтобъ отъ того на снѣтки лишней цѣны не накладывали».

Въ какую цѣну обходились казнѣ снѣтки,—по бумагамъ архива не видно, но имѣется основаніе сомнѣваться въ успѣшности подобныхъ операцій. ¹⁹¹/₁₆₈₃ г. 24 Октября, была послана грамота на Бѣлоозеро воеводѣ Румянцеву «съ ихъ Вел. Государей стану изъ Троицкаго Сергіева Монастыря» о покупкѣ на 300 руб. крупной рыбы и о доставкѣ «по первому зимнему пути»; пришелъ указъ на Бѣлоозеро почему то 6 Декабря («а гдѣ ваша Вел. Государей грамота умотчалась, того мнѣ, холопу вашему, невѣдомо», писалъ воевода потомъ въ Москву); Румянцевъ (21 декабря) снарядилъ двухъ цѣловальниковъ покупать «на Бѣлѣозерѣ на торгу и въ бѣлоз. уѣздѣ на рыбныхъ ловляхъ и на станехъ». Три недѣли они проѣздили и 9 Января подали скаску, что «нигдѣ купить не нашли» потому что ловцы этой зимой «ловили непромышленно» ²).

По поводу приведеннаго указа о покупкѣ снѣтковъ, встрѣчается въ архивѣ переписка о томъ, что «въ покупкѣ на бѣлѣозерѣ объ-

¹) Стр. 604 Б. А.

²) Указъ посланъ въ октябрѣ, пришелъ, когда поледенной ловъ неводами уже кончился, и торговцы уже успѣли его отправить на рынки,—у воеводы оставался безъ исполненія почти до праздниковъ Рождества;—посланные ищутъ купить въ теченіи праздниковъ и до Крещенья, 9-го января являются съ пустыми руками. Стр. 315 Б. А.

явилось малое число» сухихъ снѣтковъ, между тѣмъ какъ «въ-домо учинилось» воеводѣ что бѣлозерцы посадскіе и уѣздные многіе торговые люди съ сухими снятками съѣхали для продажи на Вескую ярманку (Весь Егонская), не объявля тѣхъ снятковъ на рыбномъ дворѣ» ¹⁾. Были посланы немедленно цѣловальникъ и площадной подъячій съ тѣмъ, чтобы «буди у кого въ той Егонской веси объявятца у бѣлоз. посадскихъ и бѣлоз. уѣзду всякихъ чиновъ у торговыхъ людей сухіе снятки и тѣ снятки велѣно записывать имянно у кого имяны и сколько мѣрою и какихъ чиновъ въ покупкѣ и въ продажѣ будетъ, и тому велѣно учинить записку» и привезти на рыб. дворъ. Результатъ сыску былъ тоже не блестящъ, «и на той ярмонкѣ» докладывали они воеводѣ, «сыскали сухихъ снятковъ коробъ, четвериковъ съ десять, Бѣлоз. уѣзду, Судскаго стану, Андопальской волости», у одного крестьянина, «а гдѣ онъ тотъ снятокъ купилъ, то онъ, Ивашка, намъ не сказалъ, а большіе того мы на той ярманкѣ снетку ни у кого не нашли». Нашли 10 четвериковъ у крестьянина Судскаго стана, населенію котораго не мыслимо было появляться на Бѣлѣозерѣ ни для покупокъ, ни для лова, по значительной его отдаленности отъ Бѣлаозера.

Отпустивъ въ Москву учителей съ образцами изготовленныхъ рыбъ, Чаплинъ и Моложениновъ писали въ Москву. Въ отпискѣ, покончивъ съ дѣловой стороной предмета, касавшейся посылаемой рыбы и сдѣланныхъ съ Осташковцами и Муромцами расчетовъ, Петръ Елисеѣвичъ Моложениновъ, «я, Петрушка», вошелъ въ обсужденіе предмета «о снѣтковомъ сушеніи и о пластовомъ строеніи» и поставилъ Москвѣ три вопроса, «что ты Велик. Госуд. укажешь»: 1. «кѣмъ тотъ снѣтокъ на сушеніе и въ которое время ловить» 2, «да и рыба на пласти кѣмъ ловить» и 3, «какая строить». Изъ приведенныхъ уже примѣровъ распорядительности П. Е. Моложенинова очевидно, что не ему было объ этомъ спрашивать Московскихъ дьяковъ и подъячихъ Приказа Большого Дворца, но этого требовалъ этикетъ, обычная форма. Предварительно постановки вопросовъ, Моложениновъ, въ запискѣ, излагая свои практическія соображенія по первому вопросу, самъ и предрѣшаетъ его; два послѣдніе онъ проходитъ молчаніемъ, считая, вѣроятно, вопросъ непрактичнымъ, такъ какъ на Бѣлѣозерѣ пластовое заготовленіе, по видимому, не имѣло характера мѣстнаго спеціально-распространеннаго промысла, «не повелось», конечно не безъ уважительныхъ къ тому причинъ. Продукты зимнихъ бѣлозерскихъ промысловъ обращались въ торговлѣ въ свѣжемъ, мерзломъ видѣ, — лѣтнихъ — въ

¹⁾ Стр. 407 Б. А.

солкѣ, такъ какъ соль, получавшаяся съ сѣвера (Каргополь), не была высокой цѣны.

Не зная почина возникновенія дѣла опытнаго ученія бѣлозерцовъ, не знаемъ и окончанія переписки объ этомъ, но практическихъ послѣдствій оно не имѣло никакихъ. Въ послѣдующее время не встрѣчаются ни отпуска пластей рыбныхъ въ Москву, ни какаго бы то ни было хозяйственнаго заготовленія «припасу» снѣтка «на обиходъ Вел. Государя», ни въ бытность Моложенинова воеводой на Бѣлозерѣ, ни при вторичномъ воеводствѣ тутъ И. О. Чаплина, продолжавшагося 4 года сряду, ни при другихъ воеводахъ. Дѣло осталось въ томъ видѣ, какъ было и прежде, догадываться можно, что тутъ необошлось вѣроятно безъ хлопотъ со стороны заинтересованнаго въ дѣлѣ торговаго міра, такъ какъ наложеніе правительственной руки на снѣтковый промыселъ чувствительно отозвалось бы въ частной торговлѣ и не только Бѣлозерска, но Москвы и «иныхъ многихъ городовъ». Изъ послѣдующаго изложенія, въ запискѣ Моложенинова, видно, что и онъ не упускалъ изъ виду этой стороны вопроса; рекомендуя правительству время «послѣдняго зимнего пути», т. е. самое глухое, наиболѣе выгоднымъ для хозяйственныхъ закупокъ снѣтка на сушеніе, онъ говорилъ «а бѣлозерцомъ посадскимъ и уѣзднымъ рыбнымъ ловцомъ и иныхъ городовъ и уѣздовъ торговымъ людямъ въ томъ зимнемъ мерзломъ снѣтку въ промыслахъ имъ будетъ прибыль же, а тѣсноты и запору имъ не будетъ».

Петръ Елисеѣвичъ Моложениновъ, въ запискѣ своей, сообщаетъ намъ свѣдѣнія: во 1, о времени производствъ лова снѣтка, 2, о способахъ приготовленія сушеннаго, знакомя и съ техникой этого дѣла, 3, о качествахъ рыбы улова разнаго времени года,—для выбора и полученія наилучшаго сорта въ сушеномъ видѣ, и въ 4-хъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ этимъ товаромъ.

Записка эта настолько любопытна по сообщаемымъ въ ней, въ весьма сжатомъ изложеніи, свѣдѣніямъ, что вполне умѣстно воспроизвести здѣсь ее дословно, не смотря на многія уже приведенныя выдержки и тѣмъ почтить память давно усопшаго и міру неизвѣстнаго достойнаго Бѣлозерскаго администратора. Приказъ самъ или по докладамъ Чаплина, недавно только пріѣхавшаго въ Бѣлозерскъ на воеводство, мало еще знакомаго съ дѣломъ, но весьма энергичнаго радѣтеля интересовъ казны, указалъ, не справляясь ни съ временемъ, когда дойдетъ посылаемый указъ, ни съ сущностью дѣла, ловить снѣтокъ въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцахъ, или, какъ обыкновенно писалось, «какъ ся наша грамота придетъ», такъ какъ Моложениновъ начинаетъ записку свою съ изложенія объ исполненіи именно этой стороны указа: (начала записки не сохранилось):

«...а посылалъ я, холопъ твой, Петрушка, снѣтку ловить тагасами, и въ уловѣ снѣтку нынѣ мало, потому что въ нынѣшнюю лѣтнюю пору, въ межень, снѣтку въ уловѣ въ бѣлѣозерѣ и въ рѣкахъ въ прежнихъ лѣтѣхъ и нынѣ не бываетъ.

А бываетъ ловъ снѣтку небольшой осенью, не во многіе дни, и то послѣ большихъ погодъ.

А весною, какъ ледъ скроетца, бываетъ ловъ снѣтку по полой водѣ въ норостъ за бѣлымъ озеромъ, на Ковской пристани, въ рѣкахъ въ Ковжѣ, въ Кемѣ и въ Куньюгѣ, въ кои годы снѣтокъ въ тѣ рѣки идетъ на норостъ изъ бѣлоозера, и того лову бываетъ день пять, а иной годъ недѣлю, а большіе 10 дней ни въ которые годы того вешнего снѣткового лову не бываетъ; а нынѣш. годъ того снѣткового лову всего было 3 дни, а иные годы и не бываетъ ¹⁾.

А зимою, Государь, снѣтку бываетъ (ловъ) въ бѣлѣозерѣ по лду тагасами, когда бѣлоозеро станетъ въ тихое время глатко, какъ придутъ ловцы съ бѣлоозера съ поледные ловли, съ Николина дни осенняго Декабря съ 6-го числа, до полые воды, а когда бѣлоозеро станетъ не глатко и тогда въ бѣлѣозерѣ снѣтокъ бываетъ въ уловѣ нужно и не больш..... (бумага попорчена, должно быть не большое мѣсто).

А идетъ тотъ снѣтокъ зимнего лову мерзлѣ вотвозы къ Москвѣ и выные во многіе города, до послѣдняго зимняго пути, и тотъ снѣтокъ мерзлой бываетъ дорогъ, потому что на него купцовъ бываетъ много, окромѣ бѣлозерцовъ посатцкихъ и уѣздныхъ людей, изъ иныхъ городовъ и изъ уѣздовъ, а купятъ того мерзлого снѣтку на бѣлѣозерѣ зимою четверть рубля въ полтора и въ два и большіе; и того мерзлого снѣтку на бѣлѣозерѣ для дороговли сушить нельзя потому что изъ мерзлого снѣтку изъ четверти, талаго бываетъ по осьминѣ и меньши, а сухово снѣтку бываетъ изъ четверти изъ мерзлаго же полосмины, или мало большіе, и только зимою снѣтокъ мерзлой сушить и тотъ снѣтокъ въ сушеніе будетъ дорогъ.

А достонть его сушить, будетъ ты Вел. Государь укажешь весной, въ великой постъ, по послѣдному зимнему пути, какъ ловъ бываетъ и какъ зимняя дорога порушитца и отвозу ему въ иные города и въ уѣзды не будетъ, и осенью когда ловъ бываетъ передъ заморозы.

И въ томъ снѣтковомъ сушеніе по послѣдному зимнему пути и въ осенне передъ заморозы, передъ зимнимъ сушеніемъ мерзлого

¹⁾ Въ Отч. Эксп. изсл. рыбол. Наростуетъ снѣтокъ, смотря по году, отъ Егорьева дни (23 апрѣля) до Николина дни (9 мая), ходъ продолжается отъ 10 до 14 дней, «но самое горячее время» лова «длится не болѣе трехъ ночей въ каждомъ мѣстѣ» на протяженіи 30 верстъ. Свѣдѣнія объ этомъ промыслѣ 17 вѣка будутъ приведены въ очеркѣ промысловъ по полой водѣ.

снѣтку тебѣ Вел. Государю прибыль будетъ не малая, а бѣлозерцомъ посадцкимъ и уѣзднымъ рыбнымъ ловцемъ и иныхъ городовъ и уѣздовъ торговымъ людямъ въ томъ зимнемъ мерзломъ снѣтку въ промыслехъ имъ будетъ прибыль же, а тѣсноты (это слово зачеркнуто) и запору имъ не будетъ.

А каковъ тотъ снятокъ зимнего послѣднего пути въ сушеніе и тотъ снятокъ послали мы, холопы твои, Иванъ Чаплинъ и я, Петрушка Моложениновъ, съ бѣлозера къ тебѣ Вел. Государю къ Москвѣ на передъ сего съ погонною живою рыбою апрѣля въ 25 день нынѣшн. 173 года.

А сушили тотъ снятокъ, по послѣднему зимнему пути, бѣлозерцы посадцкіе люди въ избныхъ своихъ печахъ, безъ песку, на соломе, а иные въ гладкихъ печахъ и безъ соломы,—а осташковцы, Государь, нынѣ мошь сушили вызбныхъ же печахъ на песку.

И чаемъ, Государь, что бѣлозерцевъ посад. людей снятковое сушеніе противъ осташковского сушенія будетъ лутчи, потому что песку въ томъ снятку будетъ мало.

А вешняго, Государь, сушенія снятокъ, что ловятъ за бѣлымъ озеромъ и на Ковской пристани весною, по полоѣ воде, и чаятъ, что на твой Вел. Государя обиходъ не пригодитца, потому что съ икрою и крупень, и въ сушеніе бываетъ жестокъ и не сладокъ.

А вялятъ ево прежь на лугахъ и послѣ сушатъ на овинахъ. И того снятку для испытанія, что вяленъ на лугахъ, а сушенъ въ печахъ, а не на овинахъ, послалъ я, холопъ твой, съ бѣлозерцемъ же (пустое мѣсто), а овинного сушенія снятокъ печного сушенія будетъ горяче».

О современномъ способѣ сушенія снѣтка на Бѣлозерѣ, Отч. Эксп. сообщаетъ кратко: ихъ сушатъ, какъ сущъ, въ печахъ или въ особо устроенныхъ для сего избахъ, или у себя по домамъ. Затѣмъ всѣ указанія Моложенинова, о достоинствахъ снѣтка того или другаго лова находятъ подтвержденія и въ Отчетѣ. (Стр. 23).

Снѣтокъ, какъ товаръ, въ торговлѣ былъ двухъ видовъ: свѣжій мерзлый—зимняго промысла, и сухой, сушеный промысловъ вешняго, осенняго, а также частью вѣроятно и зимняго, особенно времени «послѣдняго зимнего пути», когда, за отъѣздомъ иногородныхъ покупателей—торговцевъ, цѣны на свѣжій снѣтокъ падали.

Приход. расх. книги и другія бумаги Бѣлозер. рыбнаго двора сообщаютъ свѣдѣнія, во 1-хъ о снѣткѣ, собиравшемся въ видѣ obroka «на Вел. Государя обиходъ», о покупавшемся для того же назначенія и о продававшемся иногда съ рыбнаго двора, за излишествомъ, и во 2-хъ, немногочисленные свѣдѣнія о снѣткѣ, какъ предметѣ частной торговли.

Въ видѣ оброка снѣтокъ собирався съ ловцовъ тагаснаго промысла; въ случаяхъ покупокъ руководились рыночною «прямою прасольскою цѣною»; тою же цѣною руководились какъ при взятіи вмѣсто оброчнаго снѣтка, въ случаяхъ недоимокъ, деньгами, такъ и наоборотъ при взятіи снѣткомъ вмѣсто оброчныхъ денегъ; въ послѣднемъ случаѣ иногда и нѣсколько дешевле; также точно и въ случаяхъ продажи съ рыбн. двора снѣтка излишняго, не требовавшагося на этотъ разъ «на Вел. Государя обиходъ». Всѣ подобные случаи встрѣчаются по книгамъ рыбн. двора, и при этомъ какъ продажа, такъ и расчеты по недоимкамъ дѣлаются по одной и той же цѣнѣ.

Частная торговля снѣткомъ въ XVII вѣкѣ имѣла, повидимому, весьма значительное развитіе и конечно ранняго времени болѣе, чѣмъ позднѣйшаго, когда агенты правительства обратили его вниманіе на выгодную отрасль бѣлозер. рыбныхъ промысловъ, что естественно влекло за собою «тѣсноту и запоръ» частной предпріимчивости. Уже было указано о наѣздѣ сюда по зимамъ иногороднихъ купцовъ, что вызывало «дороговъ» этого товара, такъ какъ и бѣлозерцы посадскіе сами вели значительную торговлю, отправляя транспорты въ Москву и по ярмаркамъ. Около Кирилова Монастыря (въ 1676 г.) «зимнимъ временемъ, по воскреснымъ днямъ, бѣлозерцы посад. люди и бѣлоз. уѣзду околосерніе рыбные ловцы съ рыбою и снѣткомъ и съ ершами... приѣзжаютъ и привозятъ по большому мѣсту, продаютъ въ рознь крестьянамъ, которые живутъ около Кирил. Монастыря вблизи и монаст. служебникомъ...» ¹⁾. Въ торговлѣ встрѣчаемъ, кромѣ продажи вольной въ рядахъ, на пристаняхъ и становищахъ (на озерѣ), еще и подрядную форму: «въ нынѣш. во ¹⁸⁶/₁₆₇₈ г. Генваря въ 5 день, ввечеру, сторговалъ де у него, Кирила, ево, Маркеловъ, товарищъ Иванъ Тонково снятку» (Марк. Щаниковъ говорилъ: «торжишко Государь у меня сироты твоего съ нимъ Иваномъ Тонково вмѣстѣ»), — «и копить де было ему, Кирилу, снятку, что Богъ пошлетъ въ уловѣ Генваря жъ по 10-е число», — «и какъ де тотъ снятокъ замерзнетъ и онъ де Кирило, ему снятокъ станетъ и мѣрять, а нынѣ онъ того снятку мѣрить не станетъ, потому что де талъ» ²⁾. Другой примѣръ имѣемъ въ челобитной тоже посадскаго на крестьянина дер. Нова, Кирила Ильина. Посадскій купилъ и «редилъ» у товарища, Кирила, имя «запамятовалъ», 28 Декабря пятидневный уловъ снѣтка, «ловить» и «мнѣ... отдать Генваря во 2 день» ³⁾; посадскій бьетъ челомъ на

¹⁾ Д. А. И. VII, 26.

²⁾ стр. 409.

³⁾ стр. 548 Б. Акт.

Кирила, а не на товарища, — о неисполненіи договора, «Кирила и товарищи ево», т. е. товарищество-тагасъ, — «снятка не миряетъ» и не отдаетъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ цѣна товару опредѣлялась впередъ. Въ первомъ видимъ дачу задатка, (хотя тутъ и было обвиненіе въ обманномъ взятіи задатка, такъ какъ Тонково говорилъ, что торговался но «недоторговалъ и разшелся» и за деньгами къ Щанникову не посылалъ, — но это только доказываетъ, что выдача задатковъ практиковалась, была въ обычаѣ), — величина котораго опредѣлялась сообразно предполагаемому улову: «сколько де того снятку чаешь будетъ» ¹⁾.

Товаръ въ продажѣ (оптовой) былъ не вѣсомъ, а мѣрою; на рыбномъ дворѣ принимаютъ и продаютъ снятокъ на четверти или чети, осмины, полосмины и четверики. Мѣра «четь» или четверть имѣла свои дробныя части, т. е. двѣ осмины, 8 четвериковъ; выловленные двѣ четверти снятку были сушены и «въ выходѣ» оказалось: «четверть три четверика, а пять четвериковъ въ усушкѣ».. Въ приведенныхъ случаяхъ торговыхъ сдѣлокъ по рядѣ, договаривались на «бочку въ бѣлозер. мѣру». Изъ нижеприводимыхъ разцѣнокъ снятка можно догадываться, что эта «бочка» бѣлозерская равнялась двумъ четвертямъ старой бѣлозер. мѣры, четыремъ московской. «Бѣлозерской таможенной мѣры» четверть, до 1681 г. была иная отъ Московской, вдвое болѣе послѣдней. Однажды (безъ года, но времени Царя Ѳед. Алекс.) было отпущено въ Москву съ рыбн. двора «сухихъ снятковъ 15 чети въ бѣлоз. таможенную мѣру, а въ Московскую 30 чети» ²⁾; кромѣ того еще одно свидѣтельство; обвинялся нѣкто въ распусканіи ложныхъ слуховъ, будто на бѣлозерѣ, вслѣдствіи мора на людей, хлѣбъ купятъ дешевою цѣною «по 4 алтына старый бѣлозерскій четверикъ, что слыветъ полуосминникъ» ³⁾. Въ 1681 г. были присланы на бѣлоозеро «заорленные мѣры», установленныхъ однообразныхъ ихъ величинъ; годомъ ранѣе воевода Загряжскій, отпустивъ рыбу, вмѣстѣ съ тѣмъ «послалъ въ Приказъ Большаго Дворца... мѣру заорленную подписавъ, въ которую приниманы нынѣ у

¹⁾ Кирило показывалъ: «а сторговавъ де тотъ снятокъ того же вечера, противъ крещенья, послалъ ево... онъ, Иванъ, къ товарищу своему, къ нему М. Щанникову и велѣлъ де взять денегъ у него, Маркела, на задатокъ 3 рубли, а и то де ему.. онъ, Ив., говорилъ, сколько де того снятку чаешь будетъ, столько де на тотъ снятокъ и денегъ возми».. «а обманомъ де... денегъ не имывалъ». Получивъ 3 руб., Кирило «роздѣлилъ» товарищемъ своимъ по тагасу, какъ приведено выше.

²⁾ Стр. 189.

³⁾ Стр. 30. Б. А. Изъ Кирилова Мон. отпускалось въ Горицкій «по четверику осминному маку и пшена...» Корм. Кн. Кир. Мря. Зап. Археол. об. 1851 г. I, 89.

рыбныхъ ловцовъ на бѣлѣозерѣ на рыбн. дворѣ снѣтки, а другую такову жъ мѣру заорленную, подписавъ, оставилъ я, холопъ твой, на бѣлѣозерѣ на рыбномъ дворѣ для предняго снѣткового приему» ¹⁾). Способовъ измѣренія товара было два: «подъ гребло» и «съ верхи»; по поводу пустой недостачи противъ росписи въ присланномъ съ бѣлаозера снѣткѣ, изъ Москвы поставляли на видъ воеводѣ, что въ росписи не указано, какъ былъ отпущенъ снѣтокъ: «съ верхиль или подъ гребло на бѣлѣозерѣ мѣряны» ²⁾). Позднѣе въ отпускахъ снѣтка встрѣчаемъ отмѣтки; «снѣтковъ мерзлыхъ въ мѣру бѣлозер. рыбного двора, 24 чети подъ гребло» ³⁾).

Къ сожалѣнію въ арх. бумагахъ не встрѣтилось указаній на вѣсъ мѣры снѣтковъ ни свѣжихъ, ни сухихъ. Когда въ ²⁰⁴/₁₆₉₆ г. было поручено изъ Москвы купить 100 четв. сухихъ снѣтковъ, въ то же время было велѣно «и тѣ снѣтки устроить *въ четвертные кули* и, привѣся на таможенный вѣсъ, отпустить къ Москвѣ» ⁴⁾); данныхъ этого взвѣшиванія въ бумагахъ не нашлось; такъ что вѣсъ снѣтковой мѣры остается пока неизвѣстнымъ. Для приблизительнаго его опредѣленія могутъ служить свѣдѣнія о величинахъ поклажи товара на подводы, при отправкахъ въ Москву.

Сушеный снѣтокъ шелъ въ Москву въ «дранишнихъ коробахъ», обшитыхъ рогожами. Емкости коробовъ, которые могли быть и различной величины, имѣются слѣдующія указанія:

Въ 174 г. было послано 64 четв., 5 четвер. въ Бѣлоз. там. мѣру въ 28 коробахъ.

Того же года было послано 12 четв. въ Бѣл. там. мѣру въ 6 короб.

Въ 186 г. было послано 15 четв. въ Бѣл. там. мѣру въ 8 короб.

Въ 188 г. было послано 13 четв. въ Московскую мѣру въ 4 коробахъ ⁵⁾).

Сушеный снѣтокъ въ коробахъ, въ большинствѣ случаевъ, отправлялся въ Москву по полой водѣ, водянымъ путемъ, вмѣстѣ съ другою рыбою; но случалось, что отпускался и зимой, на подводахъ: въ ¹⁸⁹/₁₆₈₁ г. на одинъ возъ положено 2 четв. 3 четверика, (бѣлоз. рыбн. двора мѣру) ⁶⁾); въ отпискѣ ¹⁹⁷/₁₆₈₉ г. сообщалось Москвѣ, что въ ¹⁹⁵/₁₆₈₇ г., при отправкѣ снѣтка, «кладено на подводѣ сухихъ снѣтковъ по 5 чети въ Московскую мѣру» т. е. немного болѣе, чѣмъ вдвое ⁷⁾).

¹⁾ Стр. 537.

²⁾ Стр. 612 Б. Акт.

³⁾ Стр. 531.

⁴⁾ Стр. 407.

⁵⁾ Стр. 230, 612, 67 и 75

⁶⁾ Стр. 537.

⁷⁾ Стр. 249.

Мерзлый, свѣжій снѣтокъ обыкновенно отпускался въ куляхъ; отпускъ мерзлаго снѣтка имѣются слѣдующія цифры ¹⁾:

1665 г.	32 ¹ / ₂	чети	Бѣлоз. тамож.	мѣры на 12 возахъ,	слѣд. на возу	2 ч. 7 четвер.
1665 »	12	»	»	»	ид. » 4 »	» » » 3 »
1666 »	6	»	»	»	» » 2 »	» » » 3 »
1667 »	2	»	»	»	» » 1 »	» » » 2 »
1667 »	22 ¹ / ₂	»	»	»	» » 10 »	» » » 2 » 2 »
1668 »	24	»	»	»	» » 12 »	» » » 2 »
1680 »	4	»	Моск. мѣры	»	» 1 »	» » » 4 »
1680 »	8	»	»	»	» 2 »	» » » 4 »
1681 »	2	»	Бѣл. рыбн. двора мѣры	»	» 1 »	» » » 2 »
1681 »	24	»	»	»	» 12 »	» » » 2 »

Имѣются два свидѣтельства, что съ Ковскаго озера уловную рыбу («ряпусъ») возили въ Бѣлозерскъ и отсюда въ Москву по 15 пуд. на возу ²⁾. Отч. Эксп., опредѣляя вѣсъ современнаго четверика малька мутниковаго лову, въ 12 фунтовъ, — величинъ вѣса мѣры мерзлаго снѣтка не приводитъ.

Цѣнности свѣжихъ снѣтковъ въ прих.-расх. книгахъ рыбн. двора имѣются слѣдующія указанія:

¹⁷³/₁₆₆₅ г. въ Мартѣ куплено 16 ч. Бѣлоз. тамож. мѣры. Дано 17 р. 30 алт. за четь 1 р. 4 алт. «весенній свѣжей».

¹⁷⁴/₁₆₆₆ г. куплено 42 ч. Бѣлоз. тамож. мѣры. Дано 38 р. 11 алт. 2 деньги, за четь 30 алт. 2⁴/₇ деньги.

174 г. продано 56 ч. Бѣлоз. тамож. мѣры за 39 р., за четь 23 алт. 1¹/₄ деньги.

174 г. взято деньгами за 33 ч. Бѣлоз. там. мѣры 24 р. 25 алт., за четь 25 алт., за оброчный снѣтокъ.

¹⁷⁵/₁₆₆₇ г. продано 29 ч. Бѣлоз. там. мѣры 31 р. 30 алт., за четь 1 р. 3 алт. 2 деньги.

¹⁷⁵/₁₆₆₇ г. взято деньгами за 46¹/₂ Бѣлоз. там. мѣры 51 р. 5 алт., за четь 1 р. 3 алт. 2 деньги.

Въ смѣтѣ годоваго прихода ¹⁷³/₁₆₆₅ г. Моложениновъ писалъ: «положить снѣтокъ (оброчный) цѣною за всякую четверть, почему въ томъ году рыбные ловцы продавали по 21 алт. за четь».

Цѣнъ частной покупки торговцами отъ рыб. ловцовъ имѣются слѣдующіе примѣры:

Въ ¹⁸⁶/₁₆₇₈ г. «ряжена» бочка «въ бѣлозер. мѣру» по 1 р. 13 алт. 2 деньги.

Въ ¹⁸²/₁₆₇₄ г. «ряжена» — «въ бѣлозер. мѣру» по 43 алт. 2 д.

¹⁾ Стр. 569, 66, 537, 531. Бѣл. Акт.

²⁾ Стр. 158, 230.

т. е. по 1 р. 10 алт. ¹⁾. Въ первомъ случаѣ 23 алт. 2 ден. четверть, во второмъ—21 алт. 4 ден. Бѣлоз. мѣры ²⁾.

Въ Книгѣ Троицкаго (Шехон.) монастыря записано: куплено «полосмины молю»—5 алт. 2 ден. т. е. четверть 21 алт. 2 деньги.

Попадаетъ еще одна записка, безъ начала и конца, видимо черновая и домашняя рыбнаго двора, въ которой цѣнность четверика снѣтка въ расчетахъ принята въ 2 алт. 3 деньги,—четверть въ 20 алт. «тѣ снѣтки шли на рыбной дворъ Василью Горину дать за 2 чети 40 алт., Борису Мунгину за 7 четвериковъ 17 алт. 3 деньги... да на Иванѣ Тимоховѣ (подъячій рыбн. двора) за четверть съ четверикомъ, которые шли на домъ къ Тимоховымъ, 22 алт. 3 деньги; на Иванѣ Тимоховѣ жъ за 7 чети съ осминою снѣтковъ»... ³⁾.

Цѣны снѣтка сушеннаго:

¹⁷⁴/₁₆₆₆ г. куплено 46 чети въ Бѣлоз. мѣру, дано 73 р. 20 алт., за четь 1 р. 20 алт.

¹⁷⁴/₁₆₆₆ г. куплено 31 чети 5 четвериковъ въ Бѣлоз. мѣру, дано 48 р. 14 алт., за четь 1 р. 17 алт. 2 деньги.

¹⁸⁶/₁₆₇₈ г. куплено 15 чети въ Бѣлоз. мѣру, дано 18 р., за четь 1 р. 6 алт. 4 деньги ⁴⁾.

Однажды, въ ¹⁸⁸/₁₆₈₀ г., за недоимочныя оброчныя деньги было взято лѣтомъ у ловцовъ 13 четвертей сушеннаго снѣтка, въ московскую мѣру, за 5 руб. 22 алт., т. е. по 14 алт. 3 деньги четверть, или по 29 алт. въ бѣлозерскую мѣру. Сравнительно дешевая цѣна вѣроятно должна быть объяснена тѣмъ, что взято въ погашеніе оброчной недоимки или что снѣтки худшаго качества.

Относительно усышки въ мѣрѣ, при сушеніи мерзлаго снѣтка, имѣются слѣдующія указанія:

¹⁷³/₁₆₆₅ г. изъ 16 четвертей, въ выходѣ 12 чети. Слѣд. изъ чети — 6 четвериковъ.

¹⁷⁴/₁₆₆₆ г. изъ 42 четвертей, въ выходѣ 31 чети 5 четверик. изъ чети — 6 четвериковъ.

¹⁷⁴/₁₆₆₆ г. изъ 2 четвертей, въ выходѣ 1 четв. 3 четверика изъ чети $5\frac{1}{2}$ четвериковъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ бѣлозерской мѣры, усышка почти одинакова; но въ приведенной запискѣ Моложенинова, этого же

¹⁾ Стр. 409.

²⁾ Стр. 548.

³⁾ Стр. 213. Б. А. Количество тутъ указанное, шедшаго Ивану Тимохову снѣтка, даетъ намекъ на то, что подъячій рыбнаго двора могъ принимать участіе въ торговлѣ этимъ товаромъ.

⁴⁾ Стр. 230. Бѣл. Акт.

времени, свидѣтельствуется, что изъ четверти «мерзлаго» выходитъ сухаго 2 четверика «или мало больши». Въ разъясненіе кажущагося противорѣчія возможно предположить, что въ запискѣ рѣчь идетъ о четверти другой мѣры. Моложениновъ для Москвы, могъ сообщать свѣдѣнія, примѣняясь къ московской мѣрѣ, чтобы сдѣлать изложеніе Приказу болѣе понятнымъ и точнымъ; тогда видимое разнорѣчіе устраняется и показанія почти сходятся. Не большая, всетаки остающаяся, разница могла зависѣть и отъ менѣ тщательнаго сушенія, чѣмъ предполагалъ бы то дѣлать для Дворца Моложениновъ, и отъ сорта товара.

О зимнемъ дневномъ уловѣ снѣтка, (по ночамъ тагасомъ не ловили), XVII вѣка, имѣемъ свидѣтельство въ книгахъ рыбнаго двора: въ 1666 г. два товарищества Киснемской волости, вмѣсто явки на погонную ловлю, «двѣмя тагасами ловили рыбу снѣтокъ въ бѣлѣозерѣ, зимою, для опыту, на Вел. Государя обиходъ, одинъ день, и въ уловѣ снѣтку двѣ четверти». — Если «на обиходъ Вел. Государя», начальству уловъ дня показанъ равнявшимся четверти на тагасъ, ни больше, ни меньше, — то, безъ большой натяжки, въ ловляхъ «на себя», возможно допустить дневной уловъ тагаса нѣсколько большимъ, хотя бы равнымъ 10 четверикамъ. Припоминая же, что четверть бѣлѣозерская была двойная противъ московской, — въ то время едва ли не равной современной, нынѣшней по объему ¹⁾, уловъ дня тагаса опредѣлится отъ двухъ до двухъ съ половиной четвертей современной мѣры. Приведенные 2 примѣра подрядной запродажи улова нѣсколькихъ дней (около 5), при чемъ, «а и то де ему, онъ, Иванъ, говорилъ, — сколько де того снятку чаешь будетъ, столько де на тотъ снятокъ и денегъ возьми», — соображаясь съ каковыми рѣчами договорившійся ватаманъ товарищества взялъ лишь 3 руб., — свидѣствуетъ, что и его чаянія улова этихъ дней близились къ выведенной величинѣ дневнаго улова ²⁾.

Принимая эту вѣроятную величину дневнаго улова и зная число промышлявшихъ на озерѣ зимою тагасовъ (отъ 60 до 100 «охо-

¹⁾ Ключевскій «Русс. рубль XVI — XVIII в.»

Сравнительныхъ выводовъ съ современнымъ способомъ приготовленія сухаго снѣтка и суща, (опредѣленія % усышки) дѣлать нельзя, такъ какъ въ Отч. Эксп. нѣтъ положительныхъ указаній: ни вѣса мѣры «мерзлаго» снѣтка (есть «сыраго» малька стр. 29), ни % усышки при сушеніи «мерзлаго» (есть указанія выхода изъ «свѣжего», но не мерзлаго стр. 25, 56, 178). — Въ этомъ очеркѣ, въ свою очередь, нѣтъ свѣдѣнія о вѣсѣ мѣры снѣтка въ XVII вѣкѣ.

²⁾ Величинъ современнаго зимняго дневнаго улова тугасомъ Отч. Эксп. свѣдѣній не сообщаетъ; общіе выводы о бѣлѣозерскихъ уловахъ дѣлаются приблизительно, изъ расчетовъ средняго заработка, причитающагося на пай въ тугасѣ. (стр. 34).

чихъ ловцовъ», прибавивъ 15 монастырскихъ и неизвѣстное число усть-шехонскихъ селеній), оказывается возможнымъ приблизительно исчислить количество всего зимняго улова снѣтка въ бѣлозерѣ и затѣмъ, при извѣстности цѣны на этотъ товаръ, опредѣлить и общую сумму его цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степень доходности бѣлозерскаго тагаснаго промысла въ XVII вѣкѣ.

Тагасный ловъ, какъ приведено, бывалъ и въ ноябрѣ и въ великій постъ, въ мартѣ, а можетъ быть и въ апрѣлѣ, т. е. производился въ періодъ времени отъ 4 до 5 мѣсяцевъ; и производился при томъ напряженно «безпрестанно» ¹⁾; полагая въ мѣсяцѣ отъ 20 — 25 рабочихъ дней, такъ какъ въ воскресные дни и «въ дни Государскихъ ангеловъ», работы не производились, (были воспрещены), и отчисливъ сколько нибудь на «великія снѣжныя погоды», не допускавшія возможности выхода на промыслы, будемъ имѣть около 100 зимнихъ рабочихъ дней тагаснаго промысла, можно принять и всѣ 100, какъ считаетъ и Отчетъ Эксп. для неводнаго лова на Лекшмозерѣ (стр. 58).

Если затѣмъ примемъ, что каждый тагасъ уловить въ день только по четверти, «въ бѣлозерскую мѣру», — то зимній уловъ одного тагаса будетъ равняться 100 четвертямъ, и слѣдовательно общій уловъ всего тагаснаго промысла, всѣхъ промышлявшихъ тагасныхъ товариществъ, будетъ отъ 8 до 12 тысячъ четвертей, старей бѣлозерской мѣры, т. е. отъ 15 до 25 тысячъ четвертей московской мѣры, — конечно при благопріятныхъ атмосферическихъ для промысла условіяхъ.

Оцѣнивая четверть «бѣлозерской мѣры» по средней торговой «прасольской» цѣнѣ мерзлаго снѣтка «почему рыбные ловцы продавали», — въ 30 алтынъ четверть, — общая цѣнность улова тагаснаго промысла будетъ равняться суммѣ отъ 7 до 10 тысячъ руб. того времени, и слѣдовательно рублей отъ 70 до 100 на каждое тагасное товарищество, отъ 3 руб. съ полтиною до 5 руб., на «жеребей», считая въ тагасѣ, среднимъ числомъ, 20 товарищескихъ жеребьевъ ²⁾.

¹⁾ Въ одномъ процессѣ по поводу боя между тагаснымъ товариществомъ посадскихъ и товариществомъ помѣщика Резанова, посадскій говорилъ: «ищетъ де онъ на немъ Гришкѣ крестьянъ своихъ пролежку и безпромыслицы, а тѣ де крестьяне ни одново дни не прогуливали, ловятъ безпрестанно». Помѣщикъ возражалъ, что побитые лежатъ «увѣчны», а ловятъ другіе его крестьяне. Стр. 407. Б. А.

²⁾ Значеніе этихъ цифръ по отношенію къ современной цѣнности опредѣляется сравнительною цѣнностью того времени на хлѣбъ; изъ многихъ свидѣтельствъ, которыя будутъ приведены въ другомъ очеркѣ, видно, что цѣна мерзлаго снѣтка соотвѣтствовала выше (въ полтора раза) цѣнности овса; сухаго, цѣнности ржи.

Выведенныя такимъ образомъ, болѣе или менѣе гадательныя, цифры улова снѣтка количествомъ въ мѣрахъ и цѣнностью, слѣдуетъ предполагать сдѣланными довольно низкими, и въ дѣйствительности доходность промысла должна была быть вѣроятно значительнѣе. Моложениновъ, въ запискѣ, писалъ: «и тотъ снѣтокъ мерзлый бываетъ дорогъ, потому что на него купцовъ бываетъ много.... а купятъ того мерзлаго снѣтку на Бѣлѣозерѣ зимою четверть рубля въ полтора и въ два и больши»,—въ сдѣланномъ же расчетѣ оцѣнка принята менѣе даже рубля.

Въ настоящее время, при значительно меньшемъ числѣ тугасовъ, какъ о томъ приведено выше, (хотя современные и большіе повидимому размѣровъ, чѣмъ были тагасы въ XVII вѣкѣ)¹⁾, среднее количество ежегодно добываемыхъ въ Бѣлѣозерѣ зимнихъ снѣтковъ, опредѣляется Отчетомъ Экспед. изслѣд. рыбол. въ 36 тысячъ пудовъ, цѣнностью на 54 тысячи рублей²⁾. Весенніе и осенніе уловы снѣтка возвышаютъ эту цифру, уменьшенную до 20 тысячъ, вслѣдствіе сортировки улова отъ смѣшаннаго со снѣткомъ малька другихъ породъ рыбъ,—до 30—40 тысячъ пудовъ чистаго снѣтка. «Весенній, лѣтній и осенній ловы не составляютъ вмѣстѣ столько, сколько одинъ зимній» прибавляетъ Отч. (стр. 35).

Вычисленія улововъ XVII вѣка дальше, т. е. относительно улова снѣтка въ другое время года, идти не могутъ, за неимѣніемъ къ тому данныхъ. Если бы и принять имѣющіяся нѣкоторыя цифры весенняго «саковаго» лова снѣтка въ рѣкахъ, впадающихъ въ озеро въ С. З. его углу, тѣмъ не менѣе, при не особенно значительномъ развитіи этого промысла въ то время, по крайней мѣрѣ какъ то узнаемъ изъ оффиціального источника, Прих. расх. книгъ рыбнаго двора,—осенняго же снѣтковаго промысла цифръ и вовсе не имѣется, итоги того и другого промысловъ точно также, какъ указываетъ и Отч. Эксп., не должны составить крупнаго прибавленія къ сдѣланному выводу.

¹⁾ Число современныхъ тугасовъ, собственно говоря, должно быть увеличено еще цифрами распространившагося здѣсь новаго вида промысла «мутниками», преслѣдующаго всякаго рода мелкую рыбу, мальковъ, (преимущественно ершей) въ томъ числѣ и снѣтковъ,—но цифръ какъ промышляющихъ мутниковъ, такъ и улова ими, «такъ какъ нѣтъ данныхъ» о томъ Отч. Эксп. не сообщаетъ. (стр. 29).

²⁾ Если принять вѣсь четверика снѣтка въ 12 ф., какъ указано въ Отчетѣ Эксп. для вѣса малька мутниковаго лова,—то вѣсь улова 17 вѣка почти равенъ вѣсу улова нынѣшняго. Средній уловъ 20 т. четвер. москов. мѣры составитъ вѣсь 48,000 пуд. (отъ 36,000 до 60 т. пуд.).

Мелкіе зимніе промыслы на Бѣлѣозерѣ.

Кромѣ неводного промысла обоихъ видовъ, т. е. рѣдкими неводами и частыми «что словутъ тагасы», зимою имѣли мѣсто еще слѣдующіе виды рыбныхъ промысловъ. «Охочіе рыбные ловцы» ловили въ *озеръ*: «керешками переметными»; «керешками крючными» или «крюшными»; «баграми» и въ *рѣкахъ* «вершами».

Съ первополенной ставки, одновременно съ неводами, начинался ловъ «керешками», переметными и крючными, и, подъ названіемъ «осене-зимняго», иногда же и «зимняго», продолжался до 2 февраля.

Со 2-го февраля «съ Стрѣтеньева дни Господня» начиналось «багренье» налима и продолжались ловли тою и другою керешками, но уже какъ новые виды промысловъ, обложенные особымъ оброкомъ. Въ отличіе отъ лова до сказаннаго срока, ловъ этими орудіями послѣ 2 Февраля назывался «весеннимъ».

Ловли «вершами» въ рѣкахъ «зимнія» производились съ осени во всю зиму и до половодья.

Эти виды зимнихъ промысловъ въ виду обложенія ихъ незначительными оброками, производства отдѣльными личностями, или много если самъ-другъ, а также и по небольшой распространенности такого напр. промысла, какъ переметами,—не требовали тѣхъ распоряженій и заботъ со стороны приказа, (т. е. начальства рыбнаго двора), какими обставлялись уже очерченные неводные промыслы. Промышленники не обязывались являться и записываться, кромѣ быть можетъ посада; контроль «для подлинной вѣдомости», чтобы никто не прошелъ «въ избылыхъ», и сборъ оброковъ поручались спеціально командировавшимся съ рыбнаго двора агентамъ по отдѣльнымъ промысламъ, въ лицѣ подъячихъ, цѣловальниковъ, иногда и просто стрѣльцовъ или солдатъ, состоявшихъ при рыбн. дворѣ въ должности «розсылщиковъ». Въ наказныхъ памятяхъ, по предметамъ командировокъ, указывалось этимъ лицамъ: «ѣхать во всѣ кругозерные села и волости, въ помѣстья и вотчины, и въ монастыр. вотчины, да тѣхъ селѣхъ и волостѣхъ переписать въ правду по святой непорочной евангильской заповѣди Господни еже ей ей», или «взять скаски за руками старость и крестьянъ», (иногда «выборныхъ»), или «за поповыми руками», или же «допросить всѣхъ деревень» извѣстной волости «старость и крестьянъ» по заповѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ взять и сказки о томъ, «кто имяны и чье крестьяне, рыбные ловцы, ловятъ рыбу въ Бѣлѣозерѣ» тѣмъ или другимъ орудіемъ лова и въ какое время. «А переписавъ тѣхъ рыбныхъ ловцовъ имяны и ловецкіе ихъ снасти, собрать съ нихъ оброчныхъ денегъ», «безъ недобору»; указывалась величина оброка, слѣдовав-

шаго съ того или другаго промысла. Собравъ оброки, повелѣвалось «учинить тому роспись, да та роспись и оброчные деньги и рыба привести на Бѣлоозеро, роспись подать и оброчные деньги и рыбу объявить на рыбномъ дворѣ воеводѣ» ¹⁾. Затѣмъ въ памятяхъ прописывалась обычная острастка въ видахъ обезпеченія неупущенія интересовъ «Вел. Государя»,—«и буде они рыбные ловцы стануть ловецкіе свои керешки таить», или «писать съ убавкою», «хотя въ оброчныхъ деньгахъ и въ оброчной рыбѣ, протти въ избылыхъ, тѣми оброчными деньгами и рыбою покорыстуютца и на тѣхъ рыб. ловцахъ пеня Вел. Государя»—«а пени что Вел. Государь укажетъ». Пеня и «жестокое наказаніе безъ пощады» сулятся и давшимъ скаски старостамъ и крестьянамъ «буде про ловцовъ не скажутъ или скажутъ да не по правдѣ», «ложно»; тоже обѣщано и посланцу, если онъ въ перепискѣ или въ сборѣ оброковъ «кому понаровить», или «тѣми деньгами покорыстуетца». Бездоимочный сборъ оброковъ обезпечивался отвѣтственностью въ томъ посланнаго «и та рыба и деньги доправлены будутъ на нихъ посыльщикахъ». Но все это только на бумагѣ писалось, по заведенной формѣ, въ дѣйствительности же конечно безъ недоимокъ не обходилось, онѣ записывались въ книги «а на комъ донять и то подъ ихъ статьями подписано», иногда брались росписки «памяти». Проѣздъ агентовъ возлагался на то же ловецкое населеніе, «подводы имать безъ прогоновъ отъ села и до села, отъ деревни до деревни», у ловцовъ соотвѣтствующаго промысла «которые рыбу ловятъ керешками», «которые ловятъ вершами».—Исполнивъ порученіе, посланецъ возвращался въ городъ и подавалъ воеводѣ или свою скаску, т. е. словесный докладъ «сказалъ», или представлялъ «скаски» старость, цѣловальниковъ и крестьянъ отдѣльныхъ селеній, за ихъ руками, о томъ, кто охочіе рыбн. ловцы въ текущемъ году ловятъ «на себя» такими-то орудіями лова, «а хто имяны рыб. ловцы и что съ нихъ взято оброку и тому подъ сею скаскою роспись» ²⁾.

Случаевъ ослушанія со стороны населенія этимъ наказнымъ памятямъ и нарушеній всякихъ распорядковъ встрѣчается въ бумагахъ Рыбн. двора весьма немного, но всякое ослушаніе влекло за собою и дѣлопроизводство. Въ ¹⁷³/₁₆₆₅ г. староста и крестьяне монастырскаго с. Вашкея, почему то не дали цѣловальнику заручной скаски «про багорную ловлю» и отказали въ подводѣ до с. Липина Борку, чѣмъ «учинили мотчанье»,—«Вел. Государя дѣлу»; туда былъ посланъ приставъ, велѣно было дать на поруки старосту и крестьянъ села,

¹⁾ Стр. 60, 147, 391, 624. А. Б.

²⁾ Стр. 23, 46. Б. А.

привести за поруками въ городъ того села «человѣкъ дву или трехъ», на ихъ разумѣется подводахъ «быть имъ старостѣ и крестьянамъ въ наказаніѣ, что они учинилися Вел. Государя указу сильни» ¹⁾. Обвиненіе серьезное, процедура сложная и убыточная, посылка пристава, ѣзда въ городъ за 40 вер., все на счет провинившихся, не говоря уже о пенѣ. Боязнъ волокиты и убытковъ, съ нею сопряженныхъ, предостерегала населеніе отъ грѣха и давала агентамъ правительства средства легко управляться съ дѣломъ неупущенія интересовъ Вел. Государя.

Керешки переметныя ²⁾.

Значеніе рыболовной снасти «керешка переметная», иногда «переметная керешка», и способъ производства его лова, вполне выясняетъ сохранившееся въ бумагахъ рыбнаго двора дѣло крестьянъ с. Мунги, обвинявшихся въ ловлѣ этою снастью рыбы въ Государевыхъ заповѣдныхъ Киснемскихъ водахъ.

15-го ноября 1676 г. воевода Чаплинъ послалъ подъячаго рыбнаго двора Ив. Елиз. Тимохова на Киснемскую рыбную пристань для сбора съ промысловъ «денежной казны». Тимохову въ Киснемѣ «извѣщалъ словесно», т. е. донесъ цѣловальникъ пристани, что, въ этомъ мѣсяцѣ, видѣлъ онъ ловца с. Мунги въ Киснем. волости «съ переметными рѣдкими мережи», и что кромѣ того, и многіе другіе крестьяне того же села ловятъ въ Киснем. Каменьяхъ своими «мережными переметы» ³⁾.

Подъячій съ цѣловальникомъ и волостнымъ десятскимъ поѣхали на развѣдки и случилось такъ, что они «стрѣтили» того самого крестьянина, о которомъ доносилъ цѣловальникъ, «ѣдетъ въ саняхъ на одной лошади». Задержали конечно и привели на Киснем. рыбной дворъ, «а по досмотру у него въ саняхъ 4 стерляди, стерлядка 6 вершковъ, судокъ, 6 мней (налимовъ), 9 лещей и лещиковъ». По снятіи показанія, его послали съ десятскимъ: «Изъ Киснем. каменья... переметныхъ мережъ волочить изъ воды вонъ». — Въ

¹⁾ Стр. 626.

²⁾ Значеніе словъ «керешка» непонятно. Вѣроятно названіе это, сохранившееся отъ инородцевъ, туземцевъ, переведено на снасть съ названія особаго рода саней, повозки, приспособленной къ условіямъ природы края. Въ Истор. Выговской пустыни, пустынножитель XVII вѣка отправлялся въ путь, снаряженный «лыжи убо вмѣсто коней, кережу же вмѣсто воза пріемъ, самъ себѣ бываетъ и подвода и извозчикъ, и слуга и господинъ».

³⁾ Стр. 546. Б. А.

Помѣстья Коротнева и вотчины Покровскаго дѣвичья монастыря, что въ Суздаль.

тотъ же день «объявились къ подъячему и остальные ловцы с. Мунги». Записавъ ихъ показанія, Тимоховъ всю переписку и попавшагося первымъ ловца отправилъ, съ цѣловальникомъ и стрѣльцомъ, въ городъ на рыбной дворъ, гдѣ, по приказу воеводы, обвиняемый «посажень того же числа за рѣшотку», т. е. подъ арестъ «въ чюланъ», имѣвшійся при рыбн. дворѣ.

Допросныя рѣчи обвиняемыхъ и показаніе эксперта по дѣлу сообщаютъ въ подробностяхъ способъ производства лова «керешкой переметной» и указываютъ на преслѣдовавшуюся этою снастью добычу. Изъ получаемыхъ свѣдѣній узнаемъ, что ловъ «керешкой переметной» тождественъ съ существующимъ нынѣ ловомъ ставными сѣтями, производящемся въ озерѣ по гранямъ участковъ, на которые оно зимою дѣлится, описанный въ Отч. Эксп. изсл. рыбод. (стр. 16, 21); только нарицательное названіе снасти «керешка» теперь, повидимому, забыто.

Обвиняемые показывали:

1) Ловля ихъ этими снастями началась «съ первые поледные ставки». Снасти «пущены въ Бѣлѣозерѣ по нынѣшнему первому зимнему пути».

2) «Писался де онъ — на Бѣлѣозерѣ рыбу ловить въ одну керешку» с. Мунги съ попомъ Аврамомъ (отъ котораго ловилъ «казакъ», т. е. работникъ), съ братомъ своимъ и еще съ двумя крестьянами того же села. «Въ другой де керешкѣ рыбу ловятъ с. Мунги крестьяне» тоже 5 человекъ. Въ оправданіе свое тѣ и другіе представляли что «напередъ де сего въ прошлыхъ годехъ ловили въ керешке человека по 3, по 4 и по 5».

3) «А рыбные де снасти переметные всякъ держить свои и ѣздить на озеро тѣхъ мережъ пускать и изъ озера вынимать всякой на своей лошади». Орудіе это были «мережные переметные рѣдкія снасти» или «переметные рѣдкія мережи», снасть составлялъ рядъ переметовъ, по нынѣшнему «порядокъ»; въ каждомъ переметѣ было по 3 рѣдкія мережи. Обвинявшіеся ловили мережными переметами первый — «въ 26 мережахъ»; второй, третій ¹⁾ и четвертый — 60 мережъ; пятый — 54 мережи; шестой — 15-ю переметами, въ нихъ 45 мережъ; седьмой — 18 переметовъ, а въ нихъ 54 мережи; у 8-го и 9-го было 99 мережъ. ²⁾ Десятый поповъ казакъ въ процессъ

¹⁾ Третій ловецъ былъ «пріймышъ» второго и въ допросѣ пояснилъ; «а живетъ де онъ Ивашко у него Антонка въ одномъ дворѣ и въ хлѣбѣ, а не въ раздѣлѣ».

²⁾ Нынѣ выставляютъ: «рядыми иногда сѣтей въ 100 и въ 150 длиною». Каждая сѣть «мережа имѣетъ 17 саж. въ длину и одну съ третью въ ширину», утверждаютъ на кольяхъ, вбиваемыхъ въ дно, черезъ проруби. Отч. Эксп.

не попалъ, его не спрашивали. Хотя, какъ сказано, «всякъ держить свои» снасти, но и въ этомъ промыслѣ иногда участвовали товарищи, вѣроятно «складкою» составныхъ частей орудія промысла; одинъ изъ ловцовъ сказалъ про выловленную рыбу: «а та де рыба у него Антонка вмѣстѣ села жъ Мунги съ крестьяниномъ съ Корнилкомъ Втарушинымъ».

4) По самой постройкѣ снасти, (сѣти рѣдкія) видно, что ловъ ею былъ направленъ на крупную рыбу и конечно, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду стерлядь. Выловленную рыбу отвозили домой. Уловъ разовый (въ одну постановку сѣтей) первого попавшагося «на стрѣчу» подъячему, ловца знаемъ по найденному у него въ саяхъ; «а на передъ де сего», сказалъ онъ же, т. е, по 24 Ноября «въ нынѣш. во 184 г. по первому зимнему пути» уловилъ онъ 15 стерлядей и стерлядокъ», «и тѣ де стерляди нынѣ у него въ с. Мунгѣ въ домѣ ево, да и иная де рыба переметная въ домѣ есть же»; за всю уловную, по 24 число, рыбу покупатели давали ему 30 алт. У другихъ ловцовъ, за то же время, по ихъ показаніямъ, относительно стерлядей фатально фигурируетъ цифра 10, вѣроятно умаленная противъ дѣйствительности улова, — «а что будетъ впредь того не вѣдомо» прибавилъ наивно или хитро одинъ изъ ловцовъ.

Досмотръ цѣловальника, съ десятскимъ и понятыми (4), удостоверилъ, что многіе переметы были пущаны въ Государево Кишем. камень, «иные» пущаны «на вольную воду»; что же касается уловной рыбы, то въ 6 переметныхъ порядкахъ досматривавшіе не нашли «никакой рыбы», и лишь у одного оказались стерлядка, окунь и два лещика. Судя по улову, найденному въ саяхъ у случайно встрѣтившагося первого ловца, можно догадываться, что досмотръ безъ грѣха не обошелся, что тутъ кто нибудь да «покорыстовался».

1-го декабря на рыбномъ дворѣ допрашиванъ экспертъ посадскій человѣкъ Степанъ Вешняковъ, вѣроятно старикъ рыбакъ, о томъ, по скольку человѣкъ «зимою въ переметной керешкѣ рыбныхъ ловцовъ ловить и на сколькихъ лошадахъ ѣздить переметныхъ мережъ пущать и изъ воды вонъ волочить.»—Вешняковъ «по евангильской заповѣди Господни еже ей ей», показалъ: «ловятъ де рыбные ловцы въ бѣлѣозерѣ въ переметныхъ керешкахъ по два человѣка и онъ де Степанъ ловливалъ лѣтъ съ 10 самъ другъ же; а мережи де пущаютъ тѣ два человѣка въ озеро, на одной лошади возя, и вынимать изъ воды ѣздить два жъ человѣка для того, въ которое де время бываетъ ледъ тонокъ на озерѣ и ловецкая лошадь попадетъ ногами или вся обломитца въ воду и одному де лошадь изъ воды вынять не мочно; а больши де двухъ человѣкъ въ

переметной керешкѣ рыбныхъ ловцовъ не бываетъ; и какъ де ево, Степанова, и память сяжетъ, больша де дву человекъ въ переметной керешкѣ рыбныхъ ловцовъ онъ, Степанъ, не упомнить».

Тожественно съ показаніемъ Вешнякова и Отч. Эксп. сообщаетъ: «на порядокъ мережъ нужно только двухъ работниковъ, для пропешиванія прорубей, прочистки ихъ и пропуска или прогона мережъ подо льдомъ изъ проруби въ прорубь».

Относительно главнаго обвиненія, ловли въ заповѣдныхъ Государевыхъ водахъ, — обвиняемые, въ виду очевидности, конечно не запирались, отзываясь, что «заповѣди съ бѣлозер. рыбнаго двора, чтобъ въ томъ каменье рыбы не ловить переметными снастями, не слышали, а на передъ де сего въ прошлыхъ годѣхъ» тутъ лавливали.

По разборѣ дѣла двое крестьянъ оказались виновными: во 1-хъ въ томъ, что ловили рыбу на себя въ заповѣдной водѣ, и во 2-хъ въ томъ, что «они записали въ с. Мунгѣ у себя двѣ керешки, а ловили они съ товарищи, 10 человекъ на 10 лошадяхъ». А потому воевода Чаплинъ съ сыномъ «слушавъ» дѣло, «велѣли Титку Юдину да Никетку Кузмину учинить наказаніе бить батоги за то... да и за то...» (приведенные два пункта обвиненія), и кромѣ того «взять на нихъ съ товарищи» оброкъ съ 5 кережекъ: отобранную у нихъ рыбу имъ возвратить. «И по приказу воеводы» двумъ представителямъ кережекъ с. Мунги «учинено наказаніе биты батоги». Другіе участники отдѣлялись уплатою слѣдовавшихъ съ нихъ оброчныхъ денегъ.

Любопытно, въ бытовомъ отношеніи, въ этомъ дѣлѣ еще слѣдующее: крестьяне показали, что ихъ уловную этого промысла рыбу, взялъ у нихъ помѣщикъ ихъ Коротневъ; послѣдній подтвердилъ, что дѣйствительно, 23 ноября, т. е. во время уже возгорѣвшагося дѣла и наканунѣ досмотра понятыхъ, у крестьянъ своихъ взялъ рыбу «за свой оброкъ», а у «попа Аврама» и монастыр. крестьянъ того же села, тоже взялъ онъ «по цѣнѣ за долгъ», и всю рыбу, сколько числомъ онъ не упомнить, того же числа послалъ «къ Москвѣ въ гостинцы» съ человекомъ «къ знакомцамъ своимъ». Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что рыбу улова первополенной ставки всякаго рода промысловъ строго воспрещалось отвозить для продажи куда бы то ни было, раньше отпуска съ рыбнаго двора Государевой свѣжей рыбы и нарушеніе этого распоряженія преслѣдовалось, какъ проступокъ. Продѣлка Коротнева оставлена безъ вниманія.

Ловли «керешкой переметной» были обложены оброкомъ, сперва однимъ денежнымъ, позднѣе и рыбнымъ. Въ ¹²¹/₁₆₁₃ г. «керешкѣ мережные» платили оброку по гривнѣ; ¹) въ 1653 и въ 1654 гг.

¹) Стр. 418, 181, 182 Б. Акт.

брали 5 алт., съ керешки; ¹⁾ около 1660 г. наложено на нихъ кромѣ 5 алт., еще «по 2 стерляди живыхъ» ²⁾. Эта норма существуетъ и въ 170-хъ гг., времени прих. расх. книгъ, она же подтверждена указомъ 1666 г., въ Писц. книгъ 1674 г. оброкъ описывается тотъ же, «5 алт. да по 2 рыбы стерлядей и судаковъ головныхъ» ³⁾; въ ¹⁹³/₁₆₈₅ и въ ¹⁹⁷/₁₆₈₉ гг. встрѣчается опредѣленная мѣра платимыхъ стерлядей «мѣрою по три чети» ⁴⁾.— Но, установленнаго рыбнаго оброка, ловцы никогда почему то не вносили натурой, а оплачивали деньгами; въ первое время отмѣчено въ одной отпискѣ, «рыбные ловцы не плачивали потому, что наложена та рыба на нихъ вновь, а деньгами за тѣ стерляди въ Государеву казну на нихъ ловцахъ имать не указано» ⁵⁾, съ появленіемъ Моложенинова (въ ¹⁶⁹/₁₆₆₁ г.) на Бѣлѣозерѣ, подобный доводъ конечно былъ устраненъ, но рыбы тѣмъ не менѣе ловцы не вносили, во все время прих. расх. книгъ рыбн. двора (¹⁷⁰/₁₆₆₂—¹⁷⁵/₁₆₆₇ гг.), а уплачивали деньгами. Въ Писцов. книгъ 1674 г. внесена оговорка по этому же поводу, какъ будто объясняющая то естественными причинами: «а когда у рыбныхъ ловцовъ стерляди и судаковъ въ уловѣ не бываетъ, и за ту рыбу собирается на нихъ по 10 денегъ за рыбу», то же положеніе встрѣчаемъ и въ 1711 г. Отч. Эксп. также указываетъ; что «стерляди въ озерѣ мало добываютъ». Но приведенное дѣло крестьянъ с. Мунги невольно подсказываетъ иное, весьма возможное объясненіе этому факту: съ одной стороны изъ дѣла видно, что и стерляди и судаки не избѣгали рыболовныхъ сѣтей и въ озерѣ, хотя ихъ могло ловиться и немного, съ другой — признаніе Коротнева показало куда, минуя «Вел. Государя обиходъ», могла дѣваться эта дорогая, первопогодная свѣжая рыба. По Писц. книгъ 1674 г., главная рыба, преслѣдовавшаяся этою снастью (также какъ и керешкой крючней) показанъ налимъ, «ловятъ рыбу налимы»; свѣдѣніе это записано не совсѣмъ точно,—такъ какъ главный ловъ налима начинался со 2 февраля и составлялъ собою уже другой видъ промысла, причемъ, хотя и производился тою же снастью, но оплачивался отдѣльнымъ оброкомъ.

Промыселъ мережными переметами былъ весьма мало распространенъ и появленіе промышлявшихъ ими бывало даже какъ бы случайное; первое зависѣло конечно отъ значительности средствъ, требовавшихся на постройку снасти, средствъ одного, много двухъ лицъ; соединеніе въ товарищество многихъ оказывалось нецѣлесообразнымъ, такъ какъ ловъ требовалъ труда не сложнаго, а до-

^{1) 2)} Стр. 418, 181, 182 Б. Акт.

³⁾ А. Ю. 1838, 258.

^{4) 5)} Стр. 147, 392, 182, 143 Б. Акт.

быча, хотя и прибыльная по всей вѣроятности (какъ вообще добыча первыхъ зимнихъ улововъ), но не въ той мѣрѣ, которая могла бы вознаградить трудъ многолюднаго товарищества. Второе обстоятельство стояло вѣроятно въ связи съ тѣми или другими естественными причинами (условія замерзанія озера), обусловливавшими успѣшность промысла, или быть можетъ зависѣло отъ безсилія отдѣльныхъ ловцовъ съ этою снастью передъ массою неводныхъ товариществъ, дѣлавшихъ «тѣсноту и запоръ» этому промыслу ¹⁾. Керезекъ переметныхъ на озерѣ бывало, по книгамъ рыбн. двора, не болѣе 6, въ иной годъ двѣ и даже одна.

Бѣлозерцы посадскіе, какъ практичные комерсанты, искавшіе наибольшей выгоды при наименьшихъ затратахъ, вовсе не промышляли этою снастью; то же отмѣчаетъ Писцов. книга 1674 г., указывая, что переметами ловятъ «уѣздные ловцы». Занимались этимъ промысломъ, судя по прих. расх. книгамъ, ловцы села Ухтомы, (съ ними и мѣстный «попъ Федоръ»), с. Мунги, (и тутъ ловилъ «попъ Аврамъ») и одинъ ловецъ изъ села Оетиныиной Слободки, и при томъ опять «попъ». — Отч. Эксп. замѣчаетъ, что «число ловящихъ мережами не велико», поясняя, что промысломъ этимъ занимаются только богатые крестьяне, имѣющіе большое число сѣтей (стр. 16); такъ какъ выгодность лова стоитъ въ прямой зависимости отъ большого количества выставляемыхъ сѣтей.

Гадательная доходность этого промысла можетъ быть вычислена по показанію ловца с. Мунги, битаго батогамъ въ ¹⁸⁴/₁₆₇₆ г., о стоимости его улова, съ принятіемъ во вниманіе, сколько въ сложности выносила «керешка переметная» обязательныхъ платежей.

«Керешка переметная», какъ промысловое орудіе, платила: 1) оброкъ деньгами и рыбой, 2) несла подводную повинность подъ агентовъ рыбнаго двора, по сбору оброковъ, и въ 3) платила 4 алт. цѣловальничьей подмоги (послѣ 1682 г.), «хоженныхъ» и «писчихъ» денегъ она не платила. Всего, въ сложности, выходитъ 12 алт. 2 денги и подвода.

Ловецъ села Мунги говорилъ, что за уловную его рыбу съ начала лова до дня его ареста (въ ноябрѣ), ему давали 30 алт., но онъ не отдалъ; если ему повѣрить и предположить, что и въ остальное время лова по 2 февраля, составляющее еще двѣ трети времени производства этого промысла, — онъ уловитъ въ каждую треть то же количество рыбы, весь его уловъ представить изъ себя цѣн-

¹⁾ «Чтобъ не мѣшать тяги неводами», сообщаетъ Отч. Эксп., утвердилось правило выставять ставные сѣти только въ доль, по гранямъ участковъ, на которые въ настоящее время дѣлится зимою озеро, соответственно земельного береговаго владѣнія селеній, стр. 21, 16. — Въ XVII вѣкѣ этого не было.

ность товара на 3 руб., или 100 алт. Вычисленные платежи составляют одну восьмую часть заработка. Показаніе ловца можетъ быть и не совсѣмъ вѣрно, но вѣроятно не очень далеко и отъ истины.

2. Керешка крючная.

Названною снастью ловили два промысла въ теченіе одной зимы, «зимній», съ первополенной ставки по 2 февраля, и «весенній», съ «Стрѣтеньева дни Господня» — «да по погонную ловлю», до наступленія настоящей весны «какъ ледъ скроетца».

Слѣдующія свидѣтельства доказываютъ, что «керешки крючные» были удные переметы, практикуемые и нынѣ въ рѣкѣ Шекснѣ ¹⁾ и употреблявшіеся въ XVII вѣкѣ круглый годъ, зимою и лѣтомъ, «въ межень лѣта». Употребленіе одного нарицательнаго въ этомъ промыслѣ съ орудіемъ предыдущаго, объясняется предположеніемъ, приведеннымъ къ объясненію слова «керешка» въ очеркѣ предъидущаго промысла, т. е. что орудіе это точно также требовало употребленія особыхъ саней «кережи» для доставленія его на мѣсто промысла и затѣмъ обычнымъ перенесеніемъ этого слова и на снасть промысловую, и на промыселъ, и на ловцовъ, промышлявшихъ этою снастью.

Итоги промысловъ этою снастью въ книгахъ рыбнаго двора записывались въ слѣдующей формѣ: «бѣлозерцы посадскіе люди ловили рыбу налимъ въ бѣлозерѣ въ одиннадцати керешкахъ удами, да уѣздные рыбные жъ ловцы въ 16 керешкахъ, всего въ 27 керешкахъ». Слѣдующее свидѣтельство отождествляетъ подъ одно два названія орудій лова: «удные переметы» (лѣтомъ) и «керешку крючную» (зимой). Рыбный ловецъ с. Крохина показывалъ: «ловили того с. Крохина рыбные ловцы рыбу въ межень удными переметы» (пятеро, каждый въ лодкѣ), а осенью «ловили съ первые ставки въ бѣлозерѣ керешками крючными» (10 человекъ, каждый по керешкѣ). и затѣмъ выводится общій итогъ «всего 5-ю лодками да 10-ю керешками крючными, а большее де того села Крохина у крестьянъ у рыбныхъ ловцовъ удного промыслу въ ¹⁸¹/₁₆₇₃ г. да въ нынѣш. во ¹⁸²/₁₆₇₄ г. кережекъ не было» ²⁾. Наконецъ въ жалованной грамотѣ ¹³³/₁₆₂₅ г. Оерапонтову монастырю, въ перечисленіи принадлежавшихъ изстари (со временъ Ивана IV) монастырю ловель, указано: ловили «4 лодками кероводными и переметы мережными и удными» ³⁾.

Въ «керешкахъ крючныхъ» или «въ керешкахъ удами» ловили

¹⁾ Арсеньевъ. Вѣстн. промысл. № 8, 1861 г.

²⁾ Стр. 336.

³⁾ Стр. 304.

съ первыхъ заморозковъ, всю зиму и въ великомъ посту. Посланному въ ¹⁸⁹/₁₆₈₁ году для взятія сказокъ у населенія о ловцахъ этимъ орудіемъ, стрѣльцу,—староста, цѣловальникъ да крестьяне (5) и всѣ крестьянишка с. Мегры сказали, что изъ ихъ села «керешками Микитка Маркеловъ выходилъ ловить на озеро, заговѣвши въ великой постъ нынѣшней зимы».

Въ одной росписи цѣловальника (¹⁹⁵/₁₆₈₇) «керешкамъ» заслуживаетъ вниманія отмѣтка, противъ имени одного ловца с. Куности: «керешка осенняя ряпусья». Отмѣтка эта можетъ быть была употреблена съ цѣлю различить два вида промысловъ этимъ орудіемъ, причемъ отличительнымъ признакомъ принята преслѣдуемая добыча, — *осенняя* преслѣдуетъ ряпусь, *весенняя*, т. е. послѣ 2 февраля, налима; хотя, какъ уже упомянуто,—Писц. книга 1674 г., отмѣчаетъ преслѣдованіе этою снастью только налимовъ. Изъ Отч. Эксп. изсл. рыб. узнаемъ, что время главнаго лова ряпухи, — поздняя осень, когда рыба эта мечетъ икру.

Оброку съ «керешки крючнѣй» взималось 10 денегъ, величина не измѣнявшаяся въ теченіе столѣтій, съ 1613 г. и по 1711 г. Позднѣйшаго времени, безъ обозначенія года, встрѣтилась въ бумагахъ рыб. двора «квитанція», выданная цѣловальникомъ въ принятіи «съ керешки крючнѣй по окладу денегъ 5 копѣекъ», т. е. тѣ же 10 денегъ. Подможныхъ денегъ съ керешки крючнѣй платили по алтыну ¹⁾.

Каждый ловецъ промыслялъ одной керешкой; въ противоположность предыдущему, этимъ промысломъ занимались по преимуществу бѣлозерцы посадскіе, значительно превышая численностью уѣздныхъ ловцовъ, что отмѣчено также Писцов. книгой 1674 г. Изъ цифровыхъ данныхъ о ловившихъ этою снастью видно, что промыселъ этотъ постоянно, съ каждымъ годомъ, распространялся, благодаря конечно неизмѣняемости и незначительности оброчнаго обложенія.

3. Багренье.

Послѣ 2-го февраля «Стрѣтеньева дни Господня» имѣли мѣсто два промысла: 1) въ озерѣ и въ рѣкѣ Шекснѣ «баграми» и 2) въ озерѣ, «керешками крючнѣй», которые и продолжались «по вешній промыселъ», «по погонную ловлю», какъ отмѣчено то и въ Писцов. книгѣ 1674 г. и въ нѣсколькихъ записныхъ книгахъ.

Со вступленіемъ на воеводство И. О. Чаплина, въ Прих.-расх. книгахъ рыбн. двора, въ заголовкахъ перечисленія ловцовъ баграми, опускается объ этомъ промыслѣ въ р. Шекснѣ, и можно предпо-

¹⁾ Стр. 418, 181, 143. ²⁾ Стр. 332 Б. А.

лагать, что тутъ, около этого времени, багренье было воспрещено; свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются нѣсколько позднѣйшаго времени, ¹⁸⁹/₁₆₈₁—¹⁹⁵/₁₆₈₇ г. ¹). Запрещеніе положительно усматривается изъ наказной памяти отъ 31 января ¹⁹⁵/₁₆₈₇ г. воеводы Мусина-Пушкина, данной своему сыну, подъячему и цѣловальнику, посланнымъ на р. Шексну по тому поводу, что «вѣдомо учинилось, что ловятъ рыбу баграми» въ заповѣдной водѣ ловцы усть-шехонскихъ селъ и деревень; поручалось «тѣхъ рыбныхъ ловцовъ при понятыхъ людехъ поймать и ловецкіе ихъ багры у нихъ взять и учинить тому записка»; пойманныхъ поручалось привезти въ городъ на ихъ подводахъ.

Грамота 1666 г. упоминаетъ еще о багорномъ ловѣ въ р. Кѣмѣ; въ Писцовой же книгѣ 1674 г. указывается о промыслахъ багорномъ и крючной керешкой, какъ о производившихся только въ озерѣ и ловцами въ багреньи называетъ только «уѣздныхъ». Всѣ напечатанные и архивные акты, единогласно свидѣлствуютъ, что промыслы эти были направлены къ ловлѣ «мней» налимовъ; «ловятъ рыбу налимы», «ловятъ о норосту рыбу мни». Это объясняется временемъ метанія икры этою рыбой, на что указываютъ и приведенное выраженіе изъ архивныхъ бумагъ и современное свидѣтельство Отч. Эксп., что «главный ловъ» этой рыбы производится въ концѣ января и началѣ февраля мѣсяцевъ; изъ того же Отч. узнаемъ, что въ настоящее время налимъ въ озерѣ водится въ небольшомъ количествѣ; каковъ бывалъ уловъ этой рыбы въ XVII вѣкѣ, не знаемъ, но знаемъ цифры ловцовъ, занимавшихся багреньемъ и то, что рыба эта была въ числѣ отпускавшейся съ Бѣлоозера «на Вел. Государя обиходъ» въ Москву. — По Отч. Эксп. багренья въ настоящее время на озерѣ нѣтъ, способъ нынѣшней ловли «отдѣльными крючьями на веревкахъ подо льдомъ», вѣроятно, практиковался и въ старину, быть можетъ и подъ названіемъ «керешки крючной»; но въ то же время ловили и «со льду мни баграми». Опи-

¹) Въ февралѣ ¹⁸⁹/₁₆₈₁ г. воеводѣ Загрязскому «билъ челомъ словесно» цѣловальникъ (посадскій) А. Поповъ про багорную ловлю въ Шекснѣ: «былъ я, Андрюшка, въ бѣлоз. уѣздѣ, въ Вогнемской вол. въ д. Пидьмѣ, у сродичевъ своихъ въ гостяхъ. И изъ д. Пидьмы ходилъ я, — ночной порой нарочно февраля противъ 8 числа въ Государевы заповѣдныя ловли на р. Шексну смотрѣть, не ловить ли въ той рѣкѣ, въ заповѣдной водѣ, кто на себя баграми», съ нимъ были 2 крестьянина Тургенева, «и въ Государевой заповѣдной водѣ, въ Шекснѣ рѣкѣ ловили той ночи на себя», с. Великоселья и д. Попковы 5 крестьянъ» со льду мни баграми четырма; мней въ уловѣ у нихъ было съ 50 —, и я Андр. съ той ихъ ловли ссылалъ, потому что тутъ вода Государева заповѣдная и стороннимъ ловцомъ тутъ ловить рыбу на себя не велѣно». Производства по этому доносу въ бумагахъ рыб. двора не встрѣтилось. Стр. 157. Бѣл. Акт.

саніе вида «багра», имѣемъ въ списокѣ рыболовныхъ снастей, хранившихся на рыбномъ дворѣ: «два багра желѣзныхъ, одинъ большой, другой малой, насажены на деревье, у большого носъ сломенъ», «пять багровъ желѣзныхъ ловецкихъ» ¹).

«Багренье», какъ кажется, прежде и вовсе не было обложено оброкомъ, проходя незамѣченнымъ начальствомъ, вѣдавшимъ бѣлозерскія рыбныя ловли. Въ запискѣ о поступившихъ съ промысловъ оброкахъ 1613 года, о баграхъ не упомянуто, также какъ не упоминается о нихъ и въ наказѣ ключника Козлова ^{161/1653} г.; въ сказкѣ посадскихъ объ оброчномъ обложеніи промысловъ ^{168/1660} г. встрѣчаемъ багорный промыселъ уже оплачиваемымъ оброкомъ, но должно быть оброкъ этотъ, какъ недавно еще введенный, соблазнялъ непривыкшихъ къ нему ловцовъ обходиться безъ его уплаты, такъ какъ въ ^{173/1665} г. воевода въ наказной памяти посланнымъ для переписи по селамъ и деревнямъ ловцовъ, нашелъ нужнымъ дать слѣдующее указаніе: «а сказать тѣхъ сель и деревень старостамъ и крестьяномъ», чтобы «того ловцы не чинили, какъ въ прошлыхъ годѣхъ, они рыбные ловцы рыбную ловлю багры таили», оброковъ не платили, проходили «въ избылыхъ». Указаніе это сопровождалось даже угрозою, что ослушники «за силу и утайку» будутъ подвергнуты «жестокому наказанью безъ пощады» и кромѣ того на нихъ же будетъ взято заповѣди «по пяти рублевъ на человѣкѣ» ²).

«Государева денежного оброку» взималось съ багра по алтыну, съ весенней «керешки» по 10 денегъ. Указъ 1666 г. не измѣнилъ оброка «имать бы... по прежнему»; въ той же величинѣ оброкъ встрѣчаемъ въ 1674 г. и позднѣе. Оброкъ взимался, какъ и на другихъ промыслахъ, не съ лицъ, а съ орудія лова, поэтому ловцы могли являться на промыселъ и съ нѣсколькими баграми, и съ багромъ и керешкой, оплачивая въ отдѣльности и то и другое орудіе, но воспрещалось «по два человѣка въ одинъ багоръ не писать» ³). Въ виду незначительности оброка уплачивался онъ безъ недоимокъ.

Посадскіе принимали въ этихъ промыслахъ сравнительно съ уѣздными небольшое участіе и по преимуществу «керешкой»; крючной же снастью, послѣ 2 февраля, много ловило изъ с. Ухтомы, до этого же срока этою снастью и въ багреньи ловцы этого села и с. Мунги вовсе не участвовали. Въ «багреньи» по преимуществу

¹) Стр. 254, 253, 77, 153, 157. Бѣл. Акт. и Отч. Эксп. изсл. рыбол., стр. 10, 16 и 69.

²) Стр. 418, 181, 470, 624 Бѣл. Акт.

³) Стр. 624.

видимъ участвующими крестьянъ разныхъ деревень Киснем. и Кѣмской волостей; въ теченіе 5 послѣдовательныхъ лѣтъ Прих. расх. книгъ, (1662 — 1666 г.) ловцами на этихъ ловляхъ бывали почти одни и тѣ же лица; нѣкоторые являются каждый годъ на одномъ и томъ же промыслѣ, другіе мѣняють одинъ на другой; случаются появленія въ одномъ году многихъ ловцовъ одной какой либо деревни, не являвшихся на эту ловлю въ предыдущіе годы. По сохранившимся цифровымъ даннымъ видно, что багорный промыселъ былъ болѣе распространенъ, чѣмъ промыселъ крючною снастью, что доказываетъ большую его доходность и можетъ свидѣтельствовать, въ виду сообщеній Отч. Эксп. ¹⁾, что порода этой рыбы переводится въ Бѣломъ озерѣ.

Слѣдующія выдержки изъ восьми сказокъ ²⁾ старостъ и крестьянъ кругозерныхъ селъ, данныхъ стрѣльцу, посланному 13 марта ¹⁸⁹/₁₆₈₁ г. для переписи ловцовъ, указываютъ специализацію промысловъ въ селахъ:

Въ с. Куности багорщиковъ въ бѣлѣозерѣ (3 изъ 2 деревень), «а керешекъ у насъ изъ села... на бѣлѣозеру нѣтъ».

С. Кустовы: «а кережекъ у насъ съ Стрѣтеньева дни нѣтъ и багровъ нѣтъ же».

С. Мѣгры: «зимного промыслу багромъ выходилъ ловить мней о норосту Ивашко Хаборовъ, да керешками М. Маркеловъ выходилъ на озеро.... а больши того у насъ въ селѣ нѣтъ».

С. Ковжи: «керешкой крюшной ловили у насъ» (7 ч., изъ дер. Орлова 2) «а багорные ловли у насъ нѣтъ».

Кьянской вол.: «зимного промыслу багромъ выходилъ ловить о норосту» одинъ, «крючныхъ кережекъ.... нѣтъ».

С. Вашкея: «багорщиковъ и керешками у насъ нѣтъ».

С. Липина Борку: «баграми изъ нашей волости мней не ловятъ».

С. Мунги: «баграми, ни керешками отъ насъ изъ села никто не ловить».

4. Верши.

Вершаной промыселъ, начинаясь «съ первые поледные ставки», продолжался во всю зиму: — «по внешней промыслъ, какъ ледъ вскрыетца» и производился лишь въ рѣкахъ, что обуславливалось способомъ его производства. Промыселъ этотъ, обложенный оброкомъ, имѣлъ мѣсто въ р. Шекснѣ до «Милобудицъ» включительно, и въ р. Кѣмѣ. До ¹⁷³/₁₆₆₅ г. кѣмскіе ловцы, кажется, не платили обро-

¹⁾ «Налимъ, котораго здѣсь вообще ловится мало, въ продажу нейдетъ, а по здѣшнему обычаю составляетъ собственность хозяевъ, для ѣды», стр. 33. Отч. Экс.

²⁾ Стр. 48, 49 Б. А.

ковъ за свои вершанья ловли; прямого свидѣтельства о томъ нѣтъ, но, во 1-хъ, цифры пооброченныхъ вершъ съ этого года по книгамъ рыб. двора болѣе чѣмъ удвоились, и во 2-хъ, въ одной наказной ^{174/1666} г., по поводу предполагавшейся въ этой рѣкѣ ловли на Вел. Государя обиходъ, встрѣчается указаніе на то, что «они, рыбные ловцы (волости Кѣмскихъ селъ) въ прежнихъ лѣтѣхъ съ рыбныхъ рѣчныхъ ловель въ Государевѣ денежномъ и рыбномъ оброкѣ проходили въ избылыхъ» ¹⁾. Указъ 1666 г. упоминаетъ о ловляхъ вершами въ р. Шекснѣ, Кѣмѣ и Кумьюгѣ. До этого времени въ Шекснѣ ловъ вершами изъ оброку былъ ограниченъ весьма малымъ пространствомъ, вѣроятно только до р. Чайки; ниже по теченію до Милобудицъ, до 1666 г., ловъ вершами, зимою и лѣтомъ, былъ предоставленъ (или изъ старины захваченъ) дворцовымъ крестьянамъ волости Бору Иванова, изъ годовой платы оброку съ волости одного рубля, причемъ «ловили повѣтно все волости крестьяне» ²⁾. Въ 1666 г. эта крестьянская ловля (дворцов. крестьянъ) обращена была въ повинность, наложенную на нихъ, ловить тѣми же вершами на Вел. Государя обиходъ, съ уплатою имъ за уловную рыбу денегъ съ рыбн. двора. Эта опытная новозачинность воеводы Чаплина и Моложенинова была неудачна и въ скоромъ времени была оставлена ³⁾. Но прежнее исключительное положеніе крестьянъ вол. Бору Иванова возстановляемо уже не было и они сравнены въ оброкѣ «съ верши» со всѣми, занимавшимися этимъ промысломъ, что сильно повліяло на его развитіе, такъ какъ тутъ же стали ловить и другія деревни (прибрежныя), прежде не лавливавшія. Съ этого же времени вершаной промыселъ въ Шекснѣ былъ раздвоенъ, подобно предъидущимъ, (керешками) на зимній и «съ весны по заморозъ», каждый самъ по себѣ обложенные оброкомъ» ⁴⁾.

Очеркъ способа лова вершами находимъ въ «досмотрѣ» ^{207/1699} г., произведенномъ по жалобѣ стряпчаго Кирилова монастыря на то, что въ Ворбозомской вол., въ оброчныхъ монастырскихъ водахъ, на рѣкѣ Илозѣ, сторонніе крестьяне устроили «язки» и ловятъ рыбу. Подъячей «Губные избы сыскныхъ дѣлъ» ⁵⁾ съ понатыми нашелъ:

¹⁾ Стр. 617. Б. А.

²⁾ Любопытно, до чего должна была дробиться величина доли оброка отдѣльныхъ ловцовъ, если вся волость, 83 двора (въ 176 г.) платила оброку «рубль». — Въ такихъ то случаяхъ «мірскаго розводу» и примѣнялось дробленіе рубля, кромѣ обычнаго, на пироги: полъ пирога, четверть пирога и т. д. стр. 248. Б. А.

³⁾ Свѣдѣнія объ этихъ опытныхъ ловляхъ войдутъ въ очеркъ рыбныхъ ловель на р. Шекснѣ.

⁴⁾ Стр. 43.

⁵⁾ Тутъ дѣйствуетъ подъячей Губной избы потому, что оброчныя статьи въ уѣздѣ, въ это время, были уже изъяты изъ вѣдѣнія рыбнаго двора.

«на р. Илозѣ у пристани ловецкой клѣтки близъ монастырскихъ ясковъ, на р. Илозѣ, забиты тѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ вновь плотные 3 яска, а въ нихъ заложены верши». ¹⁾ Также въ наказной ¹⁸⁹/₁₆₈₁ г. велѣно: «досмотрѣть на р. Шекснѣ по обѣ стороны рѣки отъ Великоселья до Пидьмы и до р. Чайки.... заесковъ и въ тѣхъ заескахъ верши» и поручалось «розыскать въ правду у кого имяны и котораго села или деревни сколько вершъ было и въ которыхъ мѣстѣхъ, кто заески билъ и рыбу вершами ловилъ» ²⁾. — Когда въ 1666 г. весною начальство рыбн. двора задумало устроить казенную ловлю въ заескахъ вершами, то наказывало дворцовымъ крестьянамъ построить: «заяски тверды и стройны на прежнихъ заезошныхъ мѣстахъ» ³⁾, — руководствуясь вѣроятно предположеніемъ, что мѣста эти опытными рыболовами бывали выбираемы, какъ самыя уловистыя.

Изъ одной челобитной видно, что ловцы придерживались излюбленныхъ мѣстъ лова, быть можетъ и наслѣдственно, и вѣроятно обычай признавалъ за ними это право ⁴⁾. Въ Шекснѣ эти устроенья, т. е. заезки, раннею весною, всѣ «безъ остатку», выламывались въ виду «погонной Государевой ловли», бывавшей въ первыхъ числахъ апрѣля, «чтобъ для заесковъ Вел. Государя рыбной ловлѣ поруки не было» ⁵⁾; о чемъ, передъ наступленіемъ времени погонной ловли, наказывалось памятями съ Рыбнаго двора въ дворцовыя волости ⁶⁾.

Оброкъ платился «съ верши» по 3 деньги; число вершъ было неограничено, ловцы по достаткамъ и своимъ силамъ, выставляли отъ 2 и до 10 вершъ. Никакими дополнительными сборами вершаной промыселъ не облагался.

Статистику промысла доставляютъ сказки и росписи цѣловальниковъ и другихъ лицъ, переписывавшихъ ловцовъ и верши и сбиравшихъ оброки,— одни по р. Шекснѣ, другіе по Кѣмѣ; дополняютъ ихъ «скаски» ревизовавшихъ отчетность первыхъ «противу ли (т. е. согласно ли) заручной росписи» такого то «была ловля» ⁷⁾; контролировавшимъ поручалось розыскивать въ правду, если объявятся «верши въ утайкѣ», т. е. если будетъ обнаружено, что кто либо ловилъ большимъ числомъ вершъ, чѣмъ было оплачено обро-

¹⁾ Стр. 62.

²⁾ Стр. 102.

³⁾ Стр. 374.

⁴⁾ Стр. 463.

⁵⁾ Стр. 433.

⁶⁾ См. Очеркъ «Госуд. погон. ловля стерлядей XVII вѣка».

⁷⁾ Стр. 102.

комъ, виновныхъ приводить за поруками въ городъ. Контроль былъ дѣломъ обычнымъ, въ бумагахъ рыбн. двора контрольных отчетностей сохранилось нѣсколько ¹).

Вершаной промыселъ, по цифровымъ даннымъ, представляется весьма распространеннымъ, чему способствовали дешевизна оброчнаго обложенія, простота производства лова и, вѣроятно, его выгодность, такъ какъ въ Шекснѣ главная уловная рыба въ вершахъ была стерлядь; устройство заесковъ, конечно, требовало сообщества нѣсколькихъ лицъ, товарищества, но о распорядкахъ въ нихъ никакихъ свидѣтельствъ въ архив. бумагахъ не встрѣтилось; имѣется одно челобитье о восстановленіи нарушеннаго права ловца въ этой ловлѣ въ заескахъ, строенныхъ имъ въ соучастіи съ другими крестьянами Боровской волости ²). Въ ¹⁹⁶/₁₆₈₈ г. «билъ» онъ заески «съ крестьяны съ Ивашкомъ Андреевымъ съ товарищи» и рыбу, вмѣстѣ съ ними ловилъ; весной 197 г. тѣ крестьяне «приняли въ мое мѣсто иного товарища», и ему не даютъ ловить; просилъ о посылкѣ съ рыб. двора памяти старостѣ, чтобъ ему дали ловить «въ тѣхъ заескахъ», по прежнему, а вновь принятому «велите Государи отказать». Послана память волостному старостѣ и велѣно челобитчику «въ тѣхъ заескахъ съ тѣми крестьяны рыбу ловить по прежнему, буде онъ Ильюшка, напередъ сего въ тѣхъ мѣстѣхъ рыбу ловилъ, а крестьянину, которой принять вновь, отказать, чтобъ впредь о томъ челобиться не было».

Ловцами на этомъ промыслѣ бывали исключительно жители побережныхъ селъ и деревень; изъ пришекснинскихъ особенно много выставляли вершъ с. Великоселья, Каргулина Слободка и д. Попкова; затѣмъ наслѣдственно привыкшіе къ промыслу крестьяне деревень дворцовой волости Иванова Бору, о чемъ сказано выше.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что тутъ, въ р. Шекснѣ (также вѣроятно и въ р. Кѣмѣ), было уже установившееся обычаемъ ограниченіе свободы лова въ пользу прибрежныхъ жителей, независимо отъ того, что р. Шексна въ своемъ теченіи по Бѣлоз. уѣзду составляла «заповѣдныя воды Великого Государя».

¹) Стр. 31, 102, 408. ²) Стр. 449. Бѣл. Акт.

